

Сборник прозы

«Сокровенные мысли»

Выпуск 11

Независимое Издательство

Аннотация

«Как только в вашем сознании возникает одна мысль сомнения, земля становится преградой для вас. Как только в вашем сознании возникает одна гневная мысль, огонь начинает обжигать вас. Как только в вашем сознании возникает одна радостная мысль, ветер начинает дуть на вас..» (С)

Мысли - это неотъемлемая часть нашей жизни, мысль руководит нашим сознанием. В сборнике «Сокровенные мысли» мы собрали авторов, прозы которых заставят каждого из Вас глубоко окунуться в мир непостижимого, которым мы окружены.

ISBN: 978-0-359-42632-4

УДК: 1751

Budapest 2019

Итоги конкурса

Среди авторов данного сборника проходил конкурс на лучшие произведения. Издательство искренне выражает благодарность всем авторам, принявшим участие в данном сборнике. Это было не легко, но редакционным советом издательства выделено трое победителей. Контакты всех наших авторов представлены в конце данного сборника.

1 место: Попель Юрий Андреевич

Дополнительная информация от первого лица:

С детства, имея бурную фантазию, я не знал, как выразить себя среди серости вокруг. И вот, не так давно я открыл для себя писательство. Удивительная возможность создавать уникальные миры разрисовала для меня всё новыми красками. Без матери, отца и Солнца у меня ничего бы не получилось.

2 место: Назарова Светлана Яковлевна

Дополнительная информация от первого лица:

Мне уже очень много лет, 67. До пенсии работала акушеркой в родильном доме им. профессора Снегирева в Санкт-Петербурге. Писать и публиковаться начала в 50 лет. Читала свои рассказы и стихи в школе, курсантам военных университетов, солдатам. Мой рассказ "Он для меня, как Родина" хранится в фондах Государственного Мемориального Музея Оборона и Блокады Ленинграда. Мне очень хочется, чтобы наши замечательные молодые люди, которых я ценю и уважаю за их ум, таланты, образованность, хранили государство, в котором мы живем, но еще больше желаю, чтобы государство хранило их жизни, их высокое духовное начало, а все это в совокупности приведет к взлету нашей многострадальной страны.

3 место: Виктор Нойбергер

(творческий псевдоним: Вито Бжицкий)

Дополнительная информация от первого лица:

Пишу я с шести лет, правда это были в основном стишки. В пятом классе, по просьбе учительницы по географии, я сочинил стихотворение про местных жителей тайги и тундры - Хантов. Это стихотворение долго висело на информационной доске в школе, а в учительском журнале, напротив моей фамилии, светилась пятёрка.

Различные истории возникали в моей голове всю мою сознательную жизнь, но записывать их я начал лишь после службы в армии. Мне нравились все рассказы, что я писал, но считал что для печати они не годятся и потому они копились в ящике для писем.

В 2003, по уговору друзей, я объехал множество газет и журналов в городе Тюмени, предлагая некоторые из моих рассказов и стихов. Напечатали лишь одно моё стихотворение в газете "Тюменская область сегодня".

В 2004 я переехал в Германию и надолго забросил писательство. Лишь в 2011 я начал писать заново - от меня ушла моя любовь. Три года совместной жизни, принятое предложение руки и сердца, но она хотела танцевать и... утанцевала с каким-то чернокожим африканцем. Смешно, что он поступил с ней так же, как она со мной. Но, не об этом речь.

В её честь я написал несколько песен, сочинил музыку, и записал настоящий альбом. Популярности и денег мне он не принес, просто потому, что я этот альбом подарил ей... и забыл о ней.

Учеба, работа, учеба, работа, так тянулось время вплоть до 2016; в тот год я наткнулся на сайт "япишу.нет" и решил, что если сейчас не начну писать и делиться этим, то не начну уже никогда.

Первая история "Люська", которая появилась на том сайте, больше половины была реальным событием. Так начался мой новый стиль - объединять вещи, которые я пережил, либо увидел, с вымышленным.

В 2018 году принял участие в номинации "Писатель года" национальной литературной премии, в рамках "Дебют". Недавно прислали диплом и печатное издание книги для членов жюри. В марте этого года объявят решение жюри.

На данный момент написано семь произведений, восьмое в доработке, в планах... очень много.

Содержание

Юрий Попель	6
Светлана Назарова	12
Вито Бжицкий	18
Александр Ипатов	26
Алексей Тверитинов	47
Анна Логинова Трушкова	52
Лесана Зеленовская	60
Илья Ананич	89
Aliki Wonder	94
Ксения Москвина	103
DZUDZO	107
Мария Сотникова	112
Светлана Солнцева	145
Контактная информация авторов	152

Юрий Попель

Есть то, что не есть кто

Дело было в небольшом городке, ничем не отличающемся от любого другого города. Главные герои этой истории: три парня, которым чуть меньше тридцати, не многого добившиеся в жизни, но много повидавшие. Буду называть их Спичка, Свин и Золотой.

Спичка – двухметровый скелет, обтянутый кожей, с каштановыми короткими волосами, большими посаженными вглубь глазами. Глазами, по правде говоря, слепыми, так что без очков не разобрать, то ли стул перед глазами, то ли мать родная. Главной гордостью своего дрыщавого тела считает длинные руки, часто говоря о том, что их размаху позавидовала бы любая птица.

Свин – полная противоположность Спички. С детства страдает ожирением; рыжий, с веснушками по всему лицу, и настолько маленькими глазками, что порой кажется будто грузный лоб и обильные щеки вот-вот сомкнутся и глаза исчезнут совсем.

Золотой – довольно худой, но не до уровня Спички, и весьма низкий паренек, узбекской национальности. К шестнадцати годам полысел из-за переизбытка тестостерона. А на совершеннолетие выбил два передних зуба и вставил на их место золотые. Каждый раз рассказывает новую историю о том, как он их выбил, но всегда сходится в конце на том, что зубы совсем не зубы, а дорожка из желтого кирпича в Страну ОЗ.

И так вышло, что три этих персонажа были лучшими друзьями и по совместительству совладельцами бара, в котором они и работали. Быть хозяевами бара очень круто- всегда есть алкоголь, чем ребята каждый день непременно пользовались. В связи с этим и тем, что было не очень много посетителей, дела шли не густо.

Помимо обычных пьянчуг, которые составляли девяносто процентов посетителей, иногда появлялись интересные персонажи. Если же пьянчуги норовили рассказать о том какая дерьмовая у них работа или же как им надоела их жена и теща, то оставшиеся десять процентов приносили в серые алкогольные разговоры, затертые до дыр, что-то новое, живое для наших хозяинов-баринов. Поэтому, только завидя в дверях новое лицо, его обслуживали, как важную персону, в надежде услышать что-то интересное.

Так, одним вечером, на пороге бара, который, кстати, друзья называли весьма оригинально "Три Мушкетёра", появился человек в солидном костюме и черной фетровой шляпе. Шляпа, дальше я буду звать его так, не говорил ничего кроме названий напитков, все вопросы задаваемые в свой адрес он пропускал мимо ушей. Он пил много и очень дорогие напитки. Такой состоятельный человек, не мог выпасть из внимания наших мушкетёров.

С того вечера, Шляпа начал появляться в баре каждый вечер, и в один момент ребята даже обнаружили закономерность, что он приходит ровно в 20:30 и ни минутой раньше, и ни минутой позже. А так же уходил ровно в 22:30. Но разговорить его никак не удавалось, он даже не называл своего имени.

А интерес к нему не угасал, ну а как можно не хотеть узнать о человеке, который платит такие деньги каждый день, да еще и с такой интересной закономерностью и в посещении. Так было принято совместное решение, проследить за ним после бара. Самым главным мужским методом решения споров, а именно "Камень, ножницы, бумага", для слежки был определен Золотой.

Ровно в 22:29 Шляпа сделал последний глоток из стакана, положил нужную сумму на барную стойку, надел свою шляпу и в 22:30 вышел из бара. Золотой предварительно вышел через черный вход и уже ждал. Так они и пошли Шляпа впереди, и на тридцать шагов позади него Золотой, который чувствовал себя тайным агентом и старался не улыбаться из-за этого во весь рот, боясь, что свет фонарей вызовет блеск зубов и привлечет внимание. Спустя ровно полчаса Шляпа подошёл к непонятному зданию, похожее на склад, обтянутое по периметру забором с колючей проволокой, который показался Золотому смехотворно низким, что даже маленький ребенок, подставив стул или ещё что-либо, мог перепрыгнуть через него. Шляпа достал ключ, провернул дважды в замке небольшой двери, и растворился внутри склада.

Золотой вернулся обратно и рассказал об этом своим друзьям. Самое странное из всего этого было то, на чем ребята сошлись, что до появления Шляпы, на этом месте не было вообще ничего. И теперь их интерес вырос еще сильнее. Теперь они решили узнать, приходит ли Шляпа из того склада, и узнать ходит ли он еще куда-то. Таким образом, они выстроили караул, что всю ночь будет наблюдать Спичка, утром его сменит Свин до вечера, а остаток вечера Золотой. И за это время Шляпа никак не показывал себя, никто больше не подходил и не выходил к складу. Ровно в 20:00 замкнулась дверь и Шляпа отправился в бар.

Получалось, что он не находился на складе лишь три часа в день. Что он там делал, что находится в складе, откуда у него постоянно берутся деньги и почему он пьет? Эти вопросы не давали покоя ребятам.

В течении следующих дней было принято смелое решение проникнуть на склад, пока Шляпа будет в баре. Свина, ввиду его комплекции, было решено оставить в баре. В то время как Золотой и Спичка проникнут на склад. Все было продумано до мелочей.

Так ребята дождались, пока Шляпа уйдет, и проводили его взглядом. Заранее осмотрев территорию со всех сторон на наличие камер или сторожевой собаки, прихватив с собой барный стул, тандем из "золотой спички" подставили его к забору. Спичка залез на стул и перешагнул забор, а золотой остался сторожить периметр, и ждать, чтобы подать стул Спичке чтобы он перелез обратно. Задняя дверь склада была удачно не заперта, и Спичка исчез внутри склада.

Прошёл час. Второй. И вот уже подходило время возвращения Шляпы, а Спички все никак нет. Золотой уже не на шутку волновался. Как тут...

Я проснулся в поту, прикованный к кровати, в которой лежала моя любимая игрушка свинья, рядом на тумбочке лежали спичка, единственная, которая осталась от моей последней игры в карты. Мне уже надоело, что каждый раз, когда меня пихают этими таблетками, похожими на золотую пулю, необходимо меня приковывать. И где, тысяча чертей, моя шляпа? Я в ней похож на Д'Артаньяна.

Время было 23:00, этот трехчасовой препарат, что они на мне тестируют полная шляпа, даже сон не успел досмотреть. Не психушка, а дурдом какой-то.

Ложь, и то к чему она приводит

Зачем люди врут? Этим вопросом я задаюсь каждый день, по той причине, что я редкостный и отменный лгун. Про таких, как я, говорят: врёт, как дышит. Я и сам не знаю, почему так? Но ложь во мне до самых мелких крупиц моего мозга, я не получаю от этого большого удовольствия. Я не делаю это намеренно. Это получается автоматически. Если меня спросят: смотрел я тот или иной фильм, то я отвечу да смотрел, если даже этого не делал. Мне просто, кажется стыдным, если я вдруг чего-то не делал, что делал другой человек. Так же с моей отменной фантазией, мне то и дело что-то приходит в голову. Но я же не могу рассказать кому-то это, как свою фантазию, мне хочется, чтобы это было реально. Поэтому я говорю, что увидел это где-то, услышал или так было с моим знакомым. Я стараюсь запоминать свою ложь, и делать это так, чтобы она не вскрылась. Это уже, как диагноз. Я просто не контролирую себя. Даже если меня спрашивают что-то, и ответ ни повлияет ни на что, как например: что я ел на ужин? То я всё равно наверняка отвечу суп, вместо борща, который я ел, на самом деле, с великим аппетитом.

После того, как я немного рассказал о себе, что является чистой правдой, без преувеличений, я хочу рассказать, историю, которая может показаться ложью, но я на то её и пишу, чтобы хоть где-то была правда.

Всё было, как обычно. Тяжелый подъём с утра, пустой завтрак, утомительный путь до учёбы, сквозь толпу, которая вечно куда-то спешит. Я никогда не спешил. Меня это не волновало, опоздаю я или нет. Я просто следовал за потоком и хотел, чтобы это скорей закончилось. Так было и с учёбой, я ждал, когда скорей закончит пара, чтобы поболтать за сигареткой с каким-нибудь знакомым, встреченным на университетской курилке.

Был понедельник. Во время перерыва, одноклассник подошёл, спросил сигарету. На что получил ответ, что мол, извини, крайняя осталась, хотя перед парами я предварительно купил новую пачку, чтобы потом не бегать. Парень прошёлся по курилке, и таки нашёл у кого-то сигарету, и вернулся ко мне. У нас завязался разговор, в котором он начал рассказывать, какую-то дикую историю о том, как у него прошли выходные. Мне не хотелось отставать от него, и я в ответ выдал ему наспех выдуманную историю о том, что на этих выходных, в нашем общежитии, появился новый жилец. Этот человек, он просто крышесносный, он и ножами жонглирует, и метает их, и глотает. И вот, он показывал нам все эти трюки, и метал в дверь ножи, а тут дверь, как откроется, да как окажется это комендант. Нож пролетел у неё прямо над

ухом, да не просто пролетел, а в полёте кусок уха таки срезал. Парня, конечно же, сразу выгнали с общаги, и теперь вопрос рассматривается чуть ли до отчисления. Да, не повезло-не повезло.

Прошли пары, и я неторопливо вернулся в общагу, поздоровался с охранником, а в ответ он отправил меня зайти к коменданту. Что произошло дальше, повергло меня в шок, из которого я, наверно, до сих пор не вышел. Я постучал и, открыв дверь, увидел, что у коменданта перевязано ухо. “Вот это совпадение” – была моя первая мысль. И тут она как выдаст, что надо аккуратнее обращаться с ножами и чтобы больше такого, как на выходных, не повторилось. Я кивнул, и в полном шоке, вышел из её кабинета.

Моя ложь превратилась в правду, и так действительно произошло. Я лёг в комнате и долго обдумывал произошедшее. Всё свелось к тому, что я решил, может у меня едет крыша, и я уже путаю, что было, а что нет, и пытаюсь это выдать за ложь. Этот вариант меня не очень устраивал, и мной было принято решение, попробовать соврать ещё один раз, и что из этого выйдет. Я как раз осознал, что ничего с утра не ел, и поэтому решил соврать о еде.

Я подошёл к своему соседу и сказал, что вчера купил много роллов и суши и оставил их в холодильнике. Он смутился, и не совсем понял, почему я с этого начал разговор. Это прозвучало, словно я похвастался. Вот у меня есть, а у тебя нет. Но, это не главное тут.

Открыв холодильник, я действительно увидел в нём кучу суши и роллов. Уточнил у соседа, его ли они, на что получил отрицательный ответ.

Взяв еду с собой в кровать, я начал сопоставлять, что к чему. Мне открылась способность превращать свою ложь в правду. Я почувствовал себя супергероем, мне открылась возможность менять всё, как мне сначала показалось. Толком ничего и не съев, я снова подскочил и схватил ручку и листок, и составил список для проверки своей способности. В тот вечер, я сильно измучил соседа.

Он заключался вот в чём:

1. Могу ли я менять историю?

Взяв учебник по истории, я решил изменить, что-то незначительное, что ни на что ни повлияет. Я выбрал реку Амазонка и сказал соседу о том, что знает ли он, что самая большая река в мире называется Тутпуткук. Он ответил, что нет, и я заглянул в учебник, название реки не изменилось, значит, так это не работает. Значит древние люди, её так не называли, значит повлиять, на исторические фрагменты, явно я не могу.

2. Могу ли я убить человека или воскресить?

Сказал соседу, что парень из соседней комнаты вчера умер от сердечного приступа, но зайдя в соседнюю комнату, увидел, что парень живее живых.

Сказал соседу, знает ли он, что Ленин ожил и сейчас собирается баллотироваться в президенты, но не обнаружил такого в новостях.

3. Могу ли я идти против природы?

Я подумал, смогу ли я создать что-то противоестественное. Поэтому, я снова сказал соседу, который уже просто игнорировал меня и кивал на всё, что я говорю, что у входа в общагу, стоит, привязанный к перилам, котопёс. Реально смешанный, с одной стороны кот, с другой стороны пёс. Спустил к выходу, но ничего не обнаружил. И уже даже, на момент, усомнился в своих способностях, и по пути на свой этаж, всем встречным говорил, то у меня новый мощный ноутбук в комнате стоит, то у меня шкаф забит дорогими модными вещами. В тот момент, я не мог ещё осознать, чего я хочу, и придумывал всё, что приходило в голову. И в комнате меня, действительно, ждал новый ноутбук и куча разной одежды, от трусов до шапок.

Так я проверил свои способности, и утомлённый лёг спать.

Когда я проснулся, я решил, что больше не буду учиться. Я выдумаю себе жизнь и своей семье, сказочную, такую чтобы больше никогда не волноваться ни о чём. Пошёл, рассказал кому-то, что у меня в семье, у всех железное здоровье и все живут до сотни лет, а так же, что недавно им всем на банковский счёт, поступило по сто миллионов каждому, и так теперь будет каждый месяц.

Решив все проблемы для своей семьи, я рассказал кому-то, что на днях, меня подписало известное издательство, и теперь я буду жить в шикарном доме у океана. О деньгах мне не придётся волноваться всю оставшуюся жизнь, мои книги будут печатать каждый раз, как я их напишу, и мне гарантировали, что они будут бестселлерами, а так же я буду играть главную роль в каждом фильме по ней. И что у меня в комнате лежат билеты на самолёт, и я улетаю прямо сейчас.

Вот такие дела, все это я пишу с борта самолёта, не знаю, что меня ждёт дальше, но жизнь обещает быть интересной...

Эти записи были найдены в обломках самолёта, не знаю бред это сумасшедшего, или кому-то так реально повезло. Но посчастливиться выжить никому не удалось.

Светлана Назарова

Он для меня, как Родина

Мой отец по натуре своей был бойцом до конца своих дней, хотя, впервые надев шинель в финскую войну, снял ее в сорок третьем, когда его комиссовали по ранению. В снегах Карелии под свистом финских пуль с одной винтовкой на четверых лежали они с приятелем с обидой за прерванную мечту, до которой оставалось совсем немного. Но репрессировали отца, и жизнь его круто изменилась... Я всегда удивлялась, как папу – сына врага народа направили учиться в школу политруков, но он ее закончил. И снова фронт, оборона Москвы. Затем бои под Курском, где в грохоте войны смешались небо и земля, люди и техника, созданная людьми же, но не для созидания, а для уничтожения.

И в этом земном аду люди теряли руки, ноги, глаза, разум, жизни. И страх цепким канатом стискивал тело. Но страх этот был лишь до боя. В бою кипела ненависть и злоба, ненависть и злоба, и стремление к той одной - конечной цели. И там папа поднял своих солдат в атаку, в решающий момент, вогнав свой собственный страх в кулак, сжимавший наган, и бой был выигран, только папа не видел этого, получил тяжелое ранение. На своей шинели вынес его из-под огня солдат, а сам в следующем бою остался лежать на испепеленной земле.

Затем полевой госпиталь, где вместо наркоза двести граммов спирта, ремень в зубы, и печальный звук инструмента, ампутирующего ногу. Смертельно уставший сердитый хирург приказал медсестрам подготовить все для прямого переливания крови, и сам лег рядом с папой, подставив свою руку. После операции, выпив сладкого чая, он снова встал за операционный стол, уже к другому раненному, беспрерывно ругаясь, чтобы не уснуть, не ослабнуть. Папа частенько

шутил потом: «Я потому такой дурной, что мы с тем хирургом породнились кровью».

Потом непрерывная череда госпиталей, поиски пропавшей семьи. Чувства, испытываемые папой при встрече с молодой красавицей-женой, может понять только такой же увеченный войной мужчина-мальчик. Думаю только, что сердце его надрывалось от сомнений. А мама ждала его с маленьким сыном.

После войны папа претворил в жизнь свою новую мечту: окончив педагогический институт, он учил ребятишек истории в школе. Школа была далеко от дома, и зимой после вьюжной ночи, когда метель оставляла на тропинках огромные сугробы, папа до большой дороги полз по-пластунски, оставляя за собой на белом снегу протяжно-длинный след от протеза, на котором вместо стопы был резиновый пяточок. Он полз неистово, как на фронте, только снег на войне был темным и красным, и не было покойной тишины. Потом уже мамин дед, по старости своей не высланный, как остальные родственники на Беломорско-Балтийский канал, купил им в старом купеческом доме недалеко от школы верхний этаж. И он стал отчим домом для меня, его я вижу в своих снах-полетах.

А папе было очень нелегко. Неотступной болью томила душа его, осыпанная черным пеплом войны. Убитые и искалеченные не отпускали его. Да, он выполнял свой священный долг, но те убитые, были людьми, и в большинстве своем молодыми. И грех этот остался нераскаянным. Никто не подсказал ему об исповеди в храме, где получил бы он отпущение и исцелился. Не было тогда и понятия о психологической помощи. У него была одна реабилитация – сто граммов. И принимал... И только хуже становилось ему тогда. Душа его надрывалась в бессвязном потоке слов и движений, и словно вьюга, бросалась оземь, но просыпалась вновь от мыслей, порожденных в воспаленном мозгу, и взлетала ввысь, чтобы вновь упасть и вновь подняться.

И мы боялись, и ненавидели войну, водку и папу, не понимая его душевных переживаний. А мама понимала и говорила нам: «Будьте милосердны и умеете прощать!» Утром папа был молчалив и угрюм: шел процесс самобичевания, но мы, как прежде, любили и уважали его. И эту свою детскую ненависть и отчуждение, считаю я грехом своим и каюсь, ибо сказал Господь: «Почитай отца своего и мать».

Душевные муки его перемежались с физической болью: каждый раз при перемене погоды давила его боль в утраченной ноге, которая покоилась уже где-то в русской земле, а может быть, была сожжена. Остался в моей памяти тревожный зимний вечер, когда ветер метал за окном снежные вихри и завывал тоскливо, словно искал кого-то... Папа

сидел за школьными тетрадками и, вскрикивая, хватался за колено, но рука, почуяв металл протеза, отпрянув, замирала на миг, как будто в недоумении. Я подошла к нему и спросила:

- Опять нога болит?
- Да, грызет.
- Как же она у тебя болит, ведь нет же ее?
- Болит пятка, болит колено, болит бедро.

- Очень больно?
- Так больно, будто волки рвут ее на куски!

И мне становилось страшно, и я прижилась к нему, а он гладил мои волосы шершавой рукой и рассказывал свои бесконечные истории, которые не запомнила в детстве, а потом не записала, все было недосуг... Теперь уже не вернуть того зимнего вечера, и других вечеров, когда сидели мы у растопленной печи, и он говорил, говорил, говорил... Он вспоминал о войне, о погибших своих товарищах (имена их остались в памяти до конца), и тех однополчанах, что остались живы, и которым также тяжело в стране, так мало давшей им.

Вспоминал он и первый свой послевоенный год, когда работал в райкоме под началом Андропова. Сложным было отношение у папы к партии. Он говорил: «Важна идея, но не идеология. Да, я не раз кричал своим солдатам: коммунисты, вперед! И они шли и умирали, потому что это было делом чести спасти свою Родину, но не Сталина». На своих уроках папа говорил: «Великий страх порождает великую трагедию. Примером тому фашизм и репрессии, во время которых, я полагаю, три четверти были замучены и расстреляны по доносам друзей, соседей, близких. Я сам читал подобный донос, сочиненный соседом моего отца, когда знакомился с его делом. И этот кошмар породил страх! Страх унижает достоинство человека, причем, страдают обе стороны, страдают по-разному, но неизменно разрушаясь. В жизни всякое может случиться, но прошу вас, оставьте где-то в глубине своей души местечко для одной единственной фразы: честь имею. Я, как фронтовик, как офицер, могу сказать, козырнув: «Честь имею». Но в мирной, послевоенной жизни не все удалось. Непросто быть порядочным всегда, в большом, и в малом. Я в юности мечтал быть доктором, но, побывав на войне, решил, что нет важнее для меня истории. Ее ведь набело не перепишешь. А в истории нашей страны было столько виражей и поворотов, впрочем, как и в наших судьбах, неразрывно с ней спаянных...»

Именно папа на своих уроках учил нас думать, задавая мудреные вопросы с лукавой искоркой в глазах. Я почти всегда знала ответы, и

тихонько шептала их с места, уткнувшись в парту. Мой братишка-близнец, сердясь, толкал локтем, и говорил: «Ну, подними руку, скажи!» Но я робела, была неуверенна в себе. И только сейчас я отвечаю тебе, мой дорогой! Надеюсь, правильно...

Однажды в начале семидесятых годов старшеклассники спросили папу: «Будет ли построен коммунизм?» В класс, стремглав, вошел инспектор из министерства народного образования РСФСР, из Москвы, перед этим, в учительской узнав, где ведет урок учитель истории, и поспешно, небрежно сбросив пальто, словно коршун помчался к своей добыче. Но вопрос был задан, и папа, понимая, какими будут последствия, подробно, с научной точки зрения разъяснил утопию коммунистической идеологии вообще. Папу вызвали на бюро райкома партии, где краем уха слышал он гневные речи, мыслями своими уносясь в юность, на Петроградскую сторону, в первый медицинский институт, откуда так же, с гневом был исключен и сразу же выслан из Питера. Вспомнил отца своего, погибшего на Калыме, вспомнил друга его, вернувшегося с лагеря в пятьдесят четвертом году и рассказавшему о той жизни за чертой, которую подвел Сталин. Он очнулся от окрика: «Яков Михайлович, партбилет на стол!» Папа тяжело поднялся, придерживая протез, и сказал: «Не вы его мне выдавали, дорогие товарищи по партии. Я получил его под Москвой вместе с орденом Красной Звезды. А вам вот это!». И, показав им мужицкий кукиш, ушел, хлопнув дверь. «Мы не стоим его мизинца» - промолвил кто-то в гнетущей тишине. Его не оставили в покое. И он был вынужден долго и униженно ходить по кабинетам районной поликлиники, и, получив вторую, нерабочую группу инвалидности, оставить школьные классы. И долго еще молодым учителям-историкам в Петрозаводском университете в назидание рассказывали о деревенском диссиденте, несправедливо оговаривая его, высокомерно попирая достоинство, смелость, ум старого фронтовика.

Вспоминая отца своего, я думаю о противоречивости тяжелого его характера, но не нам, простым смертным, таким же грешникам судить его. Ему один судья – Господь.

И долго, долго болела душа его от мрачных мыслей, но мы и наши дети своими делами, проблемами оздоравливали его. Он любил гостить у нас в Питере. Мы водили его по музеям, по старинным переулкам, потихоньку, насколько он мог, насколько позволяла нога. И счастье его было неприкрытым, выражалось в восторженных словах. И каждый раз у меня наворачиваются слезы на глазах при воспоминании о том, как он ходил по Эрмитажу: осторожно, почтительно.

Светлана Назарова «Он для меня, как Родина»

И в Павильонном зале, созданном Штекенштейдером, где все сверкало золотом, мрамором и хрусталем, весело играющем при солнечном свете, он, в скромном костюме с наградными планками на пиджаке, с простой деревянной палочкой, с рукой, опущенной в карман, для того, чтобы придерживать протез, выглядел достойно. И люди, встретившись с ним, уважительно отступали, и не только потому, что он фронтовик. В его глазах читалась работа мысли. Он, историк, встретившись с соединением эпох и культур, думал, вспоминал, оценивал, восхищался. И внимание толпы было ему даже неприятно, отвлекало его. И я смотрела на него, и мне захотелось перед ним, живым преклонить колено, но я удержалась. Теперь я стою, коленопреклоненная, перед его могилой, и это вполне естественно...

И каждый наш приезд домой был для него встречей с Питером. Он как будто вдыхал через нас Питерский воздух, наслаждался воспоминаниями о питерской юности.

Когда мама в сорок четвертом году, получив первое письмо от отца, после трехлетних поисков, подняла высоко над собой своего дорого мальчика и кричала восторженно: «Валерочка, какие же мы с тобой счастливые, твой папа нашелся!», не ведала, что будет хоронить своего крылатого первенца. Это папа, уходя на фронт, просил назвать сына Валерием, в честь Валерия Чкалова. И наш Валера волею судьбы стал военным летчиком и верно служил Родине.

На атласных подушечках рядом с майорскими погонами лежали многочисленные награды моего старшего брата, о которых мы и не знали...

И тогда мы подставили свои руки-крылья родителям и удержали их на этой грешной, печальной земле. А для них счет времени пошел в ином ракурсе: вот уже год без Валерика, вот уже три без Валерика, вот уже семь без Валерика...

За пятьдесят послевоенных лет, что папа проходил на протезе, не нашлось для него благоустроенной квартиры, для себя он просить не умел. Сначала уступал своим молодым коллегам, которые были настойчивей его. Затем другие молодые заселяли благоустроенные дома. А папа в морозы, в метели, в дожди ковылял со своей неизменной палочкой в баню, а когда заболел, братья носили его на руках на кухню, к русской печке, где мама купала его в корыте, как ребенка.

Папа ушел от нас в семьдесят пять лет, это был год 1994. Тяжелый недуг одолел его. Я вошла в родительский дом во время приступа удушья. В его уставших глазах был смертельный страх! И тогда одним рывком выдвинув кровать на середину комнаты для свободного доступа к венам

обеих старческих рук, я забежала вокруг него со шприцами и капельницами, умоляла держаться! И он, поверив в меня, сражался, сжав свои высохшие кулачки, последний раз проявив себя настоящим бойцом. И этот бой был трудным и затяжным. Но болезнь отступила, дав ему отсрочку на месяц. И я благодарна Господу за эти тридцать счастливых дней, когда он знал, что любим нами и дорог нам. По дому бегали неугомонные ножки правнука Валерика, за ним ухаживал, сменив меня, со своей тоненькой женой внук – Игорь Валерьевич – военный летчик, майор.

Лежа на смертном своем одре, папа сохранил ясность ума и остался верен себе. Как-то печально глядя в окно, он сказал: «Теперь красивые слова нужны лишь для того, чтобы прорваться к кормушке. Стало немодно, неловко говорить об Отчизне, так же как неудобно перекреститься при всем честном народе на крест на куполе собора, пробегая мимо него. А ты перекрестись размашистой рукой, если веришь, и, если любишь, помоги своей несчастной стране, она в тебе нуждается».

Папа уснул тихо, без страха, выпив святой воды и умывшись ею. Перед его гробом торжественно несли боевые награды политрука роты – Кузьмина Якова Михайловича – учителя нашего и отца.

Однажды, когда он был еще жив, мама как-то промолвила с тоской: «Умрет, никто и добрым словом не вспомнит»... И я по глупости своей сказала: «Да». И видимо, надо было мне сказать то короткое «да», чтобы обожгла мое сердце горечь позднего сожаления, и родились эти покаянные строки!

Помнят папу многочисленные его ученики, и все мы вспоминаем его с благодарностью. А для меня отец, искалеченный телом, растерзанный душой, со светлой головой и в пьяном угаре, нищий и богатый, одаренный и обделенный, любимый, но не обласканный – он для меня, как Родина!

Папа, помню, люблю и молюсь.

Вито Бжицкий

Монетка

Совковая лопата с трудом вошла в подмёрзшую землю.

- Ты что, не завтракал сегодня? - С усмешкой спросил Ульф Кроммбах; вопрос прозвучал скорее в утвердительной форме и явно не требовал ответа. Ульф стоял возле прицепа, облокотившись об него левой рукой. В невысоком прицепе, покрашенном в чёрный цвет, с большой надписью на весь борт "КроммБау", лежало множество инструментов вроде: лопат, ломов, и прочего строительного материала. Ульф был крупным человеком, с большим пивным бочонком вместо живота, высоким - почти сто девяносто сантиметров, - и широким в плечах. Если бы он ходил в спортивный зал, то мог бы иметь фигуру атлета, но он ходил в пивной бар. Каждую пятницу, после работы, он и его коллеги по работе играли в карты в баре с названием "На углу"; а проигравший оплачивал в тот вечер всем пиво. И традицию эту они соблюдали уже двадцать два года.

- Или ночью потерял все силы и не выспался, - вставил Рольф Шумахер - ещё один участник пятничных собраний в баре и старый друг Ульфа Кроммбаха. Вместе они работали почти столько же, сколько встречались по пятницам за кружками с пивом - с самого открытия Ульфом ремонтной службы. Так что живот Рольфа был зеркальной копией бочонка, что носил перед собой его друг. Правда Рольф был невысок, и со своей раскачивающейся походкой напоминал пингвина. Остроконечный нос и ранняя залысина завершали это сходство, и все, кроме друзей конечно, именно пингином его и называли. Функция Рольфа в команде состояла в транспортировке людей и материала и закупке необходимых вещей для работы. Фирма выполняла различные поручения от города: замостить пешеходную дорожку, вырыть котлован, заделать дорожную яму, и много чего прочего в таком роде. Деньги они все зарабатывали хорошие, городок был маленьким, и потому, и работы хватало, и выполнить её они успевали всегда в сроки. Рольфу исполнилось недавно пятьдесят три года и, как и подобает мужчине его возраста, он часто подтрунивал над молодежью.

- Я видел, как ты вечером катался с дочерью Шмидтов, как её... Лиза, да. С Лизой Шмидт. - Рольф усмехнулся, подмигнув при этом правым глазом.

Молодой парень семнадцати лет, ставший предметом разговора старых друзей, даже не повернул голову, продолжая вонзать лопату в землю. Судя по тому, с какой силой он это делал, шуточки такого рода в его сторону летели не в первый раз, и он явно не был от них в восторге.

- Что ты там бубнишь себе под нос? - Спросил Ульф, видя, как беззвучно двигаются губы парня.

- Я говорю: земля мёрзлая - копать трудно, - с трудом выдавил парень, ещё не надломленным, юношеским голосом.

- Ничего, ничего. Ты ещё молод. Копай. - Сказал Ульф и, посерьёзнев, спросил: - твой отец знает хоть, что ты опять без спроса брал его "Кадетт"?

На вопрос отвечать парень не стал, и продолжил свою изнурительную работу, молча. Для него отрядили роль с самой тяжёлой, не требующей много ума работой - копать, носить, закапывать. Но так ведь в любой фирме в начале карьеры - пока не проявишь себя, делаешь только то, что говорят. Но юноша не связывал своё будущее с этой работой - ему необходимо было как-то протянуть время до начала учёбы, и, так как на этот год в школе, куда он хотел, мест не было, то, по совету отца он пришел к Кроммбаху, чтобы не сидеть просто дома и ничего не делать. Машину, кстати, он давно уже не брал без разрешения.

Старенький Опель "Кадетт", всё ещё в отличном и ухоженном состоянии, стоял по большей части в гараже, собирая пыль и с грустью ожидая очередной прогулки, которые случались крайне редко. Уве Штайнбах - отец юноши, после того случая на работе два года назад, не мог больше пользоваться своей машиной, так как лишился обеих ног. Бетонная стена дома, где работала бригада Ульфа, неожиданно для всех упала, и успела придавить Штайнбаха, который, в свою очередь не успел отскочить. "Кадетт" теперь стоял в гараже, а Уве сидел в инвалидном кресле. По пятничным вечерам его возили на такси. Удовольствие это оплачивал Ульф, так как считал себя частично виновным в произошедшем случае, и не мог допустить, чтобы его друг из-за него не приходил играть в карты.

Машину Уве продавать не стал, решив, что подарит её сыну, когда тому исполнится восемнадцать и он сдаст на права. До восемнадцатого дня рождения Маркусу Штайнбаху оставался месяц, но водительские права уже были на руках. Отец видел, как сгорает от нетерпения его сын, и разрешал иногда водить свой "Кадетт". Вечером, когда на дорогах никого нет - особенно полиции. А после двух случаев, когда Маркус брал машину без спроса, но вернул на место без единой царапины, Уве стал ему доверять. Но запретил брать машину, сказав: "если нужна - спроси".

Ведь кто из нас, мужиков, по молодости не хотел порисоваться перед девушками?

- Ладно вам, - вмешался четвёртый участник их рабочего подряда и почётный член пивного пятничного клуба, Алекс Кригер, - оставьте парня. Работает он хорошо, а личная жизнь - это ЕГО личная жизнь. Сами были такие же.

Алексей Кригер был выходцем из Казахстана, но в Германии жил уже больше тридцати лет, и всё, что в нём было от советского человека, за эти годы стёрлось или заменилось немецкой культурой. С Ульфом он познакомился на стройке, где работал каменщиком. В то время Ульф и два его друга - Рольф и Уве, только начинали самостоятельную деятельность, и им не хватало ещё одного работника. Так сложился их рабочий квартет.

После несчастного случая со Штайнбахом, они год работали втроем; Ульф не хотел брать в тесный коллектив чужого, но подрос сын Уве, и, по просьбе отца, Маркус стал их четвёртым участником. Правда, в карты играть они его ещё не приглашали - мал ещё. Но Маркус и сам не горел желанием к ним присоединиться.

Лопата снова воткнулась в землю, издав на этот раз глухой металлический звук, словно ударилась обо что-то железное.

- Что там ещё? - поинтересовался Ульф. Трое друзей приблизились к яме, что вырыл Маркус. За час работы Маркус нарыл большую кучу земли, освободив участок шириной два метра на метр, и глубиной сантиметров восемьдесят. В этом месте был изгиб водопроводных труб, и по поручению города им нужно было обнаружить пробойну, создавшую утечку давления, и заварить. Сварщиком у них раньше был Уве, но сейчас этим занимался Ульф. Звук лопаты об металл, говорил о том, что они докопались до труб. Но земля пока была просто сырой, а не мокрой.

- Не знаю, - Маркус удивлённо постучал лопатой по тому месту, где лопата встретила препятствие, - кажись на трубу не похоже.

Ульф взял другую лопату и, спрыгнув в яму к Маркусу, стал расчищать землю. Через какое-то время он откопал небольшой деревянный сундучок, размером, примерно двадцать на тридцать сантиметров, обитый железом. Дерево было очень старым, почерневшем от времени, и местами уже сгнившим. Но то, что сундучок лежал рядом с трубами, говорило о том, что его закопали здесь не так давно.

- Неужели за двадцать лет работы мы отрыли-таки клад, - присвистнул Рольф, - что там внутри?

- Сейчас посмотрим, - Ульф поднял сундучок и вытащил его из ямы.
- Лёгкий совсем. Скорее всего – пустой, замка никакого нет.

- Погоди открывать, - вдруг забеспокоился Алекс, - помните, случай был, лет десять назад, в 88-ом или 89-ом? Тогда в газетах ещё писали, что полицейские нашли три трупа... это ведь здесь где-то было.

- Ты о том случае, когда подростки играли на стройке? - Уточнил Рольф. Он сделал задумчивое лицо, словно напряг мозг. - Нет, это было метров двести выше по улице, там строилась школа.

- Да тут весь район тогда строился, - сказал Ульф, - эта улица, вплоть до школы Рихарда была сплошной стройкой. Эти трубы под нами тянули тогда к той школе и к новым домам. - Он указал пальцем себе под ноги. - Но причём здесь этот сундук?

- Ну, - замялся Алекс, - тогда ведь так и не сказали причину. Кто-то говорил, что подростки поубивали друг друга из-за какой-то находки на той стройке. Полиция ничего не подтвердила, но они и шума не хотели поднимать, потому и назвали это несчастным случаем. А один знакомый слышал от кого-то, что в морг привезли изувеченные тела. Просто свалившись с крыши таких травм не получить.

- Кто-то слышал от кого-то... ты сам в это веришь? - С сарказмом спросил Рольф. - Дети неосмотрительны, и естественно, если они играют на опасных участках, то может всякое случиться. Там кругом кирпичи лежат, ломы торчат из земли, ведра с цементом; куда ни упали - везде можно голову пробить. А те подростки, кстати, ходили на стройку не в игры поиграть, а пиво попить да покурить. Вот и посваивались... а может чего не поделили и подрались.

- Так подрались, что поубивали друг друга? - Скривил лицо Алекс, - вот это уж точно неправдоподобно.

- Нам в школе, - вмешался в разговор Маркус, - учительница по истории рассказывала, что в нашем городке когда-то нашли часть сокровищ, принадлежавшим ещё тамплиерам.

Все повернулись и посмотрели на Маркуса.

- Что там, на счёт сокровищ, малец? - Заинтересовался Рольф.

- Учительница рассказывала, что, когда тамплиеров уничтожали, они разбежались и орден исчез. Каждый из них взял с собой столько, сколько смог унести, и многие из тамплиеров пришли в наши края. По одной из легенд, их всех нашли, и, закрыв в хлеву, сожгли заживо. Легенда также гласит, что золото и серебро, что отобрали у тех тамплиеров, было проклято. Всякий кто хотел завладеть теми сокровищами, впадал в безумие.

На какое-то время среди четырёх рабочих повисла тишина. Всем стало как-то не по себе - Алекса даже передёрнуло.

- Чепуха это всё, - вдруг нарушил тишину Рольф, - сказки, да байки, чтобы детишек пугать - таких как ты, Маркус. - Рольф показал пальцем на юношу.

- С проклятием тамплиеров это, конечно, перебор, - добавил Алекс. - Даже существование их ордена толком не доказано.

- Так чего ты весь этот разговор затеял? - Вдруг подал голос Ульф. Он так и сидел на коленях перед сундучком не решившись открыть крышку. - Ты же тут навёл панику. Вспомнил о подростках, погибших недалеко.

- Я думал... может Вуду какое, - неуверенно начал Алекс, - кукла какая-нибудь колдовская там лежит.

После секунды молчания, вдруг тишину нарушил громкий смех. Рольф засмеялся первым, за ним сразу Ульф, Маркус, и, видя всю комичность ситуации, Алекс захохотал тоже.

- Вуду! - Сквозь смех проговорил Ульф, вытирая выступившие на глазах слёзы. Маркус сидел возле прицепа, схватившись за живот; Рольф держался за лопату; а Алекс хохотал сидя прямо на земле.

Просмеявшись, и вытерев слёзы, Рольф сказал Ульфу, чтобы тот смело открывал сундучок. Друзья обступили находку со всех сторон. Маркус заглядывал из-за спины, сидевшего на коленях, Ульфа. Тот медленно обвёл всех взглядом и открыл деревянную крышку. Раздался тихий скрип, сопровождавшийся странным звуком, напоминавшим ветер, который гудит в большой трубе. Вновь повисла тишина, и лишь еле уловимо в воздухе что-то гудело, словно они находились рядом с высоковольтной вышкой. На дне сундучка, обитым темно-красным сукном лежала одна монета. Ульф взял её в руку, а друзья склонились ещё ниже, разглядывая блестящий металл, сильно напоминавший золото.

- Что это? - спросил Алекс. Его голос прозвучал слишком громко в наступившей внезапно тишине.

- Какая-то старинная монета, - медленно проговорил Ульф. - Скорее всего - золотая.

- Ценная, наверное, - тихо сказал Рольф.

Ульф пристально разглядывал монетку, вертя её в руке. Монета была старинная - это было очевидно. Гравировка за время сильно стерлась, но то, что удавалось различить, никому знакомо не было.

- Слышь, Маркус, - всё также тихо произнёс Рольф, - это что, остатки сокровищ твоих тамплиеров?

Маркус смотрел на монетку, силясь вспомнить, что он ещё знал о тех прошедших временах, и какие монеты ходили в ту пору.

- Я точно не знаю, но то, что ей много лет - это очевидно. - Он окинул взглядом деревянный сундучок. - Почему она одна осталась? Тут явно было больше монет.

- Да, жаль, конечно, что она одна, - не отрывая глаз от сокровища, произнёс Алекс. Все четверо, выпучив глаза, всматривались в старинную монетку. В воздухе всё сильнее гудело напряжение, и странным образом вокруг было тихо. Было раннее утро, но машины никуда не спешили, люди, казалось, шли этим утром другой дорогой, и только четверо работников в молчании склонились над черным, деревянным сундучком.

- Дай мне посмотреть, - внезапно произнёс хриплым голосом Рольф. Глаза его странно блестели - они походили сейчас на глаза манекенов, смотрящих только в одну сторону, но при этом ничего перед собой не видя. Рольф неотрывно смотрел на блестящий кругляшек в руке Ульфа.

- Вот ещё, - отмахнулся Ульф, и внезапно сжал монетку в кулаке. "Почему я должен отдать монету ему?" Возник вопрос в его голове.

Рольф, всё также не отводящий глаз от монетки, вдруг выпрямился. В тот момент он мог бы поклясться, что слышал тонкий голос в голове, прошептавший: "он хочет её забрать себе", но он об этом уже никогда не расскажет. Словно в тумане его рука потянулась к воткнутой в землю лопате. Медленно, словно руки погружались в кисель, он взял её в руки. Маркус, с трудом оторвавший взгляд от кулака Ульфа, увидел, как ведёт себя Рольф и испуганно спросил:

- Что ты делаешь?

Рольф не ответил. Лицо его перекосило от внезапного гнева, и он, молча, вонзил лопату в переносицу своему старому другу. Ульф умер сразу. Он навсегда замер с удивлённой миной на лице, и повалился на живот - рука разжалась, и монетка глухо шмякнулась об землю.

Алекс Кригер что-то крикнул и, отшатнувшись, упал на землю.

- Ты что, спятил!? - Заорал он, - ты что делаешь?

Рольф, всё ещё пребывая в состоянии безумия, склонился над монеткой и поднял её. На его лице заиграла зловещая улыбка. Он вертел её перед лицом, и в одержимых глазах отражалась золотая монетка.

- Моя, - тихо проговорил он.

Маркус в ужасе запрыгнул в прицеп, схватил лом, и поднял его перед собой, встав в оборонительную стойку. Алекс, сидевший на земле в паре метров, стал хаотично искать по карманам телефон, чтобы позвонить в скорую. Но руки его стали замедляться, пока вовсе не

зависли в воздухе. Блеск монетки, отражавшийся утренним солнцем, попал ему в глаза. Его лицо изменилось - оно стало белым, словно из мрамора, и таким же холодным. Рольф в это время любовался монеткой и не замечал никого вокруг.

В воздухе еле слышно прозвучало: "он хочет забрать её себе". Но слышал это только Алекс. Он встал, поднял тяжелую тротуарную плитку, и не успел Маркус крикнуть "нет", как он обрушил её с силой на голову Рольфа. Тот упал без чувств на холодную землю. Несколько раз тело Рольфа дёрнулось и замерло. Рука разжалась, и монетка выскользнула из обессилившей руки.

Алекс нагнулся и, подняв монетку, с диким блеском в глазах, прошептал:

- Моя.

Маркус не мог поверить своим глазам. Он стоял в оцепенении, и наблюдал, как Алекс, сидящий на корточках, разглядывал блестящую монетку.

"Он хочет забрать её себе", прозвучало в воздухе. Маркусом вдруг овладела некая сила, изнутри сжавшая его органы. Стало трудно дышать, мысли разбросанными обрывками метались в уме, и лишь одна появлялась чётко, и словно приказ гремела в ушах: "Убей его. Он хочет забрать меня себе". Глаза заволокло туманом. Сжав лом в руках, он прыгнул с прицепа и медленно направился к Алексу, который даже не обратил внимания на Маркуса. Юноша зашёл со спины и без колебаний вонзил лом Алексу чуть ниже лопатки. Лом легко пробил тело и окровавленный вышел из груди. О том, откуда у него такая сила, Маркус даже не задумался. Тело Алекса, человека, которого юноша знал с самого детства, словно мешок с костями рухнуло на землю.

Маркус стоял на пешеходной дорожке и неотрывно смотрел на монетку, выпавшую из руки Алекса. Он наклонился над ней, и отчётливо услышал: "Теперь я твоя".

- Моя, - тихо сказал он.

Вдруг справа от него что-то зашевелилось, но он даже не обернулся, целиком поглощённый созерцанием золотой монетки. В воздухе прозвучало тихое: "Он хочет забрать её себе", и что-то тяжёлое упало ему на голову. Маркус выдохнул в последний раз, навсегда закрыл глаза и скатился в им же вырытую яму.

Рольф Шумахер, тяжело дыша, стоял между трупами друзей - из огромной раны на голове обильно сочилась кровь. Он с трудом спустился в яму, и поднял монетку, выпавшую из рук Маркуса. Он ещё раз

посмотрел на своё сокровище, и, положив монету в сундук, закрыл его крышкой.

- Моя, - выдохнул он, и умер, упав на труп юноши.

Напряжение в воздухе стихло, и обычный городской шум вернулся на улицу. Вдалеке показалась первая машина.

Отрывок из репортажа, напечатанного в местной газете: "...полиция отказалась комментировать произошедшее в то утро событие. Но некоторые очевидцы, собравшиеся вокруг оцеплённого участка, утверждают, что эта трагедия напоминает случай десятилетней давности, когда на стройке школы Рихарда нашли трёх мёртвых подростков.

Один из жителей сообщил, что видел деревянный сундук, который спешно увезли с места происшествия. Полиция по этому поводу также молчит. Глава полицейского участка сказал лишь, что десять лет назад он - будучи ещё рядовым патрульным - первым прибыл на место трагедии, но кроме тел ничего обнаружено не было. На вопрос: "А что вы скажете по поводу четвёртого юноши, которого обнаружили в паре сотен метров от стройки? Его нашли в невменяемом состоянии, руки были испачканы в крови и земле", начальник полиции, ответил, что парня увезли в лечебницу для душевно больных, но он лишь молчал (и молчит до сих пор), и все также находится в той лечебнице.

Ужасное происшествие надолго останется в памяти местных жителей".

Александр Ипатов

Геника

Одинокий призрак, он возвещает правду, которой никто никогда не расслышит. Но пока он говорит её, что-то в мире не прервётся. Не тем, что заставишь себя услышать, а тем, что остался нормальным, хранишь ты наследие человека.

Джордж Оруэлл
«1984»

I

Это рассказ о мире, которого нет. Это рассказ о мире, который не должен стать.

В этом мире не было неба. Весь город был закрыт непрозрачным потолком из солнечных панелей, и этого едва хватало для удовлетворения всех энергетических потребностей суперполиса.

В этом мире не было травы и деревьев. Беспощадный ультрафиолет давно уничтожил всю растительность.

В этом мире люди уже не рождались. Они выращивались в специальных инкубаторах и появлялись на свет уже взрослыми. Все мужчины и женщины подвергались химической стерилизации. Половое размножение было признано слишком неэффективным и энергозатратным.

В этом мире люди уже не умирали. Словно отработавшие механизмы, они в какой-то момент просто останавливались. Остановившегося человека тут же заменял новый человек.

В этом мире жила всего лишь одна из многих. Имена в этом мире уже не имели значения, но давайте будем называть её Джейн.

Джейн просыпалась и шла в душ. Её тело обдавало тёплым паром — чистая вода была большой редкостью и стоила дорого. Процедура эта была весьма условной и применялась только для увлажнения кожи, ведь все коридоры и помещения и так были стерильны. Механический голос, который должен был быть похож на мягкий женский, но не был, спрашивал:

«Поступил запрос на ваши яйцеклетки. Вы согласны на продолжение рода?»

«Нет», — всегда отвечала Джейн.

Это был единственный способ размножения. Едва люди достигали половой зрелости, у них в обязательном порядке отбирали половые клетки и замораживали их, а людей после этого стерилизовали. В силу каких-то давних традиций, о которых уже никто не помнил, использование половых клеток разрешалось только с согласия донора.

«За последний год девяносто шесть процентов людей отказываются от продолжения рода. Могу я узнать почему?» — спрашивала машина.

«В мире и так слишком много людей», — отвечала Джейн.

«Вы подавлены? Хотите принять "Радость"?»

«Я хочу немного денег, чтобы попасть наверх. Осталось сто четырнадцать дней до отпуска».

Затем машина выдавала ей таблетку и стакан воды. Это был её завтрак, обед и ужин на следующие сорок восемь часов. Машина заботливо и цветасто напоминала ей о необходимости ежедневного приёма:

«ГЕНИКА — ВАШ ИСТОЧНИК ЖИЗНЕННЫХ СИЛ.

ГЕНИКА СОДЕРЖИТ НЕОБХОДИМЫЙ КОМПЛЕКС ПИТАТЕЛЬНЫХ ВЕЩЕСТВ, ВИТАМИНОВ И МИНЕРАЛОВ НА СОРОК ВОСЕМЬ ЧАСОВ.

С ГЕНИКОЙ ВЫ БУДЕТЕ ВСЕГДА БОДРЫ, ЗДОРОВЫ И СЧАСТЛИВЫ!»

Машина умалчивала, что геника была также наркотиком, подавлявшим эмоции, чтобы люди могли спокойно переносить психологическую нагрузку монотонного восемнадцатичасового рабочего дня.

Джейн проглатывала таблетку, выходила и надевала неброский серый комбинезон. В этом мире все рабочие носили такие комбинезоны. Им не требовалась цветастость. Геника подавляла и это желание. Желание выделиться, желание быть собой — оно затрудняло сосуществование.

Джейн ехала в тесном вагоне поезда на работу с сотней похожих друг на друга мужчин и женщин. Они все работали по две смены по восемнадцать часов только для того, чтобы оплатить очередную дозу геники. Они все употребляли генику только для того, чтобы выдержать две смены по восемнадцать часов. Другой жизни они не знали, не могли и, благодаря всё той же генике, не хотели знать.

«С ГЕНИКОЙ ВЫ БУДЕТЕ ВСЕГДА БОДРЫ, ЗДОРОВЫ И СЧАСТЛИВЫ!»

А в это время пёстрые экраны показывали им красочные панорамы Верхнего Города. Никто уже не помнил как, то ли в результате войн, то ли в результате истощения природных ресурсов, но люди были вынуждены

уйти под землю. Жизнь на поверхности стала невозможна. Осталось только одно место на планете, где можно было увидеть кусочек голубого неба, — его называли Верхним Городом. Как в давно забытые времена люди ежегодно пытались вырваться из городской суеты в размеренную и тихую сельскую жизнь, или хотя бы подобие её, в этом мире люди ежегодно пытались вырваться из бешеного темпа монотонной рутины подземного суперполиса в более спокойную на их взгляд городскую суету.

Одна только геника не могла удовлетворить всех потребностей людей, нужна была ещё цель, к которой они должны были стремиться, нужен был Верхний Город. Раз в год люди получали свою порцию свободы. Порцию иллюзии свободы. А затем — считали дни до следующей поездки в Город.

«ГЕНИКА — ВАШ ИСТОЧНИК ЖИЗНЕННЫХ СИЛ».

Никто никогда не разговаривал в транспорте. Первый слой геники, начинающий растворяться в желудке, оказывал наиболее сильный наркотический эффект на отдохнувший организм. Люди даже не замечали друг друга, они даже не замечали, как поезд трижды проезжает по одному и тому же кольцу, прежде чем выпустить их. В эти минуты всё, что они видели и слышали, были пёстрые панорамы Верхнего Города, и механический голос, повторявший словно молитву слова:

«С ГЕНИКОЙ ВЫ БУДЕТЕ ВСЕГДА БОДРЫ, ЗДОРОВЫ И СЧАСТЛИВЫ!».

Джейн работала на фабрике, производившей один из компонентов геники. Так как вся жизнь вращалась вокруг геники, почти каждый человек в мире был так или иначе задействован в её производстве. Но при этом никто не знал её полного состава. Формирование самих таблеток осуществлялось на полностью автоматизированном конвейере.

Джейн была лишь менеджером и занималась поставками розовой жидкости, называвшейся «компонент К». Она, тем не менее, слышала краем уха, что «компонент К» являлся протеиновым коктейлем или попросту тем, что в генике заменяло для человека понятие «еда».

Когда-то давно придумали закон, запрещающий работать более восемнадцати часов в сутки. Однако чтобы оплатить бешеную стоимость производства геники, приходилось подрабатывать на двух работах. Была найдена лазейка в законе: он запрещал работать более восемнадцати часов только на одном месте.

И вновь в поезд на другое место работы. А вокруг — манящие асфальтово-кирпичные пейзажи Верхнего Города. Кинотеатры, рестораны, клубы. И небо. Это гипнотически манящее голубое небо.

«ГЕНИКА СОДЕРЖИТ НЕОБХОДИМЫЙ КОМПЛЕКС ПИТАТЕЛЬНЫХ ВЕЩЕСТВ, ВИТАМИНОВ И МИНЕРАЛОВ НА СОРОК ВОСЕМЬ ЧАСОВ».

Затем начиналась вторая смена. Во вторую смену Джейн ехала на фабрику, производящую бесцветный «компонент А». Здесь она работала контролёром и следила, чтобы проезжавшая по конвейеру в небольших пластиковых баночках жидкость всегда была бесцветна и прозрачна, не имела посторонних запахов и привкусов. При необходимости Джейн имела право пробовать жидкость на вкус. Она была очень горькая и жгла язык.

По отдельности почти все компоненты геники были неприятными на вкус и порой даже вредными для организма, но вместе они дополняли и нейтрализовывали друг друга, а особая многослойная оболочка таблетки позволяла ей рассасываться в желудке в течение долгого времени, выдавая нужные компоненты организму в строгих дозах и в фиксированном порядке. Эту формулу придумал сотни лет назад последний великий учёный человечества, чьё имя теперь никто не помнил. Полагалось, что только так люди смогут выжить в мире, который становился всё более не пригоден для жизни.

«ГЕНИКА — ВАШ ИСТОЧНИК ЖИЗНЕННЫХ СИЛ».

К концу вторых суток вымотанная Джейн ехала домой. Последние гранулы геники содержали сильное седативное средство. Джейн как под гипнозом доходила до кровати, ложилась и закрывала глаза, и тут же проваливалась в забытие. Она никогда не видела сны. Она даже не ощущала течение времени. Ей казалось, что она закрывала глаза, открывала глаза, поднималась и шла в душ.

Прямо из душа она могла позвонить своим подругам по цеху:

«Привет».

«Как дела?»

«У меня тоже нормально. Осталось всего сто двенадцать дней до отпуска. Как обычно, поеду в Верхний Город».

«Рада была тебя слышать. Ещё созвонимся».

«Пока».

И это всё, что осталось у людей от общения.

Затем машина выдавала ей таблетку и стакан воды.

«ГЕНИКА — ВАШ ИСТОЧНИК ЖИЗНЕННЫХ СИЛ.

ГЕНИКА СОДЕРЖИТ НЕОБХОДИМЫЙ КОМПЛЕКС ПИТАТЕЛЬНЫХ ВЕЩЕСТВ, ВИТАМИНОВ И МИНЕРАЛОВ НА СОРОК ВОСЕМЬ ЧАСОВ.

С ГЕНИКОЙ ВЫ БУДЕТЕ ВСЕГДА БОДРЫ, ЗДОРОВЫ И СЧАСТЛИВЫ!»

II

Так проходили дни, недели, месяцы, и вот, наконец, наступал долгожданный день отпуска. Несмотря на название «отпуск», в Верхнем Городе люди тоже работали, но всего одну смену по двенадцать часов. Как правило, это была работа в сфере услуг. Люди обслуживали других людей, приехавших в Верхний Город отдохнуть, затем менялись местами.

Джейн устроилась в закусочной. Только в Верхнем Городе существовали рестораны и кафе, подававшие «настоящую» еду. На самом деле вся эта пища была синтетической и состояла, в основном, из тех же ингредиентов, что и геника, только в меньших дозах. Люди в любом случае давно забыли уже вкус настоящего мяса или хлеба, им теперь достаточно было лишь искусственной стимуляции вкусовых рецепторов. Здесь были самые разнообразные геники: мягкая геника, хрустящая геника, воздушная геника, горячая геника, мороженная геника. Пластиковая еда со вкусом вкуса, подаваемая на пластиковой тарелке на пластиковый стол.

Геника всё ещё действовала, и после двенадцати часов оставался колоссальный заряд энергии, которую надо было куда-то высвободить. Именно поэтому наибольшей популярностью в Верхнем Городе пользовались танцевальные клубы. Электрические синтезаторы разрывали диффузоры динамиков, генерируя беспорядочный шум, давно уже переставший быть музыкой. Рваный ритм колыбал человеческую толпу, сталкивал их друг об друга, перетирал как жёрнов.

Иногда мужчины и женщины встречались и внезапно испытывали какое-то новое, непонятное для них чувство. Здесь наша Джейн и познакомилась с Джоном.

Он носил комбинезон тёмно-болотного оттенка. Это означало, что он происходил из высшего слоя, из людей, которым была ведома тайна геники. Или часть её. Они занимали руководящие должности. Их жизнь была более размеренной. Их доза геники была меньше, а их деятельность включала в себя умеренную умственную нагрузку.

Там, внизу, «серые» и «зелёные» люди обычно не пересекались. Они встречались только здесь, в Верхнем Городе. И здесь «серых» тянуло к «зелёным» как мотыльков к свечке. Получить себе «зелёного» партнёра на ночь было для них высшим достижением в жизни, и они к нему всячески стремились.

Он отличался от остальных: он не прыгал и не крутился на танцполе, а стоял у стены и наблюдал. Она спросила, почему он не танцует. Он

ответил, что ему интереснее наблюдать. Она сказала, что он странный. Он ответил, что гордится этим и указал на толпу:

«Отсюда ОНИ выглядят странными».

Джон сказал, что внутри немного душно и предложил подняться на крышу. Джейн согласилась.

Днём на крышу выходить было нельзя — ультрафиолет уничтожал всё живое, что попадалось у него на пути. Но ночью людей выпускали полюбоваться звёздами. Это было, пожалуй, последнее проявление естественной красоты, оставшейся в этом мире.

«Действительно, и почему я никогда не была здесь?», подумала Джейн.

Джон начал рассказывать ей странные истории. О том, что ближайшая из этих звёзд раньше дарила жизнь и мягкое тепло планете. Пожалуй, для человека, который всю сознательную жизнь слушал только рекламные объявления, рассказывающие о генике или о Верхнем Городе, даже рассказ о том, как делают бетон, мог стать захватывающим.

К тому же, у него был очень приятный голос.

Джейн инстинктивно потянулась к источнику этого голоса, и их губы соприкоснулись. Все люди были стерильны, но всё же некоторые могли испытывать потребности и получать удовольствие. Особенно здесь, в Верхнем Городе, где в генику не добавляли подавляющие влечение компоненты. Они пошли в гостиничный номер и там просто отдали свои тела друг другу, повинувшись древним, дремлющим в их крови инстинктам, всё ещё живым, всё ещё теплящимся.

Неведомое ранее чувство испытывала Джейн, лёжа головой на его груди. Он медленно поглаживал её длинные расплетённые волосы, а она завороченно вслушивалась в ритм его дыхания и стук его сердца.

«Я слышал, что так раньше продолжали человеческий род», — сказал он.

«Глупости, — сказала Джейн. — Если это так здорово, то почему же прекратили?»

«После этого женщина должна была выносить эмбрион в животе какое-то время, и извлечение его доставляло множество неудобств».

«Какая гадость!»

Он притянул её к себе и поцеловал в лоб.

«Послушай, тебе не кажется, что у нас внутри какая-то пустота?»

«Нет».

«Мне кажется, что чего-то не хватает, и я не могу выбросить из головы эту мысль».

«Перестань. Давай завтра ещё куда-нибудь сходим?»

«Конечно».

Затем он сказал, что устал и хочет поспать, и правда заснул. Джейн всё ещё испытывала действие геники и не могла спать. Более того, она не могла долго находиться без движения, иначе начинался сильный жар. Она поднялась с кровати и оделась. Хотела выйти на улицу, но тут на мгновение обернулась и увидела спящего Джона. Она раньше не видела других людей спящими. Ей было интересно, она хотела знать, что с ней происходит те восемь часов, на которые она периодически отключается. Она осталась с ним. Время от времени приходилось ходить вокруг кровати или приседать, но она не желала уходить. Она хотела навсегда запомнить этого спящего мужчину, она хотела, чтобы этот силуэт впечатался в её сознание, она хотела выжечь его на своей подкорке. Она не осознавала этого, но она хотела видеть его каждый день, чаще, чем эти асфальтово-кирпичные панорамы Верхнего Города.

На следующий день после традиционной рабочей смены Джейн встретила с Джоном в условленном месте и потащила его в кинотеатр. Во всех кинотеатрах показывали одинаковые фильмы, только с разными актёрами. По сути, все они были полуторачасовой рекламой геники и Верхнего Города. Сперва показывали слабых, грязных, отощавших, больных людей — людей, отказавшихся от геники. Затем показывали здоровых, красивых и стройных рабочих в серых комбинезонах, которые ехали на работу. Они вставали за конвейеры или садились за свои столы в офисах и выполняли свою рутинную деятельность. Проезжают баночки и складываются в ящик, на бумаге ставится подпись и опускается печать. Слева-направо, вверх-вниз, слева-направо, вверх-вниз. Показывали, как у человека без геники коэффициент эффективности снижается вдвое уже на восьмом часу работы, а с геникой не опускается ниже девяноста семи процентов даже к сороковому часу. В конце фильма всегда девушка поднималась в Верхний Город и встречала мужчину в чёрном комбинезоне — руководителя высшего звена. Настолько богатого, что он мог пребывать в Верхнем Городе хоть круглый год. Он приводил её в свой офис и устраивал секретаршей, работа которой считалась более лёгкой, чем работа менеджеров и контролёров.

В реальности этого никогда не происходило. «Чёрные костюмы» почти не появлялись в Верхнем Городе среди простых рабочих. Попасть к нему на должность секретарши через Верхний Город было попросту невозможно. Да и работа их на самом деле была более рутинная и утомительная, чем вся остальная.

Хотя Джейн верила всему этому, она скромно довольствовалась своим «зелёным» партнёром. Она крепко держала его под руку и ловила на себе завистливые взгляды.

Выйдя из кинозала, Джон остановился и заговорил загадочным голосом:

«Это всё неправда. Я один раз не принял генику. Было очень тяжело, но после этого я начал меняться. Я начал становиться, как ты говоришь, странным. Всё в этом мире не то, каким должно быть. Всё иллюзия, и геника создаёт эту самую иллюзию. Понимаешь? Хотя, откуда же тебе понимать! Ты всё ещё находишься под властью геники. Прости. Я не должен был этого говорить».

Вместо ответа Джейн просто обняла его и крепко поцеловала в губы.

Ещё одна ночь, проведённая с Джоном. Ещё один день в ожидании встречи. Ещё один вечер в объятиях мужчины. А затем он сказал, что его время вышло. Он разыскал в Верхнем Городе старую кабинку для фотографирования. Ею никто не пользовался, но она всё ещё работала. Подарив Джейн фотокарточку, он обнял её так, словно это была вся его жизнь, и её отнимали у него, и сказал:

«Я решился. Я собираюсь принять запретную дозу».

«В смысле?»

«Если разом принять три таблетки геники — умрёшь мгновенно».

«Но зачем?»

«Потому что эта жизнь пустая и бессмысленная. Это не жизнь, а лишь её имитация».

«Не говори глупостей. Может, в следующий отпуск встретимся здесь же?»

«Нет. Мы больше не увидимся. Прощай. Я люблю тебя».

Джейн застыла на месте. «Я люблю тебя». Она толком даже не понимала значения этих слов. В этот момент она ощутила внутри себя пустоту, о которой говорил Джон. Но то была не пустая пустота, а заполненная тёплым и нежным чувством, за которое она отдала бы все деньги мира. И она готова была работать вдвое больше безо всякой геники, только чтобы испытать его вновь.

III

Но затем геника продолжила делать своё дело. Джейн работала, Джейн, гуляла, Джейн танцевала до упаду, Джейн работала, Джейн гуляла, Джейн танцевала, и Джейн постепенно забывала Джона. Работа,

танцы, работа, танцы — в этой круговерти не было места для мужчины. Для него попросту не было времени.

В последний день она подняла взгляд на голубое небо перед тем, как вновь спуститься под землю. Да и то, только потому, что так делали все.

Утром Джейн проснулась и пошла в душ. Кто-то из её подруг по цеху позвонил ей:

«Привет».

«Как дела?»

«У меня тоже нормально. Осталось триста тридцать шесть дней до отпуска. Как обычно, поеду в Верхний Город».

«Рада была тебя слышать. Ещё созвонимся».

«Пока».

На мгновение Джейн показалось это странным, будто такой разговор уже был, но затем машина выдала ей таблетку и стакан воды.

«ГЕНИКА — ВАШ ИСТОЧНИК ЖИЗНЕННЫХ СИЛ.

ГЕНИКА СОДЕРЖИТ НЕОБХОДИМЫЙ КОМПЛЕКС ПИТАТЕЛЬНЫХ ВЕЩЕСТВ, ВИТАМИНОВ И МИНЕРАЛОВ НА СОРОК ВОСЕМЬ ЧАСОВ.

С ГЕНИКОЙ ВЫ БУДЕТЕ ВСЕГДА БОДРЫ, ЗДОРОВЫ И СЧАСТЛИВЫ!»

Через двое суток перед дверью лежал пакет. Её выходной комбинезон вернулся из прачечной. Убирая его в комод, Джейн заметила торчавший из кармана клочок бумаги. Это была фотокарточка с Джоном. Она вспомнила его, вспомнила три волшебных дня, проведённых с ним, вспомнила три незабываемые ночи. Вспомнила его грустную улыбку и необычайно яркий взгляд. Снова это тёплое и нежное чувство пробудилось внутри. Джейн приклеила фотографию к зеркалу и отправилась на работу.

Ещё через двое суток зайдя в душ, Джейн вновь увидела фотографию и попросила машину набрать его номер. Ответа не последовало. Она попросила ещё раз. Машина тем же сухим металлическим голосом, каким ежедневно рассказывает о генике, продекларировала, что вызываемый абонент скончался.

В этот момент для неё всё потемнело. Какая-то обманчивая пелена упала с глаз Джейн.

«Как... как скончался?»

По её щекам потекли слёзы. До сих пор она не знала, что такое плакать.

«Ваш пульс участился. Хотите принять "Радость"?»

«Не нужно мне ваших таблеток! Что с ним? Почему он скончался?»

«Он принял три таблетки геники разом. Его организм не выдержал нагрузки, и он умер от сердечного приступа».

Значит, это правда!

Машина выдала ей таблетку и стакан воды.

«ГЕНИКА — ВАШ ИСТОЧНИК ЖИЗНЕННЫХ СИЛ».

Будто предыдущего разговора и не было. В это же время ей позвонили.

«Привет».

Джейн замерла, глядя на своё отражение в зеркале.

«ГЕНИКА СОДЕРЖИТ НЕОБХОДИМЫЙ КОМПЛЕКС ПИТАТЕЛЬНЫХ ВЕЩЕСТВ, ВИТАМИНОВ И МИНЕРАЛОВ НА СОРОК ВОСЕМЬ ЧАСОВ».

«Как дела?»

Нормально? А что есть нормально?

«С ГЕНИКОЙ ВЫ БУДЕТЕ ВСЕГДА БОДРЫ, ЗДОРОВЫ И СЧАСТЛИВЫ!»

«Осталось двести двадцать четыре дня до отпуска. Как обычно, поеду в Верхний Город».

Джон...

«С ГЕНИКОЙ ВЫ БУДЕТЕ ВСЕГДА БОДРЫ, ЗДОРОВЫ И СЧАСТЛИВЫ!»

«Рада была тебя слышать. Ещё созвонимся. Пока».

Она оторвала его фотографию от зеркала и прижала к груди.

«С ГЕНИКОЙ ВЫ БУДЕТЕ ВСЕГДА БОДРЫ, ЗДОРОВЫ И СЧАСТЛИВЫ!»

Не осознавая, что она делает, или наоборот, впервые в жизни осознавая, что делает, Джейн выпила залпом стакан воды, а генику бросила в тумбочку, и пошла одеваться.

Сперва она не почувствовала разницы. Ей только показалось, что поезд ехал несколько дольше, чем обычно. Она привычно согласовывала и направляла заказы, работа давалась ей легко, она ей даже чуточку нравилась. Затем она почувствовала бурление в животе. Она не знала, сколько прошло времени, так как часов нигде не было, конец смены определяли только по звонку. Джейн посчитала, что прошло около десяти часов. На самом деле не прошло ещё и четырёх.

Она была спокойна. Она догадывалась, какие последствия могут быть, и у неё уже был план. Улучив момент, когда она останется на складе одна, Джейн открыла один из ящиков. Оттуда она вытащила баночку с густой розоватой жижей. Она принесла с собой канцелярский нож. Воровато осмотревшись по сторонам, она аккуратно надрезала и приподняла печать. Облизнув губы, она сделала небольшой глоток. Жидкость была очень густой и имела горько-сладкий вкус. Она сделала ещё несколько глотков. Если это действительно было то самое, о чём она слышала, то голод вскоре должен отступить. Джейн понимала, что эта

жидкость не будет иметь такого пролонгированного действия, как таблетка геники, но надеялась, что её хватит хотя бы до следующей смены.

Кто-то приближался. Джейн спрятала открытую баночку обратно в ящик, прикрыла крышку и притворилась, будто делает опись. Мужчина прошёл мимо, даже не взглянув на неё, сгрузил с тележки несколько ящиков, сделал пометку на своём планшете и ушёл за следующей партией.

Джейн продолжила свой импровизированный обед. Голод действительно отступил. На половине баночки она даже ощутила сытость. Геника не давала такого ощущения, она подавала строго столько веществ, сколько нужно было, чтобы не чувствовать голода. Ей понравилось это чувство. Оставив примерно треть, Джейн поставила баночку горлышком вниз и закрыла крышку ящика. Дождавшись, когда жидкость протечёт сквозь дно, Джейн невозмутимо развернула тележку и повезла её обратно. Какая неприятность — упаковщики допустили брак!

Никто не был защищён от ошибок, но все старались их не совершать. Любой брак будет вычтен из зарплаты, и это означало, что следующая поездка в Верхний Город сдвинется на неделю или две. А увольнение означало, что следующая порция геники будет выдана в кредит, который придётся оплачивать всю оставшуюся жизнь, навсегда забыв об отпуске.

Джейн составила акт, завизировала его у начальника цеха и сдала бракованную упаковку. Чуть позже Джейн слышала, как вызвали упаковщицу с шестого конвейера. Её сердце бешено застучало. Чувство было похоже на первые минуты после приёма геники, но было в нём что-то ещё, незнакомое, новое. Джейн впервые в жизни познавала страх и стыд.

И тут желудок свело судорогой. Руки дрожали, тело покрылось холодной испариной. Нельзя останавливаться, нельзя медлить — коэффициент эффективности падает. И всё же она ненадолго присела на ящик. В таком положении боль немного отступила, но стоило приподняться, как она возвращалась с новой силой. Другие рабочие, сновавшие туда-сюда со своими задачами, начали оглядываться на неё, будто ожидая, что она вот-вот остановится. Нет, она была ещё не настолько стара!

Джейн сделала несколько глубоких вдохов и достала из кармана фотографию Джона. Она придавала ей сил, заглушала боль и прогоняла усталость.

«Я смогу», — сказала себе Джейн и стиснув зубы продолжила свою трудовую деятельность.

Перевозбуждение, вызванное этим маленьким преступлением, надо было чем-то погасить, поэтому Джейн погрузилась с головой в работу. Время от времени ей становилось скучно или тоскливо, тогда она доставала фотографию Джона, смотрела на неё, затем закрывала глаза и пыталась представить себя рядом с ним в Верхнем Городе. Воспоминания о нём возвращались к ней с новыми красками, с такими подробностями, которых она не замечала даже тогда. Ей казалось, будто он здесь, рядом с ней, и тогда работа шла веселее.

Веселее? Джейн поймала себя на том, что улыбалась во время работы. В этом мире никто уже не улыбался, даже в Верхнем Городе. Она прикоснулась к своим губам, пытаясь понять, что заставляет их принимать такую странную форму. Она ещё раз посмотрела на фотографию и увидела, что Джон улыбался на ней.

«Я становлюсь странной», — сказала Джейн, то ли себе, то ли ему.

Первая смена закончилась, и люди набились в вагоны, забивая всё доступное пространство. Джейн стало трудно дышать, она начала вертеться. Пассажиры никак не реагировали на неё, они все находились в каком-то замороженном состоянии. Они будто спали с открытыми глазами. Впрочем, то же можно было сказать о них и на работе, там можно было утверждать, что они не спят только по тому, что они двигались.

«С ГЕНИКОЙ ВЫ БУДЕТЕ ВСЕГДА БОДРЫ, ЗДОРОВЫ И СЧАСТЛИВЫ!»

Счастливы. Что означает это слово? Никто уже толком не знал. Они знали только, что это хорошо и что это состояние даёт им геника. Могут ли они быть счастливы только потому, что никогда не задумываются, а счастливы ли они? Так же, как можно чувствовать себя сытым, стараясь не думать о том, что ты голоден.

Джейн показалось, что поезд ехал час или два, поездка длилась невыносимо долго. Когда, наконец, двери открылись, она с трудом протолкнулась через толпу и остановилась в стороне. Никто не обращал на неё внимания. Она упёрлась рукой о стену и жадно хватала ртом воздух, который вдруг стал слишком пресным для неё. Как будто в нём не хватало кислорода. Вполне возможно, что это было так, и в генику добавляли немного кислорода для дыхания.

В очередной раз воспользовавшись фотографией, Джейн собралась с силами и зашла в свой цех. Впервые она обратила внимание на терпкий, но довольно приятный аромат, витавший в нём. По крайней мере духота отступила. Один лишь запах «компонента А» придавал бодрость.

«Это будет легко, — сказала Джейн. — Мы справимся».

Первые несколько часов прошли легко, но затем на Джейн навалилась усталость. Она заметила, что бесконечный поток баночек с бесцветной жидкостью, проходивших по конвейеру, сливается для неё в одну сплошную белую линию. Линия начинает медленно поворачиваться. Баночки поднимаются вверх, словно лифт, уносящий в Верхний Город.

В последнее мгновение Джейн поняла, что падает, и ухватила за ленту конвейера. Несколько баночек чуть не свалились на пол. Соседние контролёры оглянулись на неё, но быстро вернулись к своему занятию, потому что отвлечение от работы грозило падением коэффициента эффективности. Джейн потрясла головой. Это была не та усталость, что приходила к ней к концу второй смены. Она вымоталась так, будто проработала уже четыре смены. Она по-настоящему хотела спать.

Пытаясь бороться со сном, Джейн начала считать баночки. Но это усыпляло ещё быстрее. Тогда она стала рассматривать своих соседей. На какое-то время это помогло, но затем она заметила, что их действия даже более автоматические, чем движение ленты конвейера. Мужчина справа поворачивал каждую восьмую баночку, каждый раз с невероятной точностью на один и тот же угол. Каждую двадцать шестую баночку он приподнимал и тряс, заглядывая ей под дно. Каждую восемьдесят вторую нюхал. Женщина слева двигала шестую баночку, четырнадцатую приподнимала, двадцать третью поворачивала, также на машинально точный угол, тридцать девятую нюхала, пятьдесят шестую зачем-то слегка постукивала по крышке, семьдесят четвёртую опять нюхала, немного дольше, чем тридцать девятую, затем после восемьдесят шестой цикл повторялся.

Джейн казалось, что они ловят достаточное количество брака каждый день, но сегодня долгое время ничего не происходило. Может быть, ей это только казалось? Ей наскучило следить за другими контролёрами, и она достала фотографию Джона. Вспомнив танцпол, она вдруг уловила ритм движения конвейера и начала подыгрывать ему, постукивая ногой. Это немного взбодрило её. Через несколько минут, она уже напевала под нос примитивную мелодию. Пока соседка не шикнула на неё, заявив, что она мешает ей сосредоточиться.

Ещё некоторое время Джейн потратила, наблюдая, насколько ей удалось нарушить рабочий цикл соседки. Убедившись, наконец, что не удалось, Джейн вздохнула и вновь посмотрела на фотографию.

Потом она снова начала напевать. Женщина слева опять шикнула на неё и пригрозила, что пожалуется начальнику отдела. В ответ на это

Джейн издала специфический звук, который удивил её саму. Ведь она не знала, что такое смех.

Она обратилась к соседке.

«Как дела?»

Та не отвечала.

«У меня тоже нормально. Осталось триста тридцать три дня до отпуска».

Джейн сама задумалась над смыслом произнесённых слов. А что если не поехать в Верхний Город? Что если отложить эти средства, скопленные на поездку, и купить на них, скажем, новое зеркало в душ? Только как их вообще откладывать? Джейн смутно понимала концепцию денег, но никогда не видела их живьём. Вся валюта давно стала виртуальной, большая часть зарплаты автоматически тратилась на покупку очередной дозы геники и оплату налогов на свет и воздух, а остаток откладывался на поездку в Верхний Город. Бухгалтеры считали бюджеты своих сотрудников и вовремя сообщали о достаточном количестве средств на счету для поездки. Но: считали ли? Может, поездка и так выдавалась каждые триста тридцать шесть дней? Этого Джейн не знала.

Вернувшись к своим баночкам, она подняла одну из них, внимательно осмотрела со всех сторон и потрясла. Затем воскликнула, обращаясь к своей соседке:

«Посмотрите — они же идеальны! Что мы здесь вообще делаем? Как давно у вас был последний брак?»

«Я... Пожалуйста, не мешайте мне».

Кажется, женщина пропустила ту баночку, которую должна была понюхать. Немного помедлив, она перезапустила свой цикл с самого начала.

Удивительно! А ведь голос её был знаком Джейн — это она частенько звонила по утрам и спрашивала, как у Джейн дела. Это она была её «подругой по цеху». У Джейн голова шла кругом. Появлялось всё больше вопросов, ответы на которые ей взять было неоткуда.

Заурчал живот. Джейн с отвращением посмотрела на одну из баночек с «компонентом А». Запах у него был приятный, но вкус совершенно отвратительный. К сожалению, ничего другого, чем можно было бы заполнить бунтовавший желудок, поблизости не было. Джейн сняла баночку с конвейерной ленты и поднесла к губам. Вблизи запах вещества так сильно бил по рецепторам, что становилось дурно, и пришлось зажать пальцами нос, прежде чем пить. Невероятная горечь

обожгла Джейн язык. Пульс участился уже после первого глотка, шум механизмов показался громче, а тусклый свет потолочных ламп ярче. Выдохнув, Джейн сделала ещё один глоток. Ощущение было такое, словно её огрели по голове чем-то тяжёлым, хотя её никогда в жизни не били, и она даже не могла знать, какого это. Увидев, что рука её задрожала, Джейн поставила баночку на пол. Инстинктивно она подняла руки к лицу, её глаза были мокрыми. Несколько минут она потратила, пытаясь унять дрожь. Когда судороги прошли, она рискнула отхлебнуть ещё глоток вещества. Снова начало трясти, изо рта непроизвольно вырвался крик. Она тут же прикрыла рот ладонью и посмотрела на своих коллег. Те лишь на секунду покосились на неё, но затем продолжили своё дело, как будто так и должно было быть. А Джейн безумно хотелось кричать. Хотелось сорвать движущуюся ленту с конвейера. Хотелось разбить вдребезги эти баночки. Будь проклят тот, кто придумал пластик! Она стиснула зубы и рванула на себе волосы, да с такой силой, что вырвала несколько клоков.

Но больше всего её злило то, что остальные люди бездействовали. Они всё видели, всё слышали, но только зарывались глубже в свои работы, стараясь не обращать внимания на странное поведение коллеги. Они исключали из своей реальности всё, что казалось им неправильным.

Упаковщица обнаружила пропуск в ровном ряду баночек и сделала пометку. Менеджер составила акт и собрала все необходимые подписи. Акт попал на стол начальника отдела, и он начал по очереди вызывать всех контролёров с конвейера, пока очередь не дошла до Джейн.

По меркам остальных рабочих она выглядела жутко. Растрёпанные волосы, раскрасневшееся лицо, расстёгнутая по грудь молния. Такой вид ненадолго смутил даже пропитанного геникой начальника. Он был немного похож на Джона, наверно, их выращивали из одного сбора.

Он опустил взгляд и твёрдым голосом поставил вопрос:

«Это вы сняли баночку с тринадцатого конвейера?»

«Да, я. Отчёт будет у вас на столе в конце рабочей смены».

Джейн помахала отворотом комбинезона. Она всё ещё чувствовала невыносимый жар, а в этом тесном кабинете было гораздо душнее, чем в просторном цехе. Она приблизилась к его столу.

«Почему вы не принесли её сразу мне?»

«Не видела в этом необходимости. Жидкость была очевидно мутная».

«Куда вы дели её?»

«Выбросила».

«Вы понимаете, что без образца вы не сможете ничего доказать и списать брак на сбой аппаратуры? Вследствие чего придётся вычесть эту баночку из вашей зарплаты».

Джейн развела руками.

«Возвращайтесь к конвейеру. И не забудьте об отчёте».

Но она не ушла, а наоборот, приблизилась, присела на край стола и опустила молнию пониже. Из-под отворота отчётливо просматривалась её грудь.

«Вы хотите заняться со мной любовью?»

Начальник вскочил и хлопнул по столу ладонями.

«Что вы себе позволяете?! Немедленно покиньте мой кабинет!»

Джейн осмотрела себя.

«Я вам не нравлюсь?»

Он грубо столкнул её. У Джейн помутился взгляд. Она потеряла равновесие, и её вырвало прямо на пол в кабинете начальника.

«Вон! Вон отсюда! Вы уволены!»

Чтобы производство не останавливалось, смены на фабриках менялись каждые девять часов. С такой же частотой ходили и поезда. Джейн повезло выйти как раз вместе с предыдущей сменой. Перспектива шляться вокруг фабрики ещё девять часов или идти по путям по абсолютно чёрному тоннелю неизвестно куда её не устраивала. Ей было очень плохо после «компонента А» — голова болела, а желудок выдавал тошнотворные позывы. И ещё она очень устала. Джейн сама не заметила, как в вагоне опустилась лбом на плечо впереди стоявшего мужчины и задремала. Проснувшись она, когда поток людей вытолкнул её из вагона на станции назначения. Люди поспешно разбежались по своим конурам, а она вынула из кармана фотографию Джона, остановилась под уличным фонарём и начала говорить с ним:

«Не прошло и двое суток, как я уже потеряла одну работу. Завтра мне придётся ехать в Центр на профорientацию. Я теперь не знаю, что мне делать. Так жить нельзя, так жить невозможно, но и вернуться к прежней жизни я уже не смогу. Что мне делать, милый?»

«Милый».

Это слово самопроизвольно вырвалось у неё. Она никогда не произносила его, никогда раньше не слышала его. А потом вырвалось ещё одно.

«Дорогой».

И ещё.

«Любимый».

Джейн, насколько это возможно, обняла фотографию и прижала её к груди. Так простояла она, пока фонари не начали отключаться. Так как никто в этом мире не гулял, сэкономили даже на свете.

Уже в крошечной темноте Джейн как-то разыскала свою дверь и на непослушных ногах дошла до кровати. Ей казалось, что сейчас она отключится на все шестнадцать часов и безо всякой геники, но не тут-то было. Несмотря на жуткую усталость, несмотря на звенящую боль в висках, ей совсем не хотелось спать. Её мозг занимался тем, чем геника не позволяла заниматься — он начал думать. Джейн искала ответы на мучившие её вопросы. Почему мы живём так? Жили ли мы раньше как-то иначе? Было ли хуже или было лучше? Что случилось? Почему это случилось? Были ли альтернативы?

Наконец, можно ли ещё всё изменить?

Джейн ужаснулась при этой мысли и потянулась к фотографии. Она попыталась представить себе Джона, мысленно вернуться туда, в Верхний Город, в те три волшебных дня, снова побыть с ним. И милостивый сон унёс её туда.

Она шла по улице Города, держа Джона под руку. Они оба смеялись. Впереди не было домов, только бесконечное ярко-голубое небо. Она вдруг остановилась, повернулась к Джону и прильнула к нему губами. Он обнял её с удивительной нежностью, как тогда, в день их расставания, но в этот раз сказал, что никогда её не бросит, что всегда будет рядом. А над его головой светил какой-то невероятно яркий прожектор, слепивший Джейн. Ближайшая звезда, что дарила раньше жизнь и мягкое тепло.

«Всё в этом мире не то, каким должно быть».

IV

Отвратительный свист вышвырнул её из сна. Она никогда раньше не обращала внимания, что у неё такой раздражающий будильник. Увидев на тумбочке фотографию Джона, она поздоровалась с ним:

«Доброе утро, любимый».

Она чувствовала себя неплохо, вполне отдохнувшей, только хотелось есть. стакан воды на какое-то время займёт желудок, а потом можно будет съесть «компонент К». Джейн бросила вторую таблетку геники в тумбочку к первой и пошла на работу.

На этот раз в вагоне её потянуло развлечься, и она начала щекотать пассажиров. К её большому удовольствию, у загипнотизированных геникой людей превосходно работали безусловные рефлексы. Более

того, засмеявшийся от щекотки человек начинал щекотать следующего человека, и так далее, пока весь вагон не принялся хохотать. Отсмеявшись вдоволь, люди как будто на время вышли из-под действия наркотика и смотрели друг на друга. Но затем, один за другим, их взгляды снова вылавливали красочные экраны с изображениями Верхнего Города, и они замирали. Тогда Джейн попробовала просунуть руки между людей и обнять стоявшего впереди человека. К сожалению, он просто оттолкнул её руки. Попытки схватить чью-нибудь ладонь также приводили к рефлекторному отдёргиванию. Джейн бросила свои эксперименты, закрыла глаза и начала считать. Она досчитала до пяти сотен, прежде чем поезд достиг остановки.

Этой работой Джейн решила не рисковать, поэтому действовала очень сосредоточенно и старалась не совершать посторонних движений, хотя есть хотелось очень сильно. Она уже начинала чувствовать слабость. Рано или поздно ей придётся умыкнуть ещё одну баночку. Она тянула время, пока ощущения в животе не стали болезненными. Тогда она повторила свою схему: привезла тележку на склад, вскрыла ящик, достала одну из баночек и аккуратно открыла её.

«Что вы делаете?»

Она не заметила, как на склад зашла другая женщина. Джейн с открытым ртом перед открытой баночкой смотрела на неё, словно на призрака. Все работники были так увлечены процессом, что, казалось, совсем не замечали её, а тут стояла женщина и смотрела на неё в упор.

«Я спрашиваю: что вы делаете?»

«Эм, тут... Я принесла ящик, а он, эм... Я увидела, что у баночки оторвана наклейка. Вот, видите?»

Джейн подёргала крышечку. Но на женщину это не подействовало.

«Немедленно к директору!»

Началась долгая и нудная разборка, в ходе которой выяснили, что Джейн и вчера вскрывала ящик, что Джейн оклеветала вчера упаковщицу. Как-то узнали даже о том, что Джейн была вчера уволена со второго места работы «за неадекватное поведение». Всё это время Джейн стояла перед директором неподвижно, с бледным осунувшимся лицом. Ей так и не дали выпить «компонент К», что, в конце концов, привело к ожидаемому эффекту.

Голова закружилась, и Джейн упала в обморок.

Её забрали люди в белых комбинезонах. Их можно было условно называть врачами, но так как люди, опять же благодаря генике, не болели, основной и единственной функцией врачей был вывоз тел

«остановившихся» людей. Очень давно они не привозили в свои палаты живых.

Джейн очнулась уже на койке. К ней был подключен датчик, измерявший её пульс, и капельница с прозрачным раствором. «Геника», сразу подумала Джейн, однако тут же отбросила эту мысль, ведь она всё ещё могла свободно думать. Она приподнялась на локтях и увидела в палате врача.

«Вы очнулись? Хорошо. Вас списали, поэтому вы оказались здесь. Когда списывается брак на фабрике, это ваша ошибка, а когда списывается работник — это ошибка наша. Поэтому мы должны вас как следует изучить и проанализировать, чтобы сделать генику ещё эффективнее».

Джейн ответила, что она в полном порядке. Врач заладил про коэффициент эффективности, Джейн спросила у него, как он вычисляется. Врач не знал. Он тут же перевёл тему, сказав, что должен взять анализ крови. На вопрос Джейн, почему они не сделали этого, пока она была без сознания, врач ответил, что не положено. Результат анализа был очевиден, но врач продолжил нести ахинею. Сказал, что у неё необычный гормональный всплеск, спросил, были ли у неё половые связи во время отпуска. Она рассказала ему обо всех своих связях в подробностях. Равнодушно приняв от неё информацию, врач произвёл какие-то манипуляции с экраном, висевшим на стене напротив, и сказал:

«У нас есть старая архивная видеозапись. Посмотрите её, пожалуйста. Это навсегда отобьёт у вас желание».

На экране появилась женщина, лежавшая на койке с широко раздвинутыми ногами. Она кричала, корчилась и извивалась от невыносимой боли. Мужчине в белом халате пришлось крепко держать её за плечи, пока женщина в белом халате извлекала нечто из её нутра. Это оказался ребёнок, маленький, сморщенный, уродливый, весь покрытый кровью и ещё какой-то склизкой гадостью. Женщина плакала, ребёнок кричал. Но затем его обтёрли полотенцем и поднесли матери. Она взяла на руки младенца и улыбнулась. Малыш перестал плакать и первый раз в жизни открыл глазки. На лице женщины было написано счастье.

Джейн плакала и улыбалась, улыбалась и плакала. Это было самое прекрасное, что она видела в жизни, и, в то же время, самое ужасное. И ей было до того обидно, что она никогда не сможет испытать это чувство — дать жизнь другому человеку. Ах, как бы она хотела испытать это чувство! Но она была благодарна уже за то, что увидела это.

Врач был прав — это навсегда отбило у неё желание. Желание принимать генику, как раньше.

Раз уж она оказалась здесь, Джейн напоследок спросила у врача, куда они относят людей, которые «остановились». Был шанс снова увидеть Джона! Хотя бы на миг.

«На переработку», — равнодушно ответил врач.

«На переработку?» — переспросила Джейн.

Он провёл её по длинному коридору к грузовому лифту. Они спустились на десятки, может, на сотни метров вниз. Там было темно и душно, и очень жарко. Затем Джейн попала в гигантский зал, посреди которого стоял большой полупрозрачный котёл. В нём кипела зеленовато-розоватая жижа. От котла в разные стороны расходились многочисленные трубки, которые вели к другим, меньшим котлам, а затем извивались и уходили куда-то вверх. Джейн медленно приблизилась к большому котлу.

«Что это?»

«Мы привозим людей сюда. Некоторые белки, необходимые для нашего организма взять уже неоткуда, поэтому приходится перерабатывать остановившихся людей. Здесь они разделяются на составляющие, которые идут на производство геники».

Под стеклом проплыла человеческая ладонь. Джейн отпрянула от котла, споткнулась и повалилась на пол. Врач помог ей подняться, но она оттолкнула его и попятилась.

«Нет! Хватит! Хватит! Выпустите! Выпустите меня отсюда!»

Она бросилась назад к лифту. Двери открылись перед ней автоматически, и лифт понёс её вверх. Джейн опустилась на пол и зарыдала. Неожиданно кабина лифта озарилась ярким белым светом, и омерзительный механический голос заговорил:

«ГЕНИКА — ВАШ ИСТОЧНИК ЖИЗНЕННЫХ СИЛ.

ГЕНИКА СОДЕРЖИТ НЕОБХОДИМЫЙ КОМПЛЕКС ПИТАТЕЛЬНЫХ ВЕЩЕСТВ, ВИТАМИНОВ И МИНЕРАЛОВ НА СОРОК ВОСЕМЬ ЧАСОВ.

С ГЕНИКОЙ ВЫ БУДЕТЕ ВСЕГДА БОДРЫ, ЗДОРОВЫ И СЧАСТЛИВЫ!»

«Заткнись! Заткнись! Заткнись!»

Тот же голос, но уже не так монотонно, продолжил:

«НЕ БЫЛО ВЫБОРА. НИКТО НЕ ЗАСТАВЛЯЛ. ЛЮДИ САМИ ТАК РЕШИЛИ. ЛЮДИ САМИ СДЕЛАЛИ ВЫБОР. НЕ БЫЛО АЛЬТЕРНАТИВЫ. БЫЛО СЛИШКОМ ПОЗДНО. ПЛАНЕТА ПОГИБЛА. СОХРАНИТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО. ПЛАНЕТА ПОГИБЛА. ТОЛЬКО ТАК МОЖНО БЫЛО СОХРАНИТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО. ОНИ САМИ СДЕЛАЛИ ВЫБОР. НЕ БЫЛО

ВЫБОРА. НЕ БЫЛО ВЫБОРА. ГЕНИКА — ВАШ ИСТОЧНИК ЖИЗНЕННЫХ СИЛ».

Свет потух и двери открылись. Джейн выползла из лифта. Ей показалось, что она вернулась туда же, откуда начала. Все коридоры выглядели одинаково, они все были серые и мрачные.

Неужели не было выбора? Неужели нельзя было ничего сделать? Джейн в глубине души понимала. Она понимала, зачем нужна была геника, зачем в неё подмешивали наркотик. Имитация жизни, как говорил Джон. Это было необходимо теперь. Это стало необходимо. Но так ведь было не всегда? Неужели люди сознательно шли к такой жизни? Неужели люди сознательно уничтожили всё во имя самосохранения?

Джейн проснулась и зашла в душ. Сухой механический голос задал ей вопрос:

«Поступил запрос на ваши яйцеклетки. Вы согласны на продолжение рода?»

«Да, конечно».

Машина выдала ей таблетку и стакан воды. Джейн вышла из душа и достала из тумбочки две предыдущие таблетки. Посмотрела на фотографию Джона.

Что же это значило — быть вместе? Всё, что осталось от Джона, теперь в этой продолговатой белой таблетке. Он даст ей силы, чтобы жить дальше. Или же она может покончить с собой и пойти по его пути. Раствориться в чане, разложиться на составляющие, дабы продлить жизнь другим людям.

В одной ладони лежали три таблетки, в другой — его фото. Она поняла, что больше не увидит его никогда. Можно проглотить таблетки и умереть, но у неё по-прежнему был выбор.

В одной ладони лежали три таблетки, в другой — его фото. Можно было выбросить две и продолжить жить. Заработать на новый подъём. Познакомиться с другим мужчиной. Научить его тому, чему научил её Джон.

В одной ладони лежали три таблетки, в другой — его фото...

Алексей Тверитинов

Влияние исторических корней на формирование гражданского самосознания

В национальном многообразии российской общности народов особая роль и особая ответственность возлагаются на русский народ. Так сложилось исторически. Такие национальные черты русских людей как недостаток прагматизма, доверчивость и простодушие не заслоняют путь к глубокой духовности, а наоборот открывают путь к вере, надежде, терпению, прощению, любви, преданности, стойкости, святости. Всё это призвано оказывать благотворное влияние на всю общероссийскую нацию.

Но как не стать вдруг случайными и непреднамеренными представителями чужих интересов, чуждых региональных систем, озабоченных разрушением нашей Большой Родины? Что нужно для этого делать?

Размышления на эти темы давно не дают мне покоя. Года два назад мне довелось попасть на презентацию сборника, который выпустила весьма уважаемая организация. Сборник был посвящен размышлениям о гражданской позиции соотечественников¹. По мере прослушивания выступлений, меня стала охватывать досада, осложненная недоумением. Удивляло, – как мелко о себе и об истории своей страны судят некоторые наши многоуважаемые коллеги. Их мысли, очень правильные, сильные, пронзительные, мудрые и устремленные в будущее, вдруг, как бы внезапно обрывались и не уходили глубже «сталинско-советского» и постсоветского периодов. При всём этом речь шла сугубо о будущем. Здесь, кстати вспомнить крылатую фразу Михаила Васильевича Ломоносова: «Народ, не знающий своего прошлого, не имеет будущего».

О чем бы ни шла речь на презентации сборника и в самом его содержании, - о культуре, о сильной ли власти, причем, непременно – сталинской; о природных ли, людских или иных ресурсах страны – всё, за некоторым исключением, вращалось в основном почему-то вокруг вышеуказанных периодов. Как будто мы только что родились, и до этого ничего не происходило! И теперь вдруг всё рухнуло! Мы в вакууме, и не знаем – кто мы, что мы, и в растерянности думаем: «С чего бы начать?».

¹ Гражданская позиция. – Москва: НП «Литературная Республика», 2016.

А ведь кроме советского периода с его сталинизмом была и Императорская Россия с богатейшей тысячелетней культурой, со множеством примеров сильной и успешной власти! Страна ширилась и умножалась природными и человеческими ресурсами в отличие от периодов ленинизма и сталинизма, когда и малая и белая России «...и прочая, и прочая, и прочая»² отошли от Великой России прочь! Да и Великой России не осталось, а появилось сообщество советских людей без рода, без племени, без национальности! А не случись искусственно созданной катастрофы 17-го года, Россия была бы к середине 20 века по всем без исключения показателям на первом месте в Мировом Мире, исходя из темпов своего развития в эпоху царствования Николая II³, систематически подвергаемую клевете! Пора покончить с забывчивостью правды и ложными воспоминаниями! Никакое «единение» не может быть построено на лжи и обмане! И кто это дал установку, что «история не терпит сослагательного наклонения»? Её надо «сослагать»! Надо! Чтобы не повторять ошибок! И «победителей» судить надо! Чтобы не ставили себя выше Бога! Прощение и примирение придут неизбежно! И только потом можно думать о единении - об одной из поднятых на презентации проблем.

Обращаясь к истории государства Российского, стоит вспомнить, что в смутное время 1611 года, во время польско-литовской интервенции в «Окружном послании» к народу Патриарха Гермогена было написано: «Помяните одно: только корень, основание крепко, то и дерево неподвижно; только не будет [корня], к чему прилепиться[?]...». ...И ведь выстояли. Без корней государственное древо бы рухнуло. Вспомнив о своих конях, народ воспрянул единым духом! Единение и Пресвятая Богородица в лице Казанской Иконы помогли победить интервенцию и смуту.

Но почему мы обращаемся за помощью к своим историческим корням и стараемся обрести в них силу, опору и защиту только когда нам становится туго?

Во время Великой Отечественной войны наше атеистическое государство вдруг вновь вспомнило о чудодейственной силе Казанской иконы Божьей Матери, и прибегло к ее помощи - когда припекло; в армию были возвращены погоны, в наградную систему введены ордена Александра Невского, Суворова, Кутузова, Богдана Хмельницкого, Ушакова, Нахимова. И победили, несмотря на предшествовавшее войне истребление лучшей части генетического фонда нации. И в бой шли на

² Из титула Всероссийских императоров.

³ Царствование Императора Николая II 1894-1917 в цифрах и фактах. - США, 1968.

смерть вовсе не за Сталина и не за государственное устройство, как считают некоторые наши безумные «мыслители», а за Родину, за Отечество!.. Шли вопреки репрессиям, из тюрем, лагерей и ссылок...

Выстраивать свою гражданскую позицию, опираясь лишь на конструкции советского и постсоветского периодов, всё равно, что рассматривать рост дерева, оторванного от корней. Это бессмысленно! Это самообман! Не растёт дерево! В кроне его не слышно шелеста веков. Ведь там лукаво заблудился застывший «ветер перемен»! А дерево сохнет и гниет и превращается в бревно! Не может в нем быть жизни без корней! Также нежизнеспособным стал и период страны после 17-го года, - что показала сама жизнь.

Сводить нашу историю только к 20 веку - значит не знать – что такое Россия! Пора перестать судить о самих себе мелко и забывать о своем глубоком величии. Давайте в этой связи еще раз вспомним созвучные воззванию Гермогена крылатые строки Пушкина:

*«Два чувства дивно близки нам –
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.*

*На них основано от века
По воле Бога самого
Самостоянье человека,
Залог величия его...»*

Всё вышесказанное хочу свести к простой мысли – восстановление государственности нужно начинать с корней - с восстановления исторической культуры, без которой государство просто не может существовать как таковое! В принципе! По определению! Без восстановления исторической культуры и в разрыве от неё одни лишь экономические, педагогические, социологические, юридические и прочие усилия, о которых так много говорилось на презентации сборника, - бесполезны и бесплодны, особенно в противостоянии влиянию чужих региональных систем, ведущих против России скрытую войну. Их попытки разрушить нашу государственность изнутри - не прекращались никогда!

Но, отправляясь в правильный исторический путь и устремляясь в будущее, очень важно не забыть взять с собой всё то прекрасное, ценное и положительное, что было создано в Советском Союзе, в котором

Алексей Тверитинов «Влияние исторических корней на формирование гражданского самосознания»

подавляющее большинство из нас жило и трудилось на благо Родины. Главное при этом не забывать суждение «нашего всего» - Александра Сергеевича Пушкина о том, что «степень знаний исторических всегда характеризует степень культуры и культурности народа»⁴.

Противоречивые и критические мысли мучили меня на протяжении всей презентации. Касаясь поднятого вопроса об объединяющем имени нации, я поддержал бы - «росс» - как один из вариантов обсуждения, – по первому слогу названия страны! Вместе с тем крайне желательным было бы восстановление также имени прежней национальности русских людей – «великоросс», поменяв размытое прилагательное на имя существительное. Иначе вновь возникает ощущение дискриминации и без того обезличенной части народа, которая исторически является общим объединяющим стержнем нации. Имя оказывает огромное влияние на формирование самоощущения, самосознания и судьбу человека. К сожалению, значительная часть нашей нынешней молодёжи, на всё плюющая во всех смыслах и проявлениях и громко сквернословящая, - относится к себе порой самоуничижительно, а к Родине пренебрежительно и чаще всего заботится только о личном и, в основном, материальном преуспевании. Представители такой молодёжи, да и многие «зрелые» представители интеллигенции, легко становятся объектами влияния для выполнения чужих задач, ненамеренными, случайными, а иногда и осознанными представителями чужих региональных систем и разрушителями своей Родины. Всё это возникает из-за ампутации исторических корней! Осознав себя «великороссами», может быть эта, к сожалению, немалая часть наших граждан, наконец, устыдится своего мироощущения и повернется в сторону осознания своей значимости и ответственности перед Богом и Большой Родиной.

Но есть и еще один, на мой взгляд, очень важный аспект обсуждения. Коль скоро мы ведем речь о возможности придания многонациональному миру нашей страны объединяющего имени - «россы», берущегося от России, то по логике обратной связи, не следует ли и саму страну переименовать из Российской Федерации просто в Россию, как это было во всю историю государства, отбросив крайне неблагозвучное лишнее слово – федерация? И это будет прекрасным продолжением дела сплочения нации! А иначе мы просто будем выглядеть чем-то вроде нации «федероссов».

⁴ В. А. Прокофьев. Среди свидетелей прошлого. - М., 1964.

К сожалению, в наше время даже иные представители власти не знают и даже не подозревают – что такое Россия. Что уж тут говорить о простых тружениках, «скромных» олигархах и бизнесменах, лукавых политологах!

Слушая выступления, я всё больше утверждался в мысли, что в сложной современной ситуации в борьбе за умы и души наших граждан необходима интенсивная правдивая информация об исторической России. Информация - всеми средствами по всем возможным направлениям с целью напомнить каждому россиянину, что он сам - неотъемлемая частичка исторической Родины, олицетворение ее патриотических, духовных и культурных традиций. Корни есть у всех, независимо от рангов. Победы и великие свершения создавались не только начальниками и генералами, но и мужеством простых тружеников войны и мира. Только осознав себя сохозяевами Отечества, почувствовав свое предназначение и величие, легко будет выработать в себе иммунитет против любых чуждых влияний враждебных нам систем.

И еще в который раз подумалось: "Поскольку семья – ячейка общества, то и новая общероссийская нация должна строиться, прежде всего, по принципу семьи, а не по принципу госпредприятия или акционерного общества как пытаются представить ее сейчас".

В дополнение к сказанному следует отметить, что в сферу российской исторической культуры, составляющей основу государственности, входят такие атрибуты и институты, влияющие на патриотическое сознание, как герб, гимн, флаг, легитимная монархия. Отсутствие каких-либо из этих атрибутов или их исторических компонентов делает государство неполноценным. Часть из них уже восстановлена. Всё остальное требует серьезного обсуждения.

Единство многообразия нации «россов» призвано воплотить в себе силу единства и многокрасочный колорит национального многообразия! Эти сила и красота могут спасти и сохранить наш Мир!

Анна Логинова Трушкова

Командировка

Летний вечер – замечательное время для прогулок вдвоем. Медленно, никуда не торопясь, мы гуляли по вечерней Москве, наслаждаясь ее необыкновенными видами. В этот субботний теплый вечер вокруг много молодых и жизнерадостных людей. Конец рабочей недели. Казалось вся Москва вышла на улицы. Алексей, мой школьный друг, устроил для меня экскурсию. Обойдя почти весь центр, мы вышли на Большую Дмитровку. Мой спутник предложил отдохнуть в каком-нибудь кафе. Я с готовностью согласилась, это было как нельзя кстати, – ноги гудели от долгого хождения.

В это самое время мы случайно оказались рядом с рестораном «Краснодар». К его фасаду примыкала летняя часть со столиками под навесом. Было очень жарко и хотелось пить. Столики здесь двухместные. Сидящие пары молодых людей, никого не замечая, вели свои частные приятно-оживленные беседы, наслаждаясь напитками и общением.

- А давай выпьем пива? Ты как, не против? – спросила я неожиданно для себя самой. Алексей замечательный собеседник и мне очень захотелось спокойного душевного общения.

- Давай. Вот и свободный столик, – ответил он.

Заказали по бокалу пива.

- Надо же, как это место мне напоминает сам Краснодар. Там очень много подобных местечек разбросано по всему городу, – Алексей медленно сделал небольшой глоток, – Чудный город! Я там часто бывал в командировках и у меня о нем остались своеобразные воспоминания. Хочешь, расскажу?

- Конечно, расскажи. Очень интересно!!!

- Расскажу. Это было в 90-тые годы... Но тогда давай еще возьмем по бокалу...

Помнишь, в то время шло повальное закрытие государственных организаций. Безработица становилась нормой. Нужно было как-то выживать и не дать детям умереть с голоду. Каток ликвидации не миновал и нашу контору, где я работал. Вынужденный поиск работы привел меня в совместную Российско-Чешскую фирму по наружной рекламе. Работая там, пришлось много летать в командировки по различным городам, – у меня была должность начальника отдела городов России. Работа включала в себя приискание мест для установки рекламных щитов с последующим составлением адресной программы,

согласование этих мест с городской администрацией, заключение с госструктурами договоров на аренду рекламных пространств, создание бригад для монтажа щитов, контроль и проверка качества монтажа, создание бригад по оклейке с последующим контролем своевременности смены изображений. Вот очень краткий перечень обязанностей, не считая множества напряженных нюансов. И всё это нужно было делать в разных городах. Кроме того, контролировать все, охваченные рекламой города, одновременно, полагаясь, конечно, во многом и на сотрудников. Заказчиками у нас были очень серьезные иностранные фирмы и компании, например, «Филипп Морис», «Кока-кола», немецкая «Монтана», японская «Хитачи» и другие, уже не помню какие. Деньги крутились немалые. Как же потом всё это стало надоедать мне, до тошноты! Тоска смертная! По мере работы, я сам себе становился противен! Как же так получилось? Это я-то? С моим-то внутренним миром? Служу каким-то там капиталистам с их одной извилиной?! Я начинал чувствовать себя просто предателем Родины и предателем самого себя, ради денег работающим на иностранных спрутов. Но что тогда я мог противопоставить государственной доктрине?! Она была несовместима с моим понятием Родины! У той доктрины была власть, и она творила в те годы, что получалось!

- Но ты ведь хотел что-то там рассказать о краснодарской командировке, а вещаешь известные истины, неведь что, - прервала я поток его, вызванных жарой и пивом, измышлений. – Не отвлекайся и не уходи от темы! Мы ведь говорили о Краснодаре – о городе, о командировке туда.

- Ах, да, прости, я отвлекся, но без этого вступления было бы сложнее понять суть дальнейшего рассказа.

И вот этот рассказ, как я его запомнила...

В четверг, 20-го июля 1995 года самолет из Внуково благополучно приземлился в краснодарском аэропорту. Стояла жара. Город был совсем незнаком Алексею. Необходимо было приобрести карту или атлас и другие информационные материалы. Но все киоски возле аэропорта были закрыты на обед. Он решил дожидаться их открытия. Направляясь к скамейке, Алексей проходил мимо какого-то игрового аппарата, расположенного прямо на улице перед вестибюлем аэропорта. Около аппарата стояла группа спортивных молодых людей. Они держали в руках какие-то фанерки с цифрами.

- Мужчина! Нажмите кнопку, - услышал за спиной голос.

- Некогда, - буркнул Алексей.

Он давно дал себе зарок, никогда не вступать ни в какие игры. Время шло медленно, а ему необходимо было дождаться открытия киоска. За его стеклом виднелась карта города и телефонный справочник. И вот - конец ожиданиям, всё, что нужно, приобретено. Стало ясным, куда и на каком транспорте ехать. Алексей облегченно вздохнул. Для начала ему нужно добраться до гостиницы, где у него уже было забронировано место.

- Мужчина! Нажмите, пожалуйста, кнопку! Пожалуйста! – это к нему опять обратилась девушка у того самого аппарата, когда Алексею вновь пришлось проходить мимо всей компании.

Настроение у Алексея было приподнятым, благодаря приобретенной ясности действий, и он неожиданно для себя, не задумываясь - нажал... Только потом он понял, насколько чреват был его необдуманный шаг – не стоило этого делать.

У тебя счастливая рука. Вот тебе моя фишка! Дарю! Продолжай за меня! – поощрительно воскликнул один из парней.

Алексей и сам не понял, как оказался вовлеченным в игру. Поначалу он выигрывал под лживо-восторженные возгласы окружавшей его компании. Но, когда игроков осталось двое – он и высокий белобрысый парень, то проигрыш следовал за проигрышем. В этот момент Алексей понял, что он попал в ловушку, из которой не выбраться, и, что вся компания, окружавшая аппарат, – одна банда. Но было уже поздно.

Алексей проиграл все командировочные деньги, спрятанные в обширном, но потайном отсеке сумки. В 90-х годах рубли исчислялись тысячами и миллионами. У него с собой было несколько миллионов. Они предназначались для различных, в том числе производственных, целей. Все миллионы ушли. Отыгрываться уже было нечем. Создалась ситуация западни, т.е. из игры просто не выйти. Надо было как-то вернуть деньги. Алексей ясно понимал, что сама игра представляла собой очевидный мухлеж.

- Положите свои часы, - сказала та же девушка. Она как бы обслуживала этот игровой аппарат и сам ход игры.

- Да разве они представляют ценность? – нарочито брезгливо возразил белобрысый «игрок».

Но и часы были проиграны.

- У Вас есть шанс всё отыграть, если поставите на кон свою сумку.

Но и сумка была проиграна.

- У Вас есть шанс выиграть утешительный приз, - продолжала девушка, - если...

Но Алексей уже не слушал её, так как в это самое время белобрысый «игрок» закинул на плечо сумку Алексея, и, держа в другой руке свою сумку с денежным выигрышем, начал быстро уходить с обеими сумками с места действий. Алексей рванул за ним. Нельзя было упускать свою сумку! В ней находились очень важные документы и печать фирмы. За Алексеем двинулась вся банда.

Нагнав «игрока», Алексей, ухватился за лямку своей сумки.

- Отдай! Зачем она тебе?

- Не прикасайся ко мне! Может ты чесоточный! – злобно прошипел «игрок».

Бандиты окружили Алексея.

- Ты чееёо! Ищо не понял?! - Один из них резким движением легко оторвал отворот кармана рубашки Алексея и засунул его в тот же карман.

«Игрок» тем временем уже бежал к троллейбусной остановке. Там как раз шла посадка.

- Стой! Сумку отдай! – закричал Алексей.

Крик и возня привлекли внимание патрулирующих милиционеров. Они быстро оценили ситуацию и бросились вдогонку за «игроком». Тот чуть было не заскочил в троллейбус, но водитель захлопнул двери перед самым его носом и начал движение. Видимо понял, что происходит что-то криминальное, раз милиция в погоне.

«Игрока» задержали. При виде милиции «шайка» куда-то растворилась, а Алексея с «игроком» повели разбираться в отделение милиции аэропорта.

Разбор прошел довольно быстро.

- У Вас, похоже, высшее образование. В компьютер балуетесь? Там ведь, если не туда нажал, то всё. И здесь так же. Не туда нажал и проиграл, - поучал Алексея немолодой сержант милиции, имеющий очень отдаленное представление о компьютерах. – Так, что деньги теперь не Ваши.

На утверждение Алексея, что возле аэропорта орудует игровая мафия, сержант ответил, что они, то есть мафия, имеют право на свою деятельность и у них есть даже лицензия. Только вот играть на вещи они права не имеют.

- Поэтому часы и сумка – Ваши, а деньги – нет. И всё, идите отсюда! Оба!

Алексей с «игроком» вышли на милицейский, довольно обширный двор, и направились к калитке. «Шайка» ждала их с внешней стороны отделения. Члены «шайки» нетерпеливо перемещались вдоль

металлической ограды. Казалось, они готовы были перелезть через нее, но понимали, что этого делать нельзя.

Голова Алексея напряженно и трезво гудела в поисках выхода из ситуации: «Нельзя происходящему брать над собой верх! Это недопустимо! Во что бы то ни стало нужно из этого позорного положения выйти! Немедленно! Любой ценой!».

Мысли пронзали мозг, как молнии!

Вдруг «игрок» остановился.

- Сколько стоит твой билет на самолет? Покажи билет. – Презрительная гримаса не сходила с его лица. – Я дам тебе эту сумму. Только чтобы ты улетел, и я больше тебя никогда не видел.

«Игрок» поставил свою сумку, наполненную деньгами Алексея, на асфальт. Чуть повернулся правым боком и стал, было, наклоняться к сумке за деньгами.

И тут правая рука Алексея вылетела сама собой. «Игрок» свалился, как подкошенный, и замер на асфальте в подозрительно неестественной позе. Это был глубокий нокаут. У Алексея был большой опыт уличных боев. Но первой рукой в ход всегда шла всё же левая. Кулак быстро опускался вниз, отвлекая внимание противника. Затем в согнутой руке молниеносно взмывал вверх, одновременно поднимался и локоть. Получался хлесткий боковой вкрученный удар с опорой на левую ногу. Против боксеров этот простой финт не действовал, но в уличных боях это было то, что надо, благодаря неожиданности и непредсказуемости. Дальше в ход при необходимости шли борцовские навыки.

Но в данной ситуации нужно было действовать правой рукой. На левой стороне головы «игрока» засочилась кровь, - падая, он слегка задел головой какую-то стоящую рядом будку, обитую жестью, и получил рассечение. Не обращая внимания на лежащего, Алексей начал быстро перекидывать деньги куда попало: в карманы, в сумку, за пазуху, - лишь бы успеть. Когда дело было сделано, Алексей направился не к выходу с территории милицейского двора, а в сторону самой милиции. Ведь за оградой его ждали разъяренные и удивленные бандиты. Алексею казалось, что он слышит скрежет их зубов. Перо в бок – вполне было бы естественным результатом на выходе с милицейской территории.

Вдруг окровавленные руки схватили Алексея сзади, испачкав кровью рубашку. В самое ухо послышался хриплый крик, - что-то о грабеже. Это «игрок» очнулся. Из здания милиции выскочило несколько молодых милиционеров. Их снова схватили и обоих повели в отделение. Приставили стражу. Кто-то из главных распорядился: «Вызывайте таможенную и угрозыск». Имелись ввиду конкретные представители этих

служб. «Угрозыск» оказался самым начальником угрозыска, так он представился.

Деньги Алексея выложили на стол. Они заняли всю его поверхность.

Для обработки раны «игрока» вызвали сотрудницу отделения в штатском. Увидев стол, она замерла от удивления.

- Ого! Ничего себе! Я никогда в жизни не видела столько денег!

«Наверное, это потому, что ты работаешь здесь бухгалтером», - пошутил про себя Алексей.

«Игроку» обработали рану, и кровотечение прекратилось. Алексея обыскали с ног до головы. Когда из сумки извлекли старый фотоаппарат ФЭД, на лице «игрока» нарисовалась жгучая досада и разочарование. Он, наверное, думал, что в сумке находится что-то вроде слитка золота, судя по ее весу, а тут обыкновенный старый фотик.

«Вот и сгубила жадность фраера», - ухмыльнулся про себя Алексей, наблюдая за «игроком».

- С какой целью Вы прибыли в Краснодар? На отдых? – начал допрос таможенник.

- Нет. В командировку. И эти деньги не мои, а фирмы.

- Врешь! Покажи командировочное удостоверение! – подключился к допросу «игрок».

По наглости «игрока» Алексей вдруг понял, что все здесь заодно: и таможня, и угрозыск, и игровая мафия.

Алексей полез в сумку и достал вместе с командировочным удостоверением список сотрудников администрации Краснодара с телефонами, включая и мэра. Список был подготовлен в расширенном виде на всякий случай.

- Вот, кстати, я должен с ними всеми встретиться по делам направившей меня фирмы. – Алексей протянул список начальнику угрозыска.

И тут характер допроса изменился. Началась так называемая «езда по ушам».

- Вы совершили преступление! Вы совершили ограбление! С отягчающими обстоятельствами! С тяжелыми последствиями! Чья это кровь на Вашей рубашке!? Не Ваша ведь эта кровь! – упражнялся в красноречии таможенник, - Вам грозит до 5-ти лет лишения свободы. Не открутитесь!

Допрос был разыгран как по нотам - неожиданно к делу подключился «угрозыск». Он, видимо, должен был играть роль «доброго следователя».

- Вот идите в ту комнату и решите между собой – чьи это деньги и договоритесь о примирении, если сможете. Когда вернетесь, напишите заявления, что не имеете друг к другу претензий, – обратился он к Алексею и «игроку». А потом добавил, - да, и пересчитайте, все ли деньги на месте.

В отдельной комнате Алексей перед носом «игрока» стал, не торопясь, пересчитывать деньги. Теперь вид у «игрока» стал жалким. Перед Алексеем сидел уже совсем другой человек.

- Кто же так складывает? К деньгам надо относиться с уважением. Давай помогу, - обреченно пробормотал «игрок», и добавил, - оставь мне хоть пару сотенок.

- Ладно. Забирай.

Алексею вдруг стало жалко этого парня.

- Тяжелая у тебя работа, - посочувствовал он «игроку». - А давай, когда всё решится, заедем ко мне в гостиницу, возьмем бутылку, поговорим.

- Нет! С тобой я никуда не поеду.

- Почему?

- Ты непредсказуемый.

Заявления об отсутствии взаимных претензий они написали под диктовку «угрозыска». Казалось бы, всё теперь для Алексея благополучно закончилось. Он достал из сумки чистую рубашку и быстро переоделся. Но ведь еще надо было невредимым добраться до остановки и сесть в троллейбус, а не вернуться, в лучшем случае, опять в отделение милиции уже в третий раз.

«Угрозыск» всё это хорошо понимал.

- Пойдемте. Я Вас провожу.

Следователь провел Алексея через калитку. Бандиты совещались уже в отдалении. «Игрок» направился к ним. Оставив Алексея самостоятельно продолжать путь, к бандитам направился и «угрозыск».

Алексей шел не торопясь, и не оглядываясь. И только входя в троллейбус, повернулся и увидел, как «угрозыск» что-то объясняет бандитам. А те слушали его внимательно и мрачно косились в сторону остановки. Хвоста не было.

К счастью, в гостинице оказалось что-то наподобие специально оборудованной комнаты быта, где можно было постирать, подсушить и погладить одежду. Алексей поспешил воспользоваться этими удобствами, как бы пытаясь стереть из своей жизни всё случившееся и вернуть время назад: постирал окровавленную рубашку, на сколько это оказалось возможным, повесил ее сушить, и даже пришил лацкан

кармашка. То же сделал и с брюками, затем еще влажные, погладил их, подождал до высыхания, и в свежей одежде вышел на улицу в магазин. Купил водку – какую-то «Кремлевскую...», которую раньше никогда не пробовал, потому, что вообще водку не любил. Все его действия продолжали проходить на автомате. Произошедшее в аэропорту пока еще не находило в сознании своего определения. Оно придет позже. Вернувшись в свою гостиничную комнату, Алексей налил водку в стакан и включил телевизор. Там шла реклама: «Кремлевская де Люкс – закаляет характер». Под эту рекламу Алексей залпом и выпил свою «Кремлевскую...».

Завтра его ждал сложный рабочий день.

- До сих пор мне не понятно, почему бандиты отступили. Может быть, их напугал список сотрудников администрации с их координатами во главе с мэром, которых я должен был, якобы, посетить и мог рассказать о положении в аэропорту? Или что-то еще... Навряд ли... Навряд ли их остановило и мое сопротивление. Но, что было - то было, - проговорил напоследок Алексей. Вглядываясь в название ресторана, он отхлебнул ресторанного краснодарского пива.

– Видимо, Бог миловал.

Я с напряжением и волнением слушала Алексея. Как много людей попадало тогда в ловушки проходимцев и бандитов. И у меня самой в памяти всплывали остросюжетные картинки 90-х.

- Давай лучше поговорим о чем-то более приятном, - предложил Алексей. Он решил сменить тему разговора, чтобы успокоить меня и вернуть нам обоим хорошее настроение.

Лесана Зеленовская

Семнадцатая руна Арахны

- Ну хватит! Нора, мне надоела твоя игра в таинственность! Объясни, наконец, куда и зачем мы едем на ночь глядя?

Нора посмотрела в зеркало заднего вида, неспешно поправила у виска короткий завиток своих огненно-рыжих волос и хитро глянула на спутника:

- Серж, ну не будь букой! Это сюрприз!

Машину сильно потрянуло. Нора крепко сжала руль и переключила внимание на дорогу.

Серж скривился, будто услышал в свой адрес оскорбление:

- Я сколько раз просил не называть меня так! Что за глупая манера давать всем имена на иностранный манер и требовать такого же отношения к себе? Почему твоё законное имя – Елена – табуировано, словно имя полинезийского короля?

- Папочка сердится, - хихикнула Нора. – Ты такой милый, когда не в духе!

Серж побагровел:

- И что за мерзкое название ты мне придумала: папочка?! Я старше тебя всего на восемь, а не на двадцать лет, а это значит, что как бы я ни старался, но родить тебя всё равно не смог бы!!!

- Елена, Сергей... - пробурчала Нора, не отрываясь от дороги. – Это скучно, как всю жизнь проходить с одним цветом волос. То ли дело: Елена – Элеонора – Нора, Сергей – Серж... Звучит!

- Не звучит! – огрызнулся Серж.

- Ну пусечка, ну какой же ты Сергей? Это имя идёт тебе так же, как прозвище «старый подросток». Ты солидный, но юный в душе мужчина, занимаешь серьёзную должность, имеешь статус, звания, умеешь себя подать. Только человек с отличной фигурой и безупречным вкусом может в пятьдесят пять лет позволить себе иметь в гардеробе кожаные брюки и рваные джинсы и носить их так, что завидуют даже студенты. А твоя золотая серьга? Именно на неё ты меня и поймал при первой нашей встрече в приёмной моего проектного бюро. Ты же просто икона стиля! И какой ты после этого Сергей? Нет! Ты – Серж и только Серж! – победно закончила Нора.

Серж довольно хмыкнул. Выражение его лица смягчилось, даже в какой-то момент стало удовлетворённым, затем снова посуровело.

- И всё-таки, куда ты меня везёшь?

- Ладно, - смиростивилась Нора. – Мы едем к Аннет.

- Это... эта? – поинтересовался Серж и пальцем очертил круг над головой.

- Я не знаю, кого ты имеешь в виду, и к чему здесь нимб. Речь идёт о моей давней, ещё со школы, подруге.

- Так это школьная... - задумчиво ответил Серж.

Он помолчал несколько секунд, глядя на дорогу, и живо повернулся к Норе:

- За три года нашей с тобой совместной жизни вы виделись с ней всего один раз и то случайно. Что за блажь вдруг пришла вам в головы с размахом отмечать сомнительное событие в ночь с 31 октября на 1 ноября? А ведь я с ней даже не знаком. Кто она такая? И каково человеческое имя этой девушки... женщины?

- Анна её зовут, - недовольно отозвалась Нора.

Она сжала губы, собираясь с мыслями, потом вздохнула и продолжила:

- В школе мы были лучшими подругами. После десятого класса решили вместе поступать на физтех, Аннет поступила, а я с громким фейерверком провалила первый же экзамен. Но на нашу дружбу это не повлияло. Нас даже угораздило вдвоём влюбиться в одного парня: Змея, однокурсника Аннет. Так и ходили везде троём – и в кино, и в кафе... Потом Змею это надоело, и наше странное трио распалось. Аннет ещё долго сохла по Змею, но тот почти сразу после расставания встретил на дискотеке какую-то дуру и неожиданно скоростижно женился, не иначе как по залёту. Сейчас он директор крутого автохолдинга и по совместительству байкер, недавно купил себе Харлей. А дура его (я, кстати, ни разу её не видела, и слава богу) родила ему троих детей и благополучно сидит дома, нигде не работает. Так и видится мне неряшливая толстуха с засаленными волосами, вытирающая жирные руки о вылинявший бесформенный халат с отвисшим подолом...

Серж отнял её правую руку от руля, поцеловал и вернул на место:

- Нора, ты неподражаема! Но давай ближе к Анне.

- А я о ком? – возмутилась Нора. – После универа мы с ней стали видеться реже, чаще перезванивались. Аннет вышла замуж, через год развелась, через три стала заведовать лабораторией. Сейчас она возглавляет НИИ, и мы общаемся настолько редко, что быстрее узнаём информацию друг о друге от посторонних людей. Говорят, что год назад

Аннет получила большое наследство: несколько сотен тысяч долларов и большой загородный особняк. И будто бы после этого её стало совсем не узнать. Она помешалась на оккультизме и мистике и даже изменилась внешне. И это та пай-девочка, которая в детстве даже пиковую даму не вызывала, потому что не верила в неё! Человек, закончивший физтех с красным дипломом, из всех богов признающий только науку! Что, интересно, могло случиться? А неделю назад она позвонила мне, сказала, что только что вернулась из Греции и предложила отметить вместе Хеллоуин. И ещё говорила о какой-то безумно редкой и дорогой штуке, которую она отыскивала в Греции, и что нам тоже будет интересно на неё взглянуть.

- Кхм, - откашлялся Серж. – Начинает смеркаться, а мы, следуя логике твоего рассказа, уже полтора часа добираемся до того самого наследственного загородного особняка. За каким городом он находится?

- За нашим, - неохотно ответила Нора и кивнула на дорожный указатель с названием населённого пункта: - Деревня Заболотье.

- Сюрприз так сюрприз, - пробурчал Серж, когда они подъехали к окраине деревни. – Надо понимать, что эта мрачная готическая трёхэтажная постройка с башнями-бойницами и есть искомый особняк.

- Ты ещё скажи: что и требовалось доказать, - съязвила Нора и тут же оживилась: - Смотри, ворота открываются! Нас здесь ждут! Только почему-то никого не видно...

Они въехали во двор и остановились. Ворота бесшумно закрылись.

- Серж, ты что-нибудь понимаешь? – спросила Нора.

- Моя прелесть, что тут понимать? Прямо перед нами открыт гараж. Это же очевидно, что нужно заехать туда!

- Точно! – воскликнула Нора и тряхнула головой: - Вперёд!

Как только машина начала заезжать, в гараже включился яркий свет.

- Ничего себе! – удивилась Нора. – И Змей здесь! Смотри, это его Харлей!

- Занятно, - мрачно отреагировал Серж.

Нора припарковалась и заглушила двигатель.

- Странно, что нас никто не встречает, - оглядываясь, задумчиво сказала она. – Давай выйдем, посмотримся.

Они вышли из машины.

- Тишина, отсутствие людей и полностью бесшумные механизмы, - глядя, как суживается полоса дневного света между стеной гаража и закрывающимися воротами, констатировал Серж. – Сейчас перед нами

вспыхнет монитор, и жестокий маньяк зловеще прохрипит из динамиков...

- Добрый вечер! – вдруг раздался в гараже женский голос, немного искажённый устройством громкоговорителя.

- А-а-а!!! Серж, что это? Кто это?! – завизжала Нора.

- Прости дорогая, что напугала. Это Анна.

Голос был мягкий и мелодичный, и маньяку принадлежать явно не мог.

- Анна, - выдохнула Нора. – Аннет, ты...

Нора хотела сказать какую-нибудь длинную резкость, но чувство опасности притупилось, и она лишь спросила:

- Ты откуда звучишь?

Гараж наполнился переливами весёлого смеха.

- Это селектор, - успокоившись, ответила Анна. – Извините, что не встретила лично. Справа от вас есть дверь. Берите свои вещи и поднимайтесь по лестнице, она ведёт прямо в холл. Горничную я отпустила, но думаю, вы и без неё отлично справитесь.

- Шутница, - шёпотом посетовала Нора. – Тоже мне, старушка-веселушка!

- Интересный дом! - поднимаясь по ступенькам, заметил Серж. – Он одновременно новый и не новый. Наверное, недавно что-то перестраивали.

В ответ Нора сделала большие глаза:

- Сейчас окажется, что дверь наверху заперта, и та, которая внизу, тоже бесшумно защёлкнулась. Вот тогда у нас будет очень много времени на выдвижение всевозможных версий.

Но дверь наверху гостеприимно распахнулась, и на пороге, окружённая золотистым светом, показалась Анна.

- Привет, хозяйка поместья! – радостно крикнула Нора.

- Здравствуй, огнекудрая бестия! – весело ответила Анна.

Женщины обнялись и обменялись дружеским поцелуем. Анна повернулась к Сержу.

- Доброго вечера. Размышляющий Над Неравенством Гёльдера, - отрекомендовался он и почувствовал тычок в спину.

- Это Серж, мой муж, - вступилась Нора и набросилась на него: - Ты что несёшь?

- А что? – слабо запротестовал Серж. – Я думал, что у вас приняты индейские имена...

- Серж шутит, - перебила его Нора. – Он у меня профессор математических наук и иногда выражается так, что я сама его не

понимаю. Да что там я! У него три аспиранта из-за какого-то анализа сошли с ума и теперь лежат в психушке!

В глазах Анны отразилось удивление и непонимание.

- Тензорный, моя прелесть, - сквозь зубы процедил Серж и протянул Анне руку.

- Что – «тензорный»? – переспросила Нора.

- Анализ не какой-то, а тензорный, и это не жидкость в баночке, а научная дисциплина, - ответил Серж, не глядя на неё. – Позвольте вашу ручку, Анна!

Анна протянула Сержу руку, и он галантно поцеловал её:

- Меня зовут Сергей. Очень приятно с вами познакомиться!

Анна улыбнулась:

- И мне! Сейчас я покажу вашу комнату, затем пройдем в гостиную и вместе с остальными гостями приступим к ужину. – И она повернулась, приглашая идти за собой.

- Подруга, а ты очень изменилась, - заметила Нора, следуя за Анной по коридору. – Похудела, помолодела, такая загадочная дама стала! Тебе очень идёт!

Анна обернулась и улыбнулась одними губами:

- Благодарю.

И действительно, стройная, с короткими светлыми волосами и чистой белой кожей, она была похожа на изящную фарфоровую статуэтку балерины. Но белизна кожи и хрупкость фигуры, подчеркнутые длинным чёрным платьем-футляром, были больше болезненными, чем аристократичными, а зелёные глаза смотрели настороженно, скрывая в своей глубине горячий блеск.

Анна распахнула перед супругами одну из дверей:

- Располагайтесь! В гостиной тепло, поэтому верхнюю одежду можете снимать. Телефоны тоже с собой не берите. А если вам нужно привести себя в порядок, то я зайду позже.

- Нет-нет! - запротестовала Нора. – Мы только оставим вещи... Ничего себе! Вот это хоромы! Что, даже есть отдельные ванная и туалет?! Обалдеть!

- Да, - ответила Анна в дверях. – Это гостевые комнаты. А мои апартаменты на третьем этаже.

- Ну ты даешь! – выходя из комнаты, прошептала Нора. – Каким образом у тебя такое счастье оказалось? От любовника, что ли?

Анна грустно улыбнулась:

- Счастье – понятие относительное. Дом огромный, требует много затрат на своё содержание. Скорее всего, его придётся продать.

- Зачем же продавать? – шёпотом возразила Нора. – Говорят, тебе и денег немало досталось. Их хватит и тебе и твоим... - Нора хотела сказать «детям», но вспомнив, что у Анны нет детей, быстро исправилась: - В общем, на две жизни тебе хватит!

- Не хватит, - отрезала Анна. – Этих денег уже нет. Я всё истратила в Греции. А наследство это - моего дяди. Он ещё в девяностые цеховиком начинал.

- Девочки, я готов! – объявил Серж, появляясь на пороге.

Анна кивнула:

- Отлично! Теперь идём праздновать! – И она, стуча каблуками, быстро пошла по коридору.

Нора несколько секунд постояла в замешательстве, затем быстро догнала Анну.

- Аннет, почему ты выбрала для праздничного ужина такой странный повод: американский Хеллоуин? – настороженно спросила она.

- Праздник – это громко сказано, - мягко ответила Анна. – Просто очень захотелось собрать всех, кто мне действительно дорог. Кроме того, вас ждёт сюрприз. Хочу устроить сегодня небольшое представление. Ты знаешь, я раньше не признавала мистику. Но со временем оказалось, что и в паранормальном тоже есть определённый смысл.

Поражённая внезапной догадкой, Нора остановилась и вцепилась в локоть Анны.

- Послушай, - зашептала она, - ты ведь была в Греции. Там же море, солнце... Ты была там целый месяц, но на тебе не видно ни единого пятнышка загара...

Анна с каменным лицом освободилась от рук Норы:

- Я не была на море. Я проводила время в архивах и библиотеках, встречалась с людьми, ведущими больше ночной образ жизни. Плод моих стараний вы сегодня и увидите. И давай больше не будем об этом. А то сюрприза не получится... Ну вот, теперь мы все собрались! – торжественно объявила она, распахивая двери в гостиную.

Увидев сидящих на диване людей, Нора всплеснула руками.

- Ба! Кого я вижу! – радостно воскликнула она. – Змей! Собственной персоной! Сколько лет, сколько зим!

С дивана поднялся высокий плотный мужчина в чёрных кожаных брюках и такой же жилетке с заклёпками, надетой на толстовку с капюшоном и надписью «Sepultura».

- Привет, красотка! – ответил он. - Я вижу, время над тобой не властно. Всё такая же двадцатилетняя девчонка, попрыгунья-стрекоза!

Только когда мы виделись с тобой в последний раз, ты была жгучей брюнеткой.

- А, помнишь, Змей! – с удовольствием отметила Нора. – Познакомься, это мой муж Серж. Серж, это Алекс.

Серж протянул Змею руку:

- Сергей.

Змей схватил его руку своей огромной ручищей и энергично затряс её:

- Александр.

Серж вопросительно посмотрел на Нору:

- Душа моя, ты что-то путаешь. Алекс – это Алексей, а не Александр.

Нора нервно тряхнула головой:

- Какая разница? И что же, мне его теперь называть Искандер Двурогий?

У Змея от удивления вытянулось лицо.

- Чего? – угрожающе спросил он.

Нора поняла двусмысленность сказанного ею и весело рассмеялась.

- Я имела в виду Александра Македонского, - оправдываясь, ответила она и повернулась к мужу: - Так что это ты всё путаешь. Алекс он, и всё!

- Я же говорю: ты – неисправима! – смеясь, сказал Змей. – Кстати, познакомьтесь - моя супруга Галина.

Он поискал глазами жену, но той на диване не оказалось. За время разговора она подошла и молча стала рядом со Змеем.

Нора скептически оглядела её. Невысокая толстушка, как и предполагалось, жиденькие каштановые волосы до плеч, джинсы в обтяжку, розовый свитерок с горлом...

- Здравствуйте, - свысока заговорила Нора. – Это Серж, я – Нора. А вас я буду звать... Галина, Галина... Вас я буду звать Лина!

Новоиспечённая Лина удивлённо посмотрела на Нору и пожала плечами.

- Как хотите, - сухо ответила она.

- Дорогие мои девочки и мальчики! – позвала Анна. – Прошу всех к столу! Для начала выпьем по аперитиву за знакомство, а потом начнём основную часть праздника с обильной едой, возлияниями и развлечениями. Предлагаю ознакомиться с ассортиментом напитков в баре и выбрать, что кому нравится. Итак, начнём!

- Ай! – вскрикнула Нора. – Какой очаровательный фонарь из тыквы у тебя на барной стойке! А какой стол! Аннет, ты хотя бы предупредила, мы бы скинулись... Такие яства! Аж неудобно стало...

Анна улыбнулась:

- Ну что ты! Это же просто тематическая вечеринка для друзей. Могу я хоть раз в жизни безвозмездно сделать что-то приятное для дорогих мне людей?

- Вот уж приятное, так приятное... - смущённо пробормотала Нора, садясь за стол.

Ужин сопровождала весёлая и непринуждённая беседа о всяких мелочах. Лишь Нора то и дело бросала на Лину неодобрительные взгляды.

- А скажите, Лина, чем вы занимаетесь? – с ехидством в голосе спросила она во время десерта.

- Я? – растерянно переспросила Лина. - Хозяйством занимаюсь. Детям помогаю. У нас их трое, и у каждого уже свои дети.

Змей оторвался от десерта, обнял жену и громко чмокнул её в щёку.

- Мамочка моя! Хозяюшка! – гордо сказал он.

Нора поморщилась:

- Ну, а кроме репродуктивно-хозяйственных обязанностей у вас в жизни есть какое-нибудь занятие, хобби?

Серж многозначительно наступил ей под столом на ногу, но она не обратила на это никакого внимания.

- Конечно есть! – с готовностью ответила Лина. – Я выращиваю хищные растения.

- Это как? – осведомилась Нора.

Лина улыбнулась светлой, детской улыбкой:

- Коллекционирую. Покупаю, ухаживаю, развожу, продаю. Так, небольшой собственный бизнес. Не особо прибыльный, больше для души.

- И что же они едят у вас? – заинтересованно спросила Нора.

- Мух, комаров, паучков... Хотя большое количество таких растений прокормить трудно. Когда я начала их разводить, в квартире пропали все мухи. Даже летом их к нам не заманишь. Иной раз полчаса гоняешься за мухой, а она возьмёт, да и улетит на улицу. А весь смысл в том, что насекомое должно быть живым. Хищники падаля не едят. Только свеженькое, живое, тёплое...

- Скажите пожалуйста! – удивилась Нора. – Кто бы мог подумать!

Анна постучала ножом по бокалу:

- Друзья, предлагаю грязную посуду со стола переставить на барную стойку, а самим попробовать силы в интереснейшей игре. Поскольку мы все хотим узнать друг о друге больше, давайте поиграем в свечу.

- Я не знаю, что это такое, - пробасил Змей.

Анна кивнула:

- Я объясню.

Когда посуда была убрана, Анна поставила на стол поднос с пятью стеклянными подсвечниками-стаканами.

- Всё очень просто, - сказала она. — Зажигаем свечи, выключаем свет. По очереди каждый берёт свечу, рассказывает историю, в конце свою свечу тушит. И так до последнего. А поскольку сегодня Хеллоуин, то история должна быть страшной. Играем?

В гостиной воцарилось молчание.

- Неожиданно, - изрёк Серж.

- А почему бы и нет? — спросила Анна. — Давайте ненадолго перенесёмся лет на сорок назад. Только повествование о том, как вас в детстве укусила оса — не пойдёт.

- А я в детстве и пчёл, и ос называл одним словом — плиса, - вдруг сказал Змей.

- А я в детстве говорил вместо «пакет» - капет, а вместо «бигуди» - губиди, - озорно поддержал Серж.

- А у нас во дворе под камнями жили большие мокрицы, и я называла их скудряцами, - оживилась Нора. — А ещё трубочки для коктейля называла пыпынами, а мамины украшения - пентулками.

- Стоп, стоп, стоп, друзья! — запротестовала Анна. — Всё это очень мило, но смешно. А должно быть наоборот. Разве с вами или вашими знакомыми никогда не происходили никакие страшные происшествия? Вы нигде подобных историй не слышали, и вам в жизни не снились кошмары? Если не хочется говорить о себе, можно рассказывать от третьего лица и начать примерно так: «Одна моя подруга, друг...»

- Кхм, - подал голос Серж. — Понимаете, Анна, мы уже в таком возрасте, когда всё страшное позади. Мы — прагматики и материалисты. В городские легенды никто не верит, сказки о чёрных шторах и однофаром грузовике перестали впечатлять в подростковом возрасте, а при слове «вампир» или «оборотень» даже становится смешно.

Анна усмехнулась:

- Позади, говорите? Смешно?.. Хорошо. Давайте для начала создадим соответствующую атмосферу, а там будет видно.

Каминными спичками, одну за другой, Анна зажгла все свечи на подносе. Затем взяла пульт, нажала кнопку, и гостиная осталась без электрического света.

Тьма из всех углов начала подкрадываться к сидящим за столом, делая неузнаваемой и враждебной тёплую и уютную донине комнату. Милый фонарь из тыквы превратился в зловеще оскаленную, безобразную отрубленную голову, а пламя в красных подсвечниках металось, как отчаянно бьющиеся сердца, оживляя странные рисунки на стенках стаканов и раскрашивая лица присутствующих в грозные багровые цвета.

Заворожённые неожиданным зрелищем гости смотрели на поднос со свечами, на загадочную игру света и трепещущих теней, и каждому не было уже так весело, как всего пару минут назад. Они казались кучкой первобытных людей, которых некая опасность собрала в странном месте, представляющем на самом деле ещё большую опасность, чем пространство снаружи.

- Bravo, Аннет! – нарушила молчание Нора. – Уговорила. Только может, ты первая начнёшь?

В глазах Анны появился лихорадочный блеск.

- Нет, - неестественным, ставшим вдруг низким голосом сказала Анна. – Моя история будет в самом конце.

- Давайте я начну, - неожиданно предложила Лина.

Она потянулась к подносу и взяла свечу.

Потревоженное пламя, словно насмерть перепуганная птица в клетке, запорхало в подсвечнике. Все посмотрели на пальцы Лины. Окутанные ореолом просвечивающегося сквозь стекло огня, они казались сочащимися кровью. Чудилось, что кровь, обагрив собой девственно-белую скатерть, вот-вот закапает с них.

Лина поднесла свечу к себе, и её лицо ярким жёлтым пятном проявилось в полумраке комнаты.

- Это было давно, ещё в детстве, - негромко заговорила она. – Наша семья жила в небольшом городе в предгорьях Кавказа. Мне было двенадцать лет, а брату десять, когда наши родители решили купить собственный дом. Они очень долго искали подходящий вариант и наконец нашли один, но очень странный. Дом удивлял своей низкой ценой и одиноко стоял на отшибе рядом с железной дорогой. Раньше на том месте находилось кладбище, за которым хоронили самоубийц, ведьм и колдунов. Но родители на это не обратили никакого внимания. Они были партийные, а КПСС ведьм и колдунов уже давно с позором

вывела на чистую воду. И их не смутило даже то, что за год у этого дома сменились три владельца...

Первый день в новом доме прошёл спокойно. А потом началось непонятное. Несмотря на отсутствие сквозняков, сами по себе стали открываться и захлопываться двери и окна. Иногда чувствовалось зловоние, хотя мусор мы выносили каждый день и намеренно воздух никто из нас не портил. Затем стали слышаться шаги, лёгкие и тяжёлые, подскакивающие и шаркающие. Одновременно скрипели половицы и иногда даже прогибались, словно под чьим-то весом...

Было время летних каникул, поэтому мы с братом находились дома, в то время как родители работали. Происходящего днём они не видели и не слышали, по вечерам у нас и так было шумно, а ночью они крепко спали. Рассказывать им мы не хотели, зная, что всё будет списано на нашу буйную детскую фантазию. Но потом к нам начали приходить гости...

Мы с братом играли в прятки. Я никак не могла найти его, как вдруг он сам вбежал в комнату вне себя от ужаса и закричал: «Там... она!!! Я видел её!!!» Оказалось, что сначала он прятался в шкафу у родителей, а потом решил перепрятаться в кладовку, включил там свет и увидел... невысокую бабу, которая рылась в сундуке с инструментами. Брат спросил, что она тут делает. В ответ бабка взяла из сундука топор, повернулась к нему, размахнулась и... не перебирая ногами, над полом полетела к нему...

Брат был большим выдумщиком, и я подумала, что он решил меня разыграть, тем более что в кладовке никого не оказалось, лишь у порога валялся папин топор.

На следующий день мы сидели в зале на диване и играли в лото. Вдруг слышались шаркающие шаги. Дверь медленно открылась, и в зал вошла... старушка. Маленькая такая, всего около метра ростом, сгорбленная, в клетчатом платке и коричневой ватной телогрейке. Она была настоящая, реальная, только лицо у неё было отталкивающе восковым. Мы затаили дыхание. В какой-то момент я чуть не закричала, но брат предупреждающе сжал мою руку. Старушка, не обращая на нас никакого внимания, шаркающей походкой прошла через весь зал и растворилась в стене...

Вечером перед приходом родителей из коридора донёсся весёлый детский смех. Мы выглянули в коридор и обомлели: там, катая перед собой колесо на палке, резвился маленький мальчик с чёрной дырой вместо левого глаза...

Когда родители вернулись, мы, захлёбываясь рыданиями, на коленях стали умолять их быстрее отсюда уйти. Родители выслушали нас, успокоили, как могли, и пообещали в ближайшее время что-нибудь с этим сделать, а для начала завтра утром отвезти нас к бабушке.

В тот же вечер мама решила перед сном принять душ. Она зашла в ванную, и вскоре оттуда послышался её страшный крик. Папа бросился на помощь, но дверь в ванную оказалась заперта. Пока он бегал за топором, мама всё кричала, а за закрытой дверью раздавались звуки ударов и падений каких-то предметов...

Когда папа взломал дверь, мама стояла с бледным осунувшимся лицом, прижавшись к стене. В ванной царил страшный беспорядок. Казалось, что там прошёл ураган.

Мама сказала нам, что она поскользнулась и упала, зацепившись за полочку с туалетными принадлежностями, но мы подслушали, что она рассказала потом папе.

Когда она вошла в ванную, из душа лилась вода, и сама ванна была скрыта за задёрнутой занавеской. Мама подошла и отдернула занавеску. Под душем спиной к ней стоял... голый мужик. Мужик повернулся к ней и обнажил в улыбке гнилые чёрные зубы. Мама закричала и в то же мгновение услышала сзади щелчок закрываемого шпингалета. Она бросилась к двери, но шпингалет не поддавался. Она заколотила руками по двери, и тут же в неё полетели зубные щётки, флаконы, тюбики...

Уже в эту ночь мы все спали у бабушки, а наутро родители взяли отгул, заказали машину и бригаду грузчиков и за день вывезли все вещи из проклятого дома. Продержались мы в этой сумеречной зоне почти две недели...

Лина замолчала.

- Это правда? – дрожащим голосом спросила Нора.

- К сожалению да, - ответила Лина. - С тех пор родители со всеми подробностями узнавали историю того места, где собирались поселиться даже временно. Но проколы всё равно случались.

Мы с братом были уже постарше, когда родители решили поехать к родственникам папы в Крым. Жили те недалеко от моря, в живописном посёлке, окружённом горами и лесом. Дом их стоял в самом конце посёлка, прямо на берегу речки, за которой начинался лес. Нас сразу предупредили, чтобы ни в лес, ни в горы самостоятельно мы не ходили. Будто бы у них в этом сезоне посещение лесов запрещено из-за высокой пожароопасности, и лесники штрафуют всех нарушающих запрет. Но нас интересовало только море, поэтому предупреждение было выслушано и тут же забыто.

В один тёплый вечер мы вчетвером возвращались из кафе. На небе светила полная луна, и все шли в отличном настроении, распевая весёлые песни. Оставалось пройти всего два дома, как вдруг на соседском заборе мы увидели сидящую неподвижно небольшую сгорбленную фигуру. Все замолчали и замедлили шаг. Отчего-то стало очень страшно. Когда мы поровнялись с забором, фигура зашевелилась и стала выпрямляться...

Я не знаю, что это было за существо. Оно было похоже на обезьяну: коротконогое, длиннотелое, с длинными толстыми руками и короткой шеей. Существо пробормотало что-то невразумительное и бесшумно спрыгнуло к соседу во двор...

Дома наш испуг заметили и поинтересовались причиной. Мы рассказали всё как есть. Папины родственники заговорщически переглянулись и сообщили настоящую причину табу на посещение гор и лесов. Оказывается, у них этим летом объявился... йети. Его видели несколько раз люди, в правдивости слов которых можно не сомневаться. Йети этот никому ничего плохого не сделал, но, как говорится, бережёного бог бережёт. А тут, видимо, решил почему-то в посёлок прийти.

В общем, я не знаю, правда это или нет, но у соседа и у нас всю ту ночь напролёт выли собаки...

- А сосед не пьяница, случайно? – поинтересовался Серж. – Может, где лишнего хватил, и по этому поводу жена домой не пускала. Вот и решил через забор махнуть, да на самом верху немного уснул, а вы его разбудили.

Лина покачала головой:

- Вряд ли. Сосед рослый и статный, супруга у него стройная, как модель, да и дети – копия родителей... А знаете, у меня ещё случай был похожий. Я была в десятом классе, шла после школы домой через парк. И вдруг вижу: по аллее навстречу мне идёт... что-то. Да, именно что-то, потому что мужчина это или женщина – сказать было нельзя. Оно было очень высокое, крупное и... квадратное. Квадратной была голова с зеленоватыми волосами, квадратными были тёмные очки на всё лицо. Квадратным было безрукое туловище, на плечах которого видело странное покрывало типа пончо. Квадратными были даже ноги в чёрных брюках и ботинки с квадратными каблуками.

Квадратное что-то передвигалось по аллее, и я с ужасом понимала, что оно не шагает, а именно плывёт. Когда оно подплывало ко мне, я опустила голову, боясь на него посмотреть, но мне показалось, что глаза за тёмными стёклами сверкнули яркой вспышкой, и неестественно тонкая нить губ растянулась в презрительной усмешке...

Я до сих пор уверена, что в тот день судьба организовала мне встречу с собственной Смертью.

Лина склонилась над подсвечником и, сильно дунув, погасила пламя.

- Описанные вами формы скорее нужно отнести к параллелепипеду, поскольку это пространственное тело... - начал Серж.

- Ах ты, хитрюшка! – перебил его Змей, обращаясь к Лине. – Мы с тобой столько прожили, а ты ни разу не рассказывала о таких занимательных событиях!

- Берегла для этого случая, - отозвалась из темноты Лина.

- Хорошо, - сказал Змей и потянулся к подносу. – Тогда я следующий. Когда мне было пятнадцать, я отдыхал у бабушки с дедом в деревне. И жил в той деревне парень Андрей. В детстве и отрочестве он был забавным пухляшом, но в семнадцать лет сильно изменился: похудел, возмужал и стал хулиганить. Хулиганство его выражалось в непослушании родителям. Естественно, бабушка и дед строго-настрого запретили мне с ним не то, что дружить, даже просто разговаривать на улице. На мой вопрос «Почему?» был дан краткий и страшный ответ: «Он – сатанист». Лучше бы они сказали, что у него проказа или сифилис, потому что после такого ответа меня лишь сильнее потянуло к нему. Это же так интересно и по-подростковому круто: сатана, оргии с девственницами, жертвы, кровь...

Вскоре случай свёл нас вместе в одной компании, и я первый начал разговор: «Я слышал, что у тебя вера какая-то интересная?» «Да, - с достоинством ответил Андрей. – Мы поклоняемся Люциферу – Утренней Звезде. Наш Хозяин – падший ангел, падением своим бросивший вызов тирании и стадности и обозначивший эру освобождения человека, как личности...»

Он стоял против солнца, и закатные лучи освещали его лицо. Андрей говорил, а я с ужасом смотрел в его глаза и практически ничего не понимал из сказанного: по странному совпадению его зрачки из серых стали красными. Да-да! Это были настоящие красные, горящие двумя углями глаза, как на ночных фотографиях! В какой-то миг мне показалось, что со мной говорит сам Люцифер, и я поспешил ретироваться. С того дня до самого отъезда я стал его избегать.

А через три года я снова приехал в деревню. Идём мы с бабушкой по улице, а навстречу Андрюха. Такой весь серьёзный, деловой, крест на шее. Вежливо поздоровался с бабушкой, мне руку подал... Бабушка ему с лёгким поклоном: «Здравствуй, Андрюшенька!»...

«Что случилось? – спрашиваю. – Он же сатанистом был!» «Был, – говорит бабушка. – Был, на шабаши ходил, всю свою комнату перевёрнутыми крестами изрисовал. Да пришло ему время в армию идти. Вот тут-то и посыпались на его семью горе за бедой, как пшено из дырявого мешка. Сначала умер отец. За два месяца ушёл из-за какой-то неизвестной докторам болячки. А уж как мучился, бедолажный!.. Потом брат в сарае сгорел заживо. Никто не знает, от чего начался пожар, и почему заклинило входную дверь... Потом и сестрёнки не стало. Из города вечером добиралась на попутках, а на утро её изуродованное тело нашли в придорожной канаве... А следом и на живность домашнюю мор напал... Вернулся Андрей из армии, а дом пустой, лишь мать за столом сидит, лицом чернее земли от горя... Говорят, как он рыдал и просил у неё прощения, вся улица слышала. Тут же вынес на пустырь всё, что от прежнего увлечения оставалось, и там закопал. Вечером пришли дружки его, а он взял ружьё отцовское, да под ноги им выстрелил. «Убирайтесь, – говорит, – и чтоб духу вашего возле дома моего не было!» А утром пошёл в храм, привёл отца Феодосия и попросил освятить дом. Отец Феодосий после того освящения еле живой вышел. Помощница его, Ксения, рассказывала, что во время службы как будто вой слышался повсюду. А как пошёл батюшка святой водой окроплять, так все лампы повзрывались и зеркала потрескались. Теперь вот служит Андрей при храме нашем, хочет в духовную семинарию поступать, когда отец Феодосий благословит»...

Змей умолк.

- Очень поучительная история, - многозначительно сказала Анна.

- А ты ведь тоже не рассказывал, что такой страх видел! – пожурела мужа Лина.

- Это ещё не страх! – с готовностью отозвался Змей. – Страх был гораздо позже, после того, как мне на девятнадцатилетие подарили байк. Это была оранжевая Чезет, и я очень ею гордился. Но характер у неё был отвратительный. При отсутствии всяких неисправностей она иногда начинала вести себя престранным образом: то дёргается, будто это не мотоцикл, а конь, то не слушается скорости или тормоза, то крышка на бензобаке самопроизвольно открутится, то колесо сдуется... В общем, жила своей собственной, не подчиняющейся никаким законам физики, жизнью. Оставлял я её в отцовском гараже. Как-то раз прихожу, вижу: возле моей Чезы кто-то копошится. «Странно, - думаю. – Гараж я только открыл, а когда закрывал, тут никого не было...» Стою я, смотрю и не пойму кто это. Что-то чёрное, то ли мохнатое, то ли полупрозрачное, бесформенное, как гора. Я его окликнул. Что-то повернулось ко мне (это

я понял по тому, что на чёрном фоне мелькнули два жёлтых огонька) и быстро нырнуло в кучу ветоши в углу гаража. Я кинулся в угол, раскидал ветошь, но ничего не нашёл и подумал, что мне привиделось... В тот день у меня отвалилась подножка.

В следующий раз я застал странное существо прыгающим на сиденье. С моим приходом оно сбежало всё в ту же кучу. Байк в этот раз на дороге трясся и скакал так, будто хотел и сам развалиться, и меня убить. Каким-то чудом я тогда вернулся невредимым и на целом мотоцикле.

Уловив устойчивую закономерность между появлением чёрного паршивца и странным поведением Чезы, я разозлился и выбросил кучу тряпья, служившего, судя по всему, гнездом для засранца.

На следующий день мы с ребятами собрались погонять по ночному городу. Я пришёл в гараж вечером. Думаю: «Если встречу вновь этот войлок с глазами, запущу в него чем-нибудь тяжёлым». Но в гараже было пусто. Я обрадовался, решив, что выжил гнусного вредителя, проверил байк и собрался вывести его на улицу, как вдруг в гараже стало холодно, да так, что я вмиг озяб. На дворе стояло жаркое лето, погода была прекрасная, и тем более был странен этот неизвестно откуда взявшийся холод. Я осмотрелся, но ничего подозрительного не заметил, и уже взялся за руль, как позади себя уловил движение. Я хотел повернуть голову, но её словно кто-то сжал ледяными тисками и не дал этого сделать. Энергично подвигав плечами, я попытался сбросить оцепенение, и внезапно над левым ухом услышал свистящий шёпот. Слов разобрать было нельзя, но это точно были слова, какой-то другой язык... Через минуту шёпот прекратился, и меня отпустило. Я повернулся. Передо мной висело чёрное что-то и блестело жёлтыми фонариками глаз. Оно в этот раз не спешило. Переливаясь само в себе, как клубы дыма в колбе, оно некоторое время смотрело на меня, затем издало противный звук, похожий на язвительный смешок, важно подлетело к ящику с инструментами и растворилось в нём...

Я вытер со лба холодный пот. Первым моим желанием было закрыть гараж и уйти домой, но я обещал ребятам...

В ту ночь я родился во второй раз. По встрече ехал длиннющий гружёный КамАЗ, и едва мы поровнялись, мою левую руку свела судорога. Пальцы вцепились в рукоять, мышцы руки больно сократились и начали выворачивать руль, направляя Чезу прямо под колёса длинномера...

Байк так и остался лежать на обочине, а я, когда вышел из больницы, попросил отца дать объявление о немедленной продаже гаража. И почему-то отец даже не потребовал объяснений...

Это был последний раз, когда я видел необъяснимое. И если бы этого не произошло, то я, как человек с техническим образованием, наверное, посмеялся бы над каждым, кто в моём присутствии осмелился рассказать подобную чушь. Но я сам видел и чувствовал.

После этого случая я стал понимать людей, которые видят нечто подобное, стал понимать, как порой тяжело и страшно им бывает. Хотя это не факт. Сестра моей знакомой видит призраков. Видела она их не всегда. Этот дар (или проклятие) открылся у неё после смерти её отца. Она говорила, где видела его: вот отец прошёл через комнату, вот сел на свой любимый стул на кухне, вот он сидит, смотрит на всех и улыбается... Знакомая говорила, что в это время действительно слышался и звук шагов, и скрип стула...

А потом у них умер дядя. Похоронили в самом конце кладбища, а когда пришли на сороковой день, место не узнали из-за того, что слишком много людей было похоронено за это время. «Стоим мы на дорожке, - рассказывала знакомая, - и не знаем, куда идти дальше. И вдруг Олька говорит: «Туда пошли!» и показывает куда-то в гущу могил. «Куда?» - спрашиваю. «Да вон же он стоит, рукой машет, зовёт нас!» Подходим, смотрим, и действительно – его могила».

А в другой раз они на кладбище встретили тётеньку, которая пришла поухаживать за могилой родственницы. Так эта Оля посмотрела, как тётенька возится возле могилы, и говорит моей знакомой: «Скажи этой женщине, что Антонина очень расстроена тем, что ей каждый раз приносят искусственные цветы. Пусть в следующий раз она принесёт цветы живые»... Вот так. Но ей не страшно, когда она видит призраков. Вряд ли она дружит с ними, но, по крайней мере, они её не пугают и не вредят ей.

Змей погасил свою свечу.

- А я никогда ничего такого не видела, - продолжила Нора, забирая мерцающий подсвечник. – Не видела, но слышала и даже ощущала. После смерти папы я целый год не могла спокойно спать, потому что он приходил по ночам. Его шаги я узнала бы из миллиона других. При жизни ходил он всегда бесшумно, как крадущийся зверь, и его передвижения по квартире выдавал лишь звук открываемых или закрываемых дверей да скрип паркета. Ничего не изменилось и после его смерти. Сначала я слышала двери, потом паркет...

Затаив дыхание, я зарывалась с головой в одеяло и отслеживала его путь: вот он вошёл в мою комнату, вот обходит диван, вот остановился возле меня и стоит, переминаясь с ноги на ногу... Может, он хотел что-то сообщить, но при этих звуках меня всегда сковывал такой страх, что я боялась даже приподнять край одеяла и увидеть то, что может навсегда лишить меня разума. Так он стоял некоторое время, затем не спеша уходил, и паркет скрипел ещё печальнее, а дверные пружины пели ещё жалобнее, словно горевали о каком-то большом и невыполненном деле... А ровно через год всё прекратилось. Теперь он приходит ко мне только во снах перед переменной погоды. – Нора выдержала паузу: – Был у меня ещё один контакт с усопшим, вернее, усопшей. Это случилось, когда я стала жить со своим вторым мужем. Сначала мы ютились у его родителей, а потом умерла соседка – одинокая бабулька, за которой он присматривал в обмен на завещание квартиры. Похоронили мы её, и где-то день на четвёртый или пятый, когда муж ушёл на работу в ночную смену, у меня с его родителями произошёл конфликт. Они меня всегда откровенно недолюбливали, и я отвечала им взаимностью, а тут они придрались к тому, что я жарю картошку с чесноком, чем и воняю на весь подъезд. Я разозлилась, бросила картошку, схватила ключи и ушла в новую квартиру.

Есть поверье, что в пустой дом, где умер человек, нельзя переезжать до истечения сорока дней, но у меня было почти безвыходное положение. Я покружила по квартире, порассматривала старушкины вещички, почитала её девичий дневничок, написанный чернилами, потом застелила свежими простынями диван, на котором она умерла, и легла спать.

Среди ночи меня разбудил сильный толчок. Я сначала не поняла, откуда он исходит, но толчок повторился. Он шёл... из дивана. Я подумала, что, возможно, это шалят пружины, включила свет и ощупала весь диван. Всё было нормально. Я заглянула внутрь и тоже не обнаружила ничего подозрительного. Страху никакого у меня не было, поэтому я снова легла, немного поворочалась и уснула.

Меня разбудил утром вернувшийся со смены муж, и я ни словом не обмолвилась о ночном происшествии, лишь объяснила причину своего бегства из его родительских пенат и сказала, что больше туда не вернусь. Времена тогда были тяжёлые, муж неделями работал по ночам, отсыпаясь днём, и вечером он снова ушёл на смену. Ночью толчки повторились, но уже сильнее и болезненнее. Тут я поняла, что это старуха меня выживает. Пытаясь договориться, я спросила, что ей нужно, но в ответ последовал очередной толчок.

Удивительно, но явления эти меня не пугали, а всего лишь раздражали. Так продолжалось целую неделю, и с каждой ночью их частота и сила увеличивались.

На седьмую ночь я проснулась от того, что на меня обрушился целый град ударов. Создавалось впечатление, что мы похоронили старушку не на кладбище, а в этом самом диване, а она каким-то чудом пришла в себя и теперь отчаянно пытается выбраться наружу. Диван сотрясаясь от ударов, причём раздавались они по всей его поверхности, а не только в том месте, где лежала я.

Это было уже слишком. Я схватила швабру и стала отчаянно колотить ей по дивану, пытаюсь проучить вконец охамевшего призрака злобной старушечки. Я с наслаждением била и приговаривала: «На тебе! Получи, старая клизма! Не смей меня больше трогать, не то я твой проклятый диван изрежу на куски и сожгу! И квартиру твою сожгу! И могилу твою раскопаю, и кости твои вонючие бродячим собакам выкину!»

Успокоилась я только тогда, когда в стену застучали соседи. Я вернула швабру на место, перестелила постель и легла, готовая при любом потустороннем поползновении немедленно начать выполнять свои угрозы. Но толчки больше не повторились. Ни в эту ночь, ни в следующую. Никогда. А диван мы со временем всё-таки выкинули.

- Какая вы храбрая женщина! – с восхищением сказала Лина.

- Да я только в тот раз и была храброй, - в голосе Норы прозвучала усмешка. – Во всех остальных случаях я просто умирала от страха... С первым мужем мы постоянно жили на съёмных квартирах, и в одной из них меня невзлюбил домовый. Он больно щипал меня, и я видела, как, словно под пальцами, приподнимается моя кожа, после чего всегда на этом месте появлялся фиолетовый синяк, который очень долго сходил. Домовой даже ухитрялся бить меня: я натыкалась на какое-то непреодолимое препятствие, которое резким ударом отбрасывало меня назад. А потом он стал меня душить. Он приходил всегда днём, в отсутствии мужа, когда я ложилась отдохнуть и закрывала глаза.

Начиналось всегда с того, что я чувствовала, как под его весом проминается постель. Затем он взбирался мне на грудь, давил на неё и сжимал горло. Его вес утяжелялся, и мне всё больше не хватало воздуха, но я, как во сне, не могла пошевелиться и открыть глаз. Он всегда придавливал меня до полубморочного состояния и лишь потом отпускал, а я, судорожно хватая ртом воздух, вскакивала и, держась за горло и кашляя, пыталась отдышаться... И так было несколько раз.

А потом у нас появился кот. В один прекрасный день в дверь позвонили. Муж пошёл открывать и обнаружил на пороге... чёрного кота. Кот сказал: «Мяу!» и по-хозяйски зашёл в квартиру... Нового члена семьи мы сразу полюбили и назвали Шейхом, а он оказался ласковым, интеллигентным и очень смышлёным.

Как-то котик спал на кухне на диване, а я решила передохнуть и легла в спальне. И вдруг почувствовала знакомые шаги по постели... В этот раз домовый душил меня с особой жестокостью, забавляясь, будто с игрушкой: он то перекрывал мне воздух, то отпускал, давая отдышаться, то наваливался опять. В конце он словно решил раздавить меня, а я лежала, скованная оцепенением, не в силах двинуть даже пальцем, и чувствовала, что ещё несколько секунд, и меня не станет...

Вдруг на кровать кто-то запрыгнул. «Шейх! — догадалась я и мысленно взмолилась: - Шейх, помоги мне!» В ответ Шейх злобно заворчал и бросился на меня. Мне сразу стало легче, но оцепенение не прошло. Шейх заворчал снова. Его ворчание перешло в вой, и в ответ на моей груди кто-то затоптался и угрожающе зашипел. По звуку и движению я поняла, что Шейх снова кинулся на то, что сидело на мне. Снова шипение, звуки борьбы, топот... И наконец я смогла дышать полной грудью и открыть глаза. Шейх сидел на пороге комнаты и всматривался в темноту прихожей. Я позвала его. Шейх что-то проворчал темноте, важно подошёл, запрыгнул на кровать и стал ласкаться об мою ногу...

Нора умолкла, глядя на свой подсвечник.

- Может, это был не домовый, а что-то другое? - спросила из сумрака Лина. — Я слышала, что домовые и коты всегда дружат.

- Не знаю, - резко, словно сбрасывая с себя наваждение, ответила Нора. — Только после этого домовый ко мне больше не приходил. — И она спешно погасила свечу.

- С тобой всё в порядке? — участливо спросил Серж и тронул её за руку.

- Да, - слабо улыбнувшись, ответила Нора. — Так, воспоминания накатили.

- Мда... - резюмировал Серж. — А мне, знаете ли, несколько странно слышать подобные былички, особенно от людей с высшим образованием. — Он выждал несколько секунд: - Не обижайтесь, но я не верю ни одному сказанному здесь слову. Хотя и со мной была одна такая... историйка. Но это совсем другое дело, потому что есть вполне научное объяснение, почему такое стало возможным. И я уверен, что ваши... кхм... видения были вызваны чем-то подобным.

Он протянул руку и взял свечу.

- Мне было пять лет, когда мама в свой летний отпуск решила поехать со мной на юг, - важно начал он. – Мы поселились в каком-то месте на берегу моря, где на сваях стояли деревянные домики. На берегу повсюду был разложен какой-то рыбацкий инвентарь, а возле одного домика лежала вверх дном большая лодка.

В соседнем домике с родителями отдыхала девчонка того же возраста, но ростом на полголовы ниже меня. Это было прескверное создание. Она всё время строила из себя колдунью, говорила, что если я не буду каждый вечер приносить ей конфеты, то она сделает так, что я никогда не вырасту. При этом она закатывала глаза, делала пассы руками и бормотала что-то невнятное на своём «колдовском языке». И я верил ей и отдавал свои конфеты. А потом мне надоело.

Было уже совсем темно, когда я стоял и специально, чтобы она видела, ел большого «Гулливера». Маленькая бестия подошла и потребовала свою дань. Я отказал. «Ты пожалеешь, - зло прошипела она. – У меня здесь есть друг. Он живёт в этой перевернутой лодке, и он очень голоден. Если ты не дашь мне конфету, я позову его, он тебя убьёт и съест!» Но я знал, что под лодкой может жить только старая плешивая собака, поэтому её спичем не впечатлился и снова отказал. «Ну что ж, ты сам этого захотел! – ухмыляясь, сказала шантажистка и, посмотрев на лодку, произнесла какое-то мудрёное имя: - Выходи! Он твой!»

Я посмотрел на лодку и замер: она приподнялась, и из её недр вынырнула наружу огромная, с половину лодки, голова. Если проводить аналогии с человечеством, то можно сказать, что это был представитель негроидной расы. Его светящиеся красные, размером с блюдца, глаза оказывали нервно-паралитическое действие, но самым ужасным было то, что во лбу у него, словно рог, горел огромный полумесяц. Увидев меня, голова оскалилась, показав крупные коричневые зубы, и из-под лодки показалась чёрная ручища, в которой сверкал длинный острый кинжал...

Не дожидаясь дальнейшей демонстрации, я с криком бросился бежать, взлетел по лестнице, ворвался в домик и... дальше ничего не помню. – И Серж выжидательно обвёл всех взглядом.

- Ну, и что же это было? – не выдержала Нора.

- Болезнь, - просто ответил Серж. – Когда я начал нести чушь про чёрную голову, мама померила мне температуру, и термометр показал больше тридцати девяти градусов. А наутро мы уехали домой.

- То есть, ты хочешь сказать, что мы здесь все больные?! – возмутилась Нора. – Хотя с нас с Линой и взять-то нечего, у нас ведь нет высшего образования!

- Ну что ты! Ни в коем случае! – заторопился Серж. – Я хотел сказать, что если вы действительно видели и ощущали всё, о чём рассказывали, то этому есть вполне простые объяснения. Это могло быть как рецидивом какого-либо заболевания, так и действием различных препаратов, оптическими эффектами и даже геомагнитными колебаниями, аномалиями в земной коре!

- Мы тебя поняли, - вмешался Змей.

- Сергей, если у вас всё, то можете гасить свечу, - напомнила Анна.

Серж помялся:

- А вы знаете, что за праздник мы сегодня отмечаем, его историю, аналоги? Я расскажу вам. Это тоже интересно. Дело в том, что ночь с 31 октября на 1 ноября у многих народов праздновалось одно и то же событие, только под разными названиями. Всемирно известный Хеллоуин был основан на базе другого, более древнего кельтского праздника – Самайна или Самхейна, который означал конец сбора урожая и наступление зимней, тёмной стороны года.

У древних кельтов пограничная ночь между октябрём и ноябрём считалась священной. Они верили, что именно в это время стирается граница между мирами мёртвых и живых, и как мёртвые, так и живые, могут беспрепятственно проникать в другой мир. На землю будто бы выходила разного рода нечисть, жаждущая человеческой крови и плоти, поэтому для того, чтобы сбить этих существ с толку, люди надевали на себя различные личины и шкуры.

Этот праздник имел две стороны: общественную и ритуальную. Общественная заключалась в пирах и развлечениях. Ритуальная часть лежала на друидах и включала в себя религиозную службу, жертвоприношения и обряды, одним из которых было возжигание священного огня на следующий год.

Мигранты из Англии, Ирландии и Шотландии привезли традицию празднования Самайна в США. Но церкви языческие традиции были неуютны, поэтому в седьмом веке день празднования Самайна был объявлен церковным праздником - Днём всех Святых, что на староанглийском звучит как Хеллоуин. Смысл праздника остался практически тот же: умершие спускаются на землю. Религиозная сторона Самайна в Хеллоуине была стёрта, но некоторые обычаи всё же остались. Так возле дома сейчас оставляют еду для умерших, прыгают через костёр для очищения, наряжаются во всякую нечисть для отпугивания злых духов и, продолжая традиции друидов, проводят различные гадания.

Кстати, тыква – отдельная история. Это адаптированный вариант фонаря из ирландской легенды о хитреце по прозвищу Скупой Джек.

Судьба свела Джека с самим дьяволом, и он пригласил дьявола в питейное заведение, а затем отказался платить за выпивку. Чтобы обмануть хозяина заведения, Джек уговорил дьявола превратиться в монету, и когда тот послушался, поместил монету в карман, в котором лежал серебряный крестик. Дьявол не мог перевоплотиться обратно, а Джек над ним поиздевался, но затем всё же отпустил за обещание не тревожить его целый год и не забирать его душу после смерти.

Через год дьявол вновь пришёл к Джеку. Тот попросил дьявола сорвать с дерева яблоко, и как только дьявол забрался на дерево, вырезал на коре ствола крест, после чего бедняга не смог спуститься. Снова пошёл торг, и Джек потребовал не тревожить его целых десять лет.

Но случилось непредвиденное: вскоре Джек умер. Естественно, в раю такой прощелыга был не нужен, а дьявол, затаив обиду и памятуя о своём обещании не забирать душу Джека, не пустил его в ад. На прощание дьявол швырнул в Джека адским угольком. Джеку ничего не оставалось, как выдолбить репу, поместить туда уголёк и отправиться восвояси. С тех пор бедняга якобы так и бродит по земле, освещая себе в непроглядной тьме путь столь непрактичным фонарём.

В угоду этой легенде в Шотландии, Англии и Ирландии люди начали делать подобные фонарики ещё из свёклы и картофеля, добавляя для устрашения вырезанные отверстия в виде рта и глаз. Использовались эти фонарики, естественно, для отпугивания злых духов. В США эта традиция попала вместе с мигрантами из вышеперечисленных стран. Именно там конструкция фонаря была модернизирована, и все овощи заменил один: более привычная для нас тыква.

Если рассматривать историю древних славян, то у них ночь с 31 октября на 1 ноября называлась Велесовой ночью или ночью Велеса и Мары. Велес – славянский бог мудрости, является одновременно светлым и тёмным богом, поскольку в его, скажем так, обязательства входит не только податие всех жизненных благ, но и функционирование в мире мёртвых. А Мара – богиня зимы, холода и смерти. Суровая пара, под стать времени года. Именно в это время Белобог передаёт бразды правления Чернобогу, и врата Нави – мира мёртвых – широко открыты в Явь – мир живых. По этой причине Велесова ночь и у славян считалась сакральной.

Данные верования и обычаи не так популяризированы и распространены, как скандинавское язычество и тот же Хеллоуин, но, тем не менее, они живы и сейчас снова набирают силу. Религиозная сторона этого события осталась без изменений. В Велесову ночь славянские волхвы до сих пор проводят различные обряды. Это и получение

запретных знаний, получение Силы через преодоление собственного страха, и обряды трансформации и перехода на новую ступень.

А на общественном уровне Велесова ночь - семейный праздник. Поскольку в это время души умерших предков спускаются к своим потомкам, устраивается поминальный ужин, во время которого на стол ставят приборы для умерших. На улицу выставляется угощение для душ тех, кого некому помянуть, на подоконник ставится свеча для душ, готовых прийти на помощь. Ещё в этот праздник раньше разжигался большой костёр, и практиковались очистительные прыжки через него, но сейчас этой традиции не существует.

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод, что древние язычники половины мира (а я уверен, что если покопаться, то можно найти подобные традиции и у народов другой половины мира) были твёрдо убеждены, что сегодняшняя ночь – волшебная.

- А откуда ты всё это знаешь? – поинтересовалась Нора.

- Я погуглил, - мрачно ответил Серж и задул свою свечу.

В гостиной стало совсем темно. Потушенные друг за другом свечи погрузили комнату в почти осязаемую, беспокойную темноту. Свеча в тыквенном фонаре пронзительно затрещала, её огонь умоляющими сполохами заметался, пугающе оживляя вырезанную гримасу, и с тихим шипением угас. Темнота завибрировала опасностью.

Все посмотрели на Анну. Похожая на большую светловолосую куклу, она сидела с торжествующей улыбкой на лице, и в её руке, словно живое, билось о стены подсвечника пламя последней свечи.

- Ну что ж, вот и пришёл мой черёд, - задумчиво сказала она и по очереди посмотрела на каждого из своих гостей. – Я начну с того, что расскажу, или кому-то просто напомним, об Арахне.

Анна опустила взгляд, и её глаза из-под ресниц загорелись жёлто-красными огнями.

- Давным-давно жила в Древней Греции искусная ткачиха по имени Арахна, и среди людей не было ей равных в мастерстве. И решила Арахна вызвать на ремесленное состязание саму Афины. Настал день поединка, обе девушки принялись ткать... В итоге работа Арахны по мастерству ничем не отличалась от работы Афины. Но боги Олимпа, кои являлись судьями, усмотрели со стороны Арахны неуважение к себе и в изображённой ею на полотне сцене, и в том, что она – смертная – посмела бросить вызов богине, и присудили победу Афине. Арахна не смогла пережить такого позора и повесилась. Но в самый последний момент Афина вытащила её из петли. Она превратила Арахну в паука, сказав, что в наказание та будет теперь вечно висеть и вечно ткать...

Так гласит легенда. Но на самом деле возможности Арахны в дальнейшем не ограничились ткачеством. Обращённая в паука, она получила возможность путешествовать как в мире живых, так и в мире мёртвых. Тая обиду на несправедливость богов, она решила помочь смертным и дать им власть, равнозначную божественной.

Долго путешествовала она в некромире, долго по крупицам собирала знания, и один раз после такого путешествия принесла в мир живых некроглифы или арахниды – систему знаков, подобных рунам. Эти руны разрешали сложные жизненные ситуации, были надёжным проводником в делах и даже могли психически уничтожить врага.

Руны были явлены в нашем мире через некромантов – жрецов Арахны. Но древние боги тоже не дремали. Афина не могла допустить, чтобы люди уподобились богам и стали вершителями собственных и чужих судеб, и между её жрецами и жрецами Арахны вспыхнула непримиримая, беспощадная война. Жрецы Афины всячески препятствовали распространению тайного знания, и некроглифы появлялись по одному. К четырнадцатому веку было известно уже девять арахнид, на сегодняшний момент их шестнадцать. Некоторые утверждают, что это – полный комплект глифов, поскольку с их помощью можно решить практически любую проблему. Но это не так. Существует ещё семнадцатая, последняя руна. И именно она позволяет человеку переродиться, сбросить с себя груз прошлого, очиститься морально и физически и выйти на совершенно новую ступень развития, полностью уподобившись божественному существу.

Не так давно я занялась оккультными науками, достигла определённых успехов и познакомилась с некроглифами Арахны. И мне очень захотелось найти семнадцатую, последнюю руну. Три месяца назад я поехала в Грецию и через некромантов нашла тайный храм Арахны, где хранится единственный экземпляр откровения: книги, в которой описаны все семнадцать арахнид. В секретную подземную библиотеку меня не пустили, потому что вход в неё охраняется необычными стражами – помощниками Арахны из некромира, которые пропускают только жрецов. Но за солидное вознаграждение пообещали изготовить копию священной книги. И результатом моей последней поездки в Грецию стал...

Анна встала, подошла к барной стойке, открыла вмонтированный в навесной шкафчик сейф, что-то достала оттуда и вернулась за стол.

- ...Вот этот прекрасный экземпляр, - закончила она, кладя на стол книгу.

Это была странная книга. В кожаной тёмно-жёлтой, почти коричневой обложке, она сверху и снизу была скреплена чёрными ремнями. В середине кожа собиралась в складки-морщины, из которых сквозь тонкую, воздушную паутину смотрел серый глаз с красным зрачком. Зрелище было отталкивающим, и все – кто со страхом, кто с отвращением – уставились на книгу.

- Надеюсь, кожа не человеческая? – наконец спросила Нора.

- Меня заверили, что человеческая, - с улыбкой Джоконды ответила Анна.

Она расстегнула ремни и бережно открыла книгу.

Анна осторожно перелистывала жёлтые, испещрённые непонятными красными символами и рисунками страницы. Долистав до нужной, она победно посмотрела на гостей.

- Это – тайнопись Арахны, - пояснила Анна. – А сейчас я предлагаю вам испытать действие семнадцатой руны. Я не случайно выбрала для этого сегодняшнюю ночь. Это одна из двух ночей в году, когда, как правильно сказал Сергей, мы можем напрямую общаться с миром мёртвых. Это одна из двух ночей в году, способных дать настоящую силу заключительной руны. Отважится ли кто-нибудь из вас последовать за мной?

Все дружно замотали головами.

- Анна, я не понимаю... - начал Серж.

- И правильно, - бесцеремонно перебила его Анна. – Я на вашем месте тоже отказалась бы. Но мне нужно идти до конца.

Она вытащила из корешка переплёта небольшой красивый нож замысловатой формы.

- Обычно арахниды наносятся маркером на кожу или фотографию, - со светлой улыбкой сказала Анна. – Но заключительную руну необходимо вырезать ритуальным ножом на коже того, кто желает получить её свойства.

Она положила на стол левую руку ладонью вверх, сверилась с рисунком в книге и сделала глубокий надрез на запястье. На месте надреза показалась кровь.

Змей встал из-за стола:

- Анна, немедленно прекрати!

Он хотел подойти к Анне, но Лина остановила его:

- Подожди, это же игра!

- Я надеюсь, что нож бутафорский, - в ужасе прошептала Нора.

Но Анна не слышала их. Погрузившись в транс, она вырезала на руке замысловатые переплетающиеся линии, и из ран на стол стекали

капли крови. Когда работа была окончена, Анна отложила нож и, не сводя глаз с руны, зашептала заклинание. Затем посмотрела на подсвечник. Секунд пять она гипнотизировала пламя, после чего свеча стала медленно угасать. Постепенно комната утонула в кромешном мраке...

* * *

- Вы уже здесь? – спросила Нора, входя в открытую для неё Сержем дверь гостиной. – А где Аннет?

Лина пожала плечами:

- Не знаем.

- Когда мы зашли в гостиную, стол был накрыт, - подхватил Змей, - и в середине на подносе лежала эта записка...

Он подошёл к столу и взял белый лист бумаги с фиолетовыми ровными строчками:

- «Доброго утра, дорогие мои! К сожалению, мне нужно срочно покинуть вас, и когда я вернусь – не знаю. Вы меня не ждите. Завтракайте, а когда будете уходить, нажмёте на кнопку рядом с воротами. Они откроются и закроются за вами автоматически. Пэ эс: мои друзья, я очень вас люблю...»

Все переглянулись.

- Странная девушка, - пробормотал Серж. – Ну что ж, давайте завтракать без неё...

- Нет, всё-таки здорово вчера посидели! – отодвинув от себя в конце трапезы тарелку, сказал Змей. – У меня уже давно не было такого выброса адреналина. Сидел, слушал и боялся, как мальчишка. Можно сказать, что вновь почувствовал себя живым. Да и сейчас так легко на душе, будто освободился от чего-то тяжёлого.

- О, да! – поддержала Нора, вытирая губы салфеткой. – Меня особенно впечатлил спектакль Аннет с этой руной. Я уж действительно поверила, что сейчас раздастся гром кастрюльный, разверзнутся балки потолочные, и она превратится в повелителя мира. Непонятно только, зачем она по-настоящему руку себе испортила.

Змей исподлобья глянул на неё:

- А мне непонятно, как мифическая Арахна могла принести какие-то руны. Наверное так же, как и Прометей смог дать людям огонь. Скорее всего, их выдумал некий мистификатор и для популяризации и устрашения подписался грозным именем, а жаждущие экзотики обыватели свято уверовали в их происхождение и силу. Также непонятно, как в рядах поклонников этих рун могла оказаться Анна. «Выйти на совершенно новую ступень развития»... Бред какой-то.

- Так или иначе, но её руна сработала в обратном направлении, - невозмутимо ответил Серж. – Корона у неё так и не отросла, зато беднягу так было жаль, когда её начало тошнить. Прямо наизнанку выворачивало, с кровью... Ей бы у гастроэнтеролога обследоваться на предмет язвы желудка.

- Может, она просто перебрала красного вина? – робко предложила Лина.

- Она не пила вчера, - так же невозмутимо парировал Серж. – Её бокал весь вечер простоял нетронутым. Но даже если она и прикладывалась к бутылке где-то под столом, такая рвота – это ненормально. Это симптомы не божественного перерождения, а серьёзного заболевания.

Нора стала собирать посуду.

- Я не знаю, где у неё посудомойка и кухня, но хотя бы так прибрать, - сказала она, ставя посуду на барную стойку. – Ух ты! Шкафчик с сейфом открыт!.. Ого! И сейф тоже незаперт!

Нора открыла дверцу, заглянула в сейф и поморщилась, будто увидела нечто мерзкое:

- Фу! Здесь этот профессорский талмуд в обложке из человеческой кожи лежит! Какая гадость!

- Нора, прелесть моя, талмуд по умолчанию не может быть профессорским, - с укоризной сказал Серж. – Талмуд это...

- Да знаю я, знаю! – в сердцах воскликнула Нора. – Здесь ещё что-то лежит... - И она вытащила из сейфа пухлую папку.

Минуты две она перелистывала подшитые там документы, и после прочтения каждой странички её дыхание учащалось, лицо вытягивалось и белело. Наконец она подняла голову. Её глаза были наполнены отчаянием.

- Ребята, - севшим голосом прошептала Нора, - у Анны не язва. У неё – неоперабельный рак желудка, четвёртая стадия... Это – история её болезни, и здесь всё... Она собрала вчера нас, своих дорогих друзей, чтобы попрощаться... Она... она умирает!..

Нора бросила папку на стойку, закрыла руками лицо и громко зарыдала.

Серж подскочил к ней:

- Милая, успокойся! Не надо! Судя по всему, Анна – девушка с уникальным чувством юмора. Откуда тебе знать, может, эта папка – очередной розыгрыш?

- Это... жестоко... - всхлипнула Нора.

- То, что она делала вчера с собой у нас на глазах – тоже жестоко, - с вызовом ответил Серж. – Просто нужно её саму расспросить обо всём.

- Точно! – обрадовалась Нора.

Она спешно вынула из кармана телефон и набрала номер Анны.

- Не отвечает, - пожаловалась она через время, и из её ещё не просохших глаз вновь потекли слёзы. – Абонент отключён или находится вне зоны доступа...

- Давайте сходим на третий этаж, поищем её? – предложила Лина. – Может, что-то случилось?

Но поход наверх ничего не дал. Все двери там были заперты, и за ними не угадывалось никаких признаков жизни.

- Мне кажется, нет причин так убиваться и волноваться, - подытожил Серж. – Судя по записке, она жива и находится в трезвом уме и твёрдой памяти. Предлагаю покинуть эту резиденцию, и в дальнейшем связаться с Анной, поблагодарить за ужин и всё выяснить...

Две двери бесшумно закрылись за выехавшими. За воротами Нора заглушила двигатель.

- Давай-ка выйдем на минутку! – сказала она и вышла из машины. Серж последовал за ней.

Нора долго и пристально разглядывала дом, затем повернулась к мужу.

- Посмотри! – тревожно прошептала она. – Мне показалось, что на третьем этаже в одном окне шевельнулась занавеска!

Некоторое время Серж присматривался к окнам.

- Тебе показалось, - сказал он и пожал плечами. - Там никого нет.

- Ну и ладно, - с лёгкой грустью ответила Нора. – До свиданья, дом! Спасибо тебе за прекрасный вечер! – И она помахала на прощание рукой.

Стоя за занавеской в комнате третьего этажа, гигантское паукообразное с редкими пучками светлых волос на голове слабо пошевелило в ответ хелицерами⁵.

⁵ Ротовые придатки пауков, челюсти.

Илья Ананич

Солнце не там

Тяжелое серое небо, извивая темнеющее пятно, изредка выдавливало из себя маленькие капельки, падающие на каменные руины. Такие тусклые и грустные, вечно мокрые бетонные глыбы хранили память тех людей, кто остался существовать в этих краях о прошлом, и служили знаменем грядущего будущего. Разбиваясь об потрескавшийся асфальт, грязные капли отражали единственное устоявшее все волны запустений, взрывов и катаклизмов здание. Нерушимая величественность и важность для всех существующих хранилось в последнем достижении человека, подпирающее чернеющее небо. Солнце, о котором большинство только слышало, можно было увидеть лишь на той крыше.

Глухой шаг разошелся по руинам. Коричневый рваный плащ, больше похожий на мешок, обогнул тощее и недоедающее тело молодого человека и начал развеиваться по ветру. Дуновения ветра, вечным потоком, огибали руины и издавали странные звуки, похожие на протяжный вой. Подняв бледную голову, карие глаза начали следить за каким-то мешком, падающим с лучистой крыши. Глубоко вздохнув, он направился к небоскребу.

Проходя этаж за этажом, он видел лишь битое стекло и полуразрушенные столбы. Только все более большие просторы напоминали ему о его цели, направляющей подобных ему существ. Всю его жизнь часы сменяли дни, а их сменяли года. Переживая одно и то же в этих мертвых серых постройках, но не теперь, теперь он увидит то, на что он только мечтал посмотреть все это время - на теплый солнечный свет. Шаги превратились в бег и, через мгновение он вбежал на крышу.

Теплые мягкие лучи облепили каждую частичку его тела. Яркий свет поглотил весь холод и смрад окружающего пространства. словно благодать, вдали простиралась зеленеющая долина, окружавшая маленькие серые руины, развернувшиеся около небоскреба.

Мысли покинули сознание человека, облако будто приняло голубой оттенок, а солнце, расползаясь над горизонтом, словно создавало мост в этот дивный яркий и теплый мир. Вот он увидел свою мечту, она словно сама пыталась привести его к себе, осталось лишь сделать шаг...

Глухой шаг разошелся по руинам. Коричневый рваный плащ, больше похожий на мешок, обогнул тощее и недоедающее тело молодого человека и начал развеиваться по ветру. Холодный ветерок ударил в нос и заставил судорожно сморщиться. Подняв голову, зеленые глаза начали следить за

каким-то мешком, падающим с лучистой крыши. Глубоко вздохнув, он направился к небоскребу...

Собор

Синий свод окружил золотые купола собора, а тропа извивалась по зеленеющему лугу и уходила под ворота, ведущие в обитель света для страждущих. Молодой человек, глубоко вздохнув, зашел внутрь.

Мозаичная богоматерь, кроша лучи света, обдавала его теплом и уютом. Золотой свод, отражая свет, казалось, вел прямо к отцу, но не был доступен для посетителей этого дома. Каменные статуи смотрели своими открытыми, очами и провожали молодого человека своим всепрощающим взглядом. "Я спасен, скоро боль кончится." Улыбка растянулась на недавно еще бледном лице, и взгляд пал на предмет поиска. Подойдя к исповедальне и помолившись, он зашел.

— Простите, святой отец, я согрешил. Когда она сказала мне... я не смог простить, я взял грех, не способный унести, но молю, простите. Вина тяготит, тянет и рвет изнутри, жаль, что она меня уже не услышит.

Тишина съедала сознание молодого человека, будто запертого в этой маленькой исповедальне. "Почему отец молчит, он меня теперь тоже ненавидит? Что я такого ему то сделал!?" Стены начали приближаться, а дыхание сбилось, сердце, казалось, сейчас выскочит. Вот он, час откровения, час, который несет для него отпущение. "Когда же отец произнесет свое "прощаю!?"".

— Сын мой, могу я задать тебе вопрос?

— Д-да.

— Я не могу тебе простить грех, который не способен простить ты. Наш отец не может увидеть в тебе врага, но и сына не увидит, пока сын не сможет увидеть его в себе. Ежели дух твой не способен простить тело твое за содеянное, то я тоже не смогу его отпустить. Считаешь ли ты, что достоин прощения?

— Я понял, отец. Простите, что побеспокоил Вас.

Прохладный воздух прошелся по лицу молодого человека и серый вид темных статуй внушал ему мертвое спокойствие, глаза немых смотрителей корил его и провожал вон из своей обители. Темный свет,

пронзающий мозаичный портрет святой матери указывал путь наружу, в бездну греха. Но молодой человек ничего не чувствовал, будто приняв свое неизбежное падение, он подошел к выходу, видя лишь темноту, лишь крики указывали ему путь в его новый дом, боль стала ему спутником.

Тишину собора нарушил звук топота, отец зашел в исповедальню со словами "Как же плохо, опять опоздал, надеюсь никого не было! "

Потухший очаг

Мягкий мокрый снег ровным слоем опадал на ветви пышных молодых елей, накрывая засыпающий лес белесым полотном. Серое небо скрывало единственный источник света, будто пытаясь угасить все тепло, мешающее приближающейся зиме разойтись по всему огромному таежному лесу. Пышные дюны распадались под тяжелым шагом старого охотника. Громкий ритмичный хруст создавал глубокие следы, быстро исчезающими странствующими по ветру частичками снега. Настороженный, опытный глаз охотника мелькал под густыми серыми бровями, словно пытаясь что-то найти. Быстро мелькающий взгляд пытался заглянуть за стену снега, оправляя нервным движением старое, но вычищенное ружье.

Солнце уже вот-вот сядет, ему было необходимо найти хоть какой-то ориентир. Но скверная видимость волновала опытного охотника, скоро будет холодно, а согреться в движении он не сможет. Странное волнение наполнило его грудную клетку, постепенно уходя в левую руку. Мягкий снег, словно теплая постель, манила его слипающиеся глаза...

– Валя, вставай уже, достал дрыхнуть!

Яркий луч солнца просочился сквозь накрахмаленные старые занавески, нагревая маленькую спальню. Старый муж лениво открыл левый глаз и посмотрел на кухню. Серый рваный по углам ковер расстилался по всей комнате, скрывая деревянный догнивающий пол, упирающийся в выцветавшие обои, покрытые тем, что когда то было цветами. Дом доживал свой век вместе со своими хозяевами, что смутило Валентина, ему казалось, что он только недавно делал ремонт...

Лениво потянувшись, он потопал на кухню. Запах каши разошелся по всему дому, обволакивая собой старые фотографии семьи, почти развалившиеся полки, прогнувшийся потолок и серую бабу, несущую дымящуюся тарелку своему мужу. Тяжело вздохнув, старик посмотрел в окно. Тусклое монотонное небо накрывало желтый лес уходило под воды, отражающие серость и редкие островки, уходящие в горизонт. Весь

Илья Ананич «Потухший очаг»

двор медленно увядал, начиная с завалившегося на бок сарая и заканчивая разбитую лодку, тихо доживающую свой век на заросшем болотной травой берегу. Странная тоска заполнила старика, словно что-то утратил, но вернуть уже не сможет.

– Ешь кашу, нам еще картошку идти копать! – Бабка, громко кряхтя и попутно обдавая оскорблениями мешковатую скатерть, подаренную своей непутевой свекрови. Валентин сместил свой тоскливый взгляд с окна на скатерть, мысль едкой каплей проникла в сознание старого охотника: здесь что-то не так. Тоска сменилась беспокойством.

Бабка, заметив это, сильно смутилась, странно щурив глаза, она словно выдавила:

– Ты в порядке? Сидишь как в укушенный в одно место, давай ешь и пойдем. Дел делать – не переделывать! – Начав ворчать и причитать о том, как же много дел в ее годы, она поковыляла в сторону двери, изредка заглядывая за плечо...

...Теплый снег начал ускорять свое падение, укрывая остывающие следы машинально шагающего охотника. Как можно заблудиться в трех соснах, при условии того, что он с самого детства здесь охотится? «И вообще как он попал сюда?!» Неведомое ранее чувство заполонило все его сознание. Мелкая дрожь начала подниматься вверх по спине и погружаться легким томным грузом внутрь под ребра. Паника. Все, что можно было увидеть, застилал быстро падающий снег, а разгонявшийся ветер за спиной не оставлял и шанса на оставшиеся следы, по которым можно было бы вернуться назад. Даже засечки, которые он по опытности своей оставлял, не помогали ему выбраться из этой «петли»...

– Ты это, вставай, идти надо! – Бабка толкнула зеленую подгнивающую дверь и медленно вышла в коридор, заваленный навезенной детьми одеждой. Надев синие резиновые сапоги под длинные серые штаны, она закричала, и начала медленно закрывать дверь, выгоняя свежим ветром затхлый воздух, устоявшийся после долгой осенней ночи. Старик повернулся к столу и начал медленно есть кашу, тихо перекидывая его с краев тарелки в центр. «Теплый старый дом – слишком хорошо звучит для меня...», успел подумать старик, как сразу же смутился. Что он несет? Это его дом, он в нем жил сколько себя помнит. Ложка начала биться об алюминиевую тарелку и ускорять свой темп.

Доев кашу, хозяин быстро двинулся к вешалкам и, накинув горячий тулуп, быстро вышел с дома в сопровождении громкого стука двери о

порог. Ветер начал обдуть не закрытые ноги и обветренное морщинистое лицо. Глубоко вздохнув, он соскочил с крыльца и пошел в сарай за лопатой быстро и осматривая взглядом пробивающуюся вдали за пышными деревьями дорогу.

Серое небо лениво перекашивалось дальше в горизонт своими маленькими отростками. Оно не пропускало ни единого луча, способного окрасить окружение. Ветерок, растекавшийся по желтой траве, изредка поднимался ввысь, что бы поиграться между частых веток старой березы, растущей около темного брусчатого дома. Старик взял лопату и пошел на огород...

...Сумрак уже полностью поглотил спящий лес и ускорял ветер, закручивающий снежинки в маленькие воронки, быстро пропадающие в земле, потерявшую форму в темноте. Паника уже прошла, лишь нарастающее чувство апатии начало пробираться вглубь старого замедляющегося тела охотника. «Я потерялся в трех соснах, твою то мать, что делать!?» все повторялось в его голове. И так неровное дыхание начало сбиваться еще сильнее по мере того, как усталость опадала теплой пленкой на беспокойные веки...

... Идиллия. Как же ему нравится тихая жизнь, мерно расставленная по полочкам. Сон, завтрак, работа, ужин, сон. ... Если бы ничего не менялось, то все было бы отлично, но что-то сегодня его сильно беспокоило, как будто все немного не так. Будто все окружение выстроено по очень скудной памяти. Как понять, что именно изменилось? В этот момент сокрушительная тоска снова обрушилась на него. Взглянув на бабуку, он испуганно отпрыгнул, но уже через мгновение бабушка повернулась и очень странно улыбнулась.

– Какая хорошая жизнь, да? Мне вот тоже так кажется, да вот только рано еще, не теряйся, Валь! Тебя же дочь ждет. – Она посмотрела на него сопереживающими глазами, которые наполнили его собственные горестными слезами...

– Да, ты права.

Aliki Wonder***Девочка с Неба***

Я иду по давно знакомой дороге домой. В тысячный раз рассматриваю асфальт, каждый камешек которого давно уже изучен в моём сознании, иногда озираюсь по сторонам, отмечая каждую проезжающую машину, мысленно играя в игру(в прошлый раз я смогла запомнить четырнадцать номеров, а на пятнадцатом ошиблась), слежу за плавными движениями слабого ветра... Вокруг слышу знакомые голоса: вот Эмили рассказывает Джози и Саре о том, как она вчера отпраздновала свой день рождения, Джо приглашает Даниэль на свидание, а Артур и Макс играют в очередную новую игру и бурно обсуждают её. Мне даже не надо оборачиваться. Я узнаю голоса своих одноклассников где угодно, а вот они иногда забывают вовсе о моём существовании.

- Привет, Хлоя!

Я оборачиваюсь и вижу Мэри. Это хрупкая, кучерявая пятнадцатилетняя девочка с забавными веснушками и всегда приветливой улыбкой на лице, которая живёт в соседнем от меня доме.

Я и не заметила как дошла до дома.

Я выдавливаю неловкую улыбку и, подойдя к двери ярко-жёлтого дома с маленьким двориком, начинаю копаться в рюкзаке в поиске ключей.

- Привет, Мэри. - нехотя выдавливаю я.

- Как дела? Есть планы на каникулы? - Мэри переехала сюда недавно, поэтому всё пытается со мной подружиться. - Может выйдем погулять в парке или в кино? Что тебе больше нравится?

- Где же чёртовы ключи... - бормочу я себе под нос так тихо, чтобы Мэри не слышала.

Она подошла ближе.

- Что скажешь?

Я резко достаю ключи, а рюкзак чуть не падает мне на ноги, но я успеваю поймать его и быстрым движением руки открываю входную дверь.

- Посмотрим, Мэри, если у меня появится время — я дам тебе знать, хорошо? - быстро проговариваю я и, так же мимолётно улыбнувшись, захлопываю перед соседкой дверь. Я чувствую себя в безопасности, на своей территории и чувствую как бешеный ритм сердца немного замедляется.

Из кухни выходит мама. Она стоит, облокотившись на косяк двери и молча смотрит на то, как я развязываю шнурки на кедах. Наконец я не выдерживаю её пытливого взгляда.

- Что?

Она мотает головой и отводит взгляд в сторону, но на её губах всё ещё играет та сочувственная, я бы даже сказала жалостливая улыбка, которая всегда появляется на лицах родителей, когда они меня не понимают. А они никогда меня не понимали.

- Почему бы тебе не выйти куда-нибудь с этой милой девочкой на каникулах? - наконец спрашивает мама.

Я смотрю на неё, чтобы увидеть какое у неё выражение лица и почти сразу стыдливо опускаю взгляд обратно на шнурки. Ей так этого хочется. В её глазах видна немая мольба. Она боится, что у меня никогда не будет друзей, парня и всего того, что обычно есть у людей.

- Не знаю, мам. Не знаю о чём с ней говорить, я не хочу с ней общаться... - такие знакомые слова. - Не мой она человек.

Мама тяжело вздыхает.

- Ты так про всех говоришь. - она опять жалостливо улыбается. - Неужели тебе так нравится быть одной?

Я даже не улыбаюсь и смотрю ей прямо в глаза.

- Я просто уже привыкла.

Но привыкнуть к одиночеству невозможно. Я всегда была честна с собой и понимала, что не просто так каждые полчаса проверяю телефон, а чтобы проверить не написал ли кто-нибудь. И в школе мне безумно приятно, если вдруг кто-то заговорит со мной или на улице кто-то спросит дорогу. Но уже давно никто не пишет, не говорит и даже не спрашивает ничего у меня. Я сама отталкиваю от себя людей своим хладнокровием и честностью, точнее раньше я так делала, сейчас же я просто всеми способами избегаю любого общения. Я никогда к этому не привыкну. Зато могу сделать вид, что мне это всё не нужно, и никому не составит труда в это поверить, ведь они к этому привыкли.

Захожу в свою комнату и вижу привычную скучную картину: нежно-голубые стены, белый рабочий стол и такую же белую кровать в углу. Я знаю, что где-то под кроватью лежит запылившаяся электрогитара, на которой я раньше любила играть, а в шкафу, где-то за стопками одежды прячется мольберт. Все мои рисунки, которые я хранила много лет я собиралась выкинуть, но подозреваю, что мама их всё ещё где-то хранит. Я любила рисовать. Внезапно тёмно-синие большие наушники, лежащие на подоконнике привлекают моё внимание.

Надев их и включив свой плейлист, я сажусь у окна и смотрю на людей снаружи.

Я кладу руки на подоконник так, чтобы можно было удобно опереться на них подбородком и издаю тихий смешок.

Я поняла в чём проблема.

Мне скучно. Мне всего лишь шестнадцать, а я уже не знаю ради чего мне жить. Мне всё надоело.

Почему я не хочу общаться с Мэри? Или с кем-то ещё? Да потому что они меня не поймут, если я буду собой. А притворяться кем-то другим я не собираюсь. Я не вижу смысла в таких отношениях. Я во многом из того, что совершают люди, не вижу смысла; может именно поэтому родители часто говорят, что я не от мира сего. У меня очень много вопросов, на которые, к сожалению, этот мир пока не готов дать мне ответы.

В пять лет я спросила: «Мама, а зачем родители врут детям про Санту? Наверное, тому, кто его придумал, очень нравилось наблюдать за тем, как дети, полные веры в мечты и во что-то хорошее, вырастают и сталкиваются с жестокой реальностью. И потом все взрослые решили, что это здорово: создавать вокруг своих детей мир иллюзий а потом наблюдать как всё, во что они верили, рушится? Да, мамочка?»

Мама была шокирована таким вопросом, но больше всего её удивило то, что я на полном серьёзе задала его и ждала вразумительного ответа, коего мне не было дано.

Когда мне было одиннадцать и мы с папой смотрели выпуск новостей, я спросила: «Зачем люди убивают друг друга?»

Он лишь ответил: «Понимаешь, Хлоя, иногда люди нуждаются в деньгах, иногда хотят отомстить другому человеку, иногда они выпивают лишнюю бутылку или принимают чего похуже и не осознают, что творят... Таких случаев много».

Я продолжила говорить о том, что это глупо, что надо понимать, что месть — это пустая трата времени и нервов, что от алкоголя нет никакой пользы, и что вообще не понимаю зачем люди его употребляют, а то что у людей финансовые проблемы — это только их вина, и из этого положения можно выйти лишь собственными усилиями и вполне легально.

Отец меня не понял и решил завершить этот диалог.

У меня было много вопросов: Зачем знаменитости тратят столько денег на декорации, костюмы и всё прочее для клипа, если главное — песня? Они же в первую очередь певцы и певицы, а не модели и актеры?..Зачем люди спускают кругленькие суммы на вещи и одежду

какого-то бренда, если качеством они не отличаются от тех, что можно было купить за меньшее количество денег?.. Я понимаю, что деньги в нашем мире и в наше время решают всё, но это... Это больше похоже на то, что деньги подчинили себе этот мир.

Вскоре я поняла почему кому бы я не излагала свои мысли, люди выпучивают глаза и не знают, что ответить: они все запрограммированы думать одинаково. А тех, кто думает не так, как они, люди боятся.

В начальной школе у меня были друзья, но с возрастом я начала понимать, что мне в тягость с ними общаться из-за того, что я подстраиваюсь под них и их ожидания, сливаюсь с серой массой, становлюсь частью этого безумного мира, в котором нет места тем, кто хочет быть собой, быть услышанным. И я отрезала от себя все нити, связывающие меня с этой реальностью. Я просто существую.

Первый день каникул прошёл незаметно. Наступил вечер и я всё-таки решила вылезти из дома. Не люблю выходить на улицу днём, под палящим солнцем я чувствую себя неуютно. Другое дело — вечером.

Я, не торопясь, надеваю лёгкое летнее платье с изображёнными на нём цветами и растениями на фоне кремового оттенка. Под него надеваю любимые чёрные кеды и выхожу на улицу. Я специально выбираю самую тихую и редко используемую дорогу, чтобы можно было отдохнуть от суеты и шума. И ещё по одной причине.

Я запрокидываю голову так, чтобы видеть ночное небо, усыпанное звёздами. Небо — единственное, в чём я нахожу утешение, а когда оно сверкает как сегодняшней ночью... У меня захватывает дыхание.

Я продолжаю идти, периодически поднимая голову к бесконечному небу и заполняя лёгкие ночным прохладным воздухом, не желая его оттуда выпускать. В такие моменты я чувствую себя свободной от всего. Окрылённой надеждой, что всё будет хорошо. Я чувствую себя живой.

Внезапно я замечаю светлую полосу, разделившую небо пополам ярким сиянием, а тянулся этот лучик из сверкающей вспышки, стремительно несущейся вниз... Это прекрасное явление было настолько мимолётно, что я едва успеваю сообразить, что только что увидела и быстро, зажмурив глаза, и, стоя посреди дороги, загадываю желание.

Когда я открываю их снова, вижу лишь застывшие в небе звёзды.

- Это была падающая звезда... - тихо проговариваю я, пытаюсь поверить в собственные слова, и только сейчас замечаю, что до этого момента задерживала дыхание.

Я снова устремляю взгляд к небу и губы, так отвыкшие от этого, невольно расплываются в восторженной улыбке.

Не долго думая, я продолжаю путь, но уже не медленно прогуливаясь, а бегом. Хочу побыстрее оказаться на том невысоком холме, откуда так хорошо видно небо.

Спустя некоторое время я прибегаю к тому самому холму, но не поднимаюсь, как обычно, на его вершину, а спускаюсь с другой стороны к небольшому пруду. Прежде я никогда не придавала ему особого значения, но эта ночь уже не похожа на остальные...

Я слышу какой-то шорох со стороны куста недалеко от меня. Я медленно оборачиваюсь. Кто это? Животное? Насекомое?

Я тихо подкрадываюсь к затихшему кусту.

- Кто там?

Не знаю зачем я это спрашиваю; как будто мне кто-то ответит.

Неожиданно, с визгом и поднятыми руками, из куста выпрыгивает... Девочка.

- Извините меня, я не следила, я не виновата!... - начала тараторить она своим писклявым голосом.

- Стой-стой! - прикрикнула я зажимая уши ладонями. Что за голос такой? Уж очень звонкий.

Она, как по команде, закрывает рот, а я тем временем оглядываю эту... странную девочку. Когда вдалеке проезжает машина и свет от фар падает на незнакомку, я искренне удивляюсь увиденному, но сдерживаю эмоции.

- Твои руки...

Я замечаю как к её щекам приливает кровь, но она не прячет руки за спину от смущения, а наоборот, протягивает их вперёд. Я осторожно беру её за одну руку, но ощущаю не тепло человеческой кожи, а другое тепло... Её руки от кончиков пальцев по локоть были сотканы из космоса. В них буквально можно было увидеть мини-копии галактик и созвездий.

- Ах, ты про это... - она смущённо улыбается.

- Как это возможно? - шёпотом спрашиваю я. Затем поднимаю на неё глаза. - Кто ты?..

- Я? - Она склоняет голову набок, и я замечаю, что её черные, как смоль, волосы, заплетённые в две косы, доходят до её колен.

- Да, - мой голос слегка дрожит от восторга. Я точно не сплю? - Как тебя зовут? У тебя есть имя?

Она слегка нахмурила тонкие черные брови, в её удивительных сиреневых глазах показался вопрос, смешанный со смущением и любопытством.

- Что такое имя?

- Ну ... это слово, которым люди называют определённого человека, чтобы ... Отличать его от других? Наверное. - неуверенно произношу я.

Она хихикает и бесшумно садится на траву.

- Интересно. И какое же имя люди выбрали для тебя?

Я тоже издаю смешок и расслабленно сажусь напротив неё.

- Хлоя.

Она заинтересованно осматривает меня своими пронизательными сиреневыми глазами.

- Но ведь есть и другие люди с таким же именем, правда?

- Правда.

- В чём же тогда смысл твоего имени, если ты не одна такая? - серьёзно спрашивает она.

Я невольно улыбаюсь. Эта ночь обещает быть очень интересной. Я в первый раз так заинтересована в диалоге и совершенно не могу предсказать действия...Этой странной девочки.

- Я сама не знаю. - говорю я, потому что действительно никогда не задумывалась над этим вопросом. - Так у тебя нет имени? А сколько тебе лет?

Она задумчиво прикусила губу.

- Уже больше двух миллиардов, но точное количество никак не припомню...

- Миллиардов?! - я начинаю смеяться и заражаю её своим смехом.

Немного успокоившись, она перестаёт смеяться, но на её лице сверкает широкая улыбка.

- А тебе сколько?

- Мне шестнадцать!!! - говорю я и теперь она уже понимает почему мы смеялись и снова заливается хохотом.

- Но... Откуда ты такая взялась? - спрашиваю я. - Девочка без имени, чьё тело состоит наполовину из космического пространства...

- Я упала сюда... С Неба. - как ни в чём ни бывало заявляет она. И я ей верю. Несмотря на абсурдность всего, что она говорит — я ей верю.

- Так ты Звезда?

Она опять сжимает губы и отводит взгляд в сторону, будто пытаясь что-то вспомнить.

- Да, кажется, у вас это так называется. Но мне не нравится это имя! Придумай мне какое-нибудь как у всех...

- Что? Зачем? - удивляюсь я. - Ты же не такая как все.

- Но я хочу, чтобы ты дала мне имя! - она смешно и по-детски надула щёки.

Я смеюсь.

- Хорошо, уговорила! - я перебираю в голове знакомые мне имена и выбираю то, которое кажется мне наиболее подходящим. - Кэти. Тебя будут звать Кэти.

Она радостно хлопнула в ладоши и вскочила на ноги. В её глазах играли весёлые искорки.

- Ура! У меня теперь есть имя!

Я просыпаюсь и сразу же встаю с кровати. Умываюсь, одеваюсь, иду завтракать.

- Я готовлю омлет. - говорит мама. - Будешь, Хлоя?

- Да, спасибо, мам. - сажусь за стол.

Мама кладёт передо мной тарелку с только что приготовленным омлетом, а я тут же начинаю его уплетать.

- С Кэти идёшь гулять? - спрашивает она.

Я поднимаю на неё глаза и вижу, что она вся светится от счастья.

- Да, - я улыбаюсь. - Мы договорились целые дни проводить вместе, но нам всё равно мало. Я не замечаю как летит время, когда мы с ней о чём-то говорим.

- Я так рада, - говорит мама, садясь напротив меня. - Она... Твой человек?

- Определённо. - уверенно отвечаю я. - Мне кажется, она единственный человек, который меня полностью понимает и принимает такой, какая я есть.

Я доедаю омлет и, попрощавшись с мамой, выбегаю из дома.

Сегодня последний день каникул. И за это время я увидела жизнь под совершенно другим углом, в этом мне помогла Кэти. Мы теперь не можем представить жизнь друг без друга. Да, мы из разных миров, совершенно разные, но...моё желание сбылось. У меня появился настоящий друг. Единомышленник, родственная душа, кто-угодно, но она здесь, она со мной и она меня оживила. Я теперь просыпаюсь по утрам и знаю, что живу не зря. Дело не только в Кэти. Она заставила мою душу проснуться и я увидела этот мир другими глазами. И я полюбила этот мир, поняла, что в нём есть много чего прекрасного и теперь я хочу попытаться сделать его лучше, ведь на это способен каждый.

Я спешу на тот самый холм, к тому самому пруду, где она меня ждёт.

С того вечера, когда мы познакомились, прошло много времени. Достаточно, чтобы мы рассказали друг другу о своих мирах и о своей жизни. Хоть ей и два миллиарда лет, я чувствую, что она моя ровесница и мне очень уютно в её обществе. Мы объездили все самые чудесные

парки и леса, которые находятся неподалёку, даже сходили в зоопарк, Кэти там очень понравилось, ведь она никогда прежде не видела таких существ, ей более привычны звёздные создания, как созвездие павлина, лебедя или даже пегаса...Она их приводила несколько раз на пруд — удивительные создания! Она рассказывала забавные истории о Звёздном царстве, об изгнании Змееносца и о многом другом.

«А как Орион постоянно бежит от Скорпиона!- говорила она, заливаясь смехом. - Так его боится!»

Мы вместе катались верхом на пегасе, беседовали с разными созвездиями и считали звёзды на небе. Кэти знает всё о Небе, а я рассказала всё, что знаю о Земле.

«Это невероятно! - восторженно кричала она, когда узнавала что-то слишком отличавшееся от её знаний или ожиданий о Земле. - Как люди могут есть этих прекрасных созданий! Как... Как ты сказала называется? Улитка, точно! Я боюсь, что когда люди доберутся до Неба, они и звёзды начнут есть!»

- Привет! - кричу я, спускаясь с холма к пруду.

Кэти стоит ко мне спиной; её белое летнее платье развевается на ветру в такт с длинными, сверкающими косами, а руки по локоть и ноги по колено сияют космической красотой.

- Кэти!

Она оборачивается: в глазах стоят слёзы, улыбка какая-то кривая, словно ей больно.

- Что с тобой? - я обеспокоенно кидаюсь к подруге.

Она крепко обнимает меня.

-Что такое? - снова спрашиваю я. Мой голос начинает дрожать.

- Я...- начинает Кэти. По её щекам струятся слёзы. - Мне пора на Небо.

Я не двигаюсь с места. Я не верю. Нет-нет-нет...

- Хлоя, прости...- любые слова сейчас причиняют нам обоим лишь боль. - Я-я смогу раз в месяц спускаться на Землю... И я всегда буду за тобой наблюдать...

Я сглатываю ком в горле. Успокойся, Хлоя. Ты знала, что однажды этот момент наступит. Мы обе это знали.

Кэти сжимает меня в объятиях ещё сильнее.

- Только прошу тебя, Хлоя... Не покидай меня. Хоть и одна звездная ночь на Земле, но я не смогу жить без общения с тобой. Ты единственная, кто меня понимает...

- Ты тоже, Кэти! - я отпускаю её. - Я никогда не покину тебя. Но что я буду делать теперь? Как я со всем справлюсь?..

Кэти улыбается сквозь слёзы и я чувствую, что у меня тоже всё лицо мокрое от слёз.

- Ты справишься. - только и говорит она. - Хлоя, из всех людей, что ты мне показала, из всех, что мы встретили... Ты самый светлый человек. Не знаю как это объяснить, но мне кажется, что ты ближе всех к истине. Тебя никто не может понять, не потому что ты странная, а потому что ты... Как-то так получилось, что ты взяла самое хорошее из натуры человека. Я думаю, ты в какой-то момент остановилась и поняла, что ты за человек и что за люди вокруг тебя. Тебе повезло, ведь многие люди не знают кто они и очень долго пытаются понять это.

- Но я не справлюсь без тебя... - теперь мой голос звучит как жалобное мяуканье.

Взгляд сиреневых глаз подруги стал ещё теплее.

- Ты показала мне свой мир, Хлоя, а я показала тебе свой. Думаю, благодаря этому мы обе поняли, что любим свою жизнь такой, какая она есть, но нельзя останавливаться. - она радостно подпрыгнула, взяв меня за руки. - У нас ещё вся жизнь впереди! У нас столько возможностей, Хлоя! Этот мир может стать лучше благодаря тебе. Главное — вдохнуть в него жизнь.

- То же самое и с твоим миром... - я наконец-то спокойно выдыхаю и улыбаюсь. - Он нуждается в тебе.

Ксения Москвина

Love story

Молодая девушка Наташа живет в небольшом городке с родителями и младшей сестрой. Она учится в медицинском колледже. И как-то летом после напряженной сессии она с семьей отправилась на отдых в Испанию. Ей там очень нравилось, особенно она любила гулять и рассматривать достопримечательности, делать красивые фотографии и конечно же проводить время с родителями разглядывая всю красоту этой страны. В один жаркий день она решила сходить в бассейн, но родители не захотели идти и остались в номере. Наташа пошла одна. Возле бассейна было очень много народу, в основном все были в воде. Она взяла свой любимый роман "С любовью, Роза" и удобно расположилась на лежаке неподалёку от бассейна. Прочитав пол книги, она ужасно захотела попить чего-то холодного и направилась к бару, девушка взяла холодный лимонад и пошла обратно к своему месту. Сегодня было очень жарко и народу возле бассейна становилось все больше, едва ли хватало места, чтобы пройти. Вдруг ее задел какой-то парень и она с визгом полетела в бассейн:

- Эй, ты что?! Совсем что ли?

- Ой, извините девушка. Я просто подумал, что в такую жару лучше в бассейне купаться, чем загорать.

- Ох, я бы и сама разобралась что мне делать.

- Не спорю. Давай руку. - Улыбнулся парень и падал ей руку.

- Спасибо. - Она взяла его за руку потянула на себя и сбросила в бассейн.

- Я подумала, что тебе лучше искупаться, а то вдруг получишь солнечный удар. - Улыбнулась девушка и вышла из бассейна. Прошло несколько дней, она уже и забыла про тот случай. Сегодня погода немного подпортилась, пока родители Наташи отдыхали в номере, она собралась в кафе попить там свой любимый кофе глясе с мороженым и карамельным сиропом. Она добралась до ближайшего кафе, в нем было полно народу. У входа она столкнулась с парнем:

- Опять ты. Ты меня преследуешь?

- А может это ты меня преследуешь?

- В бассейн ты меня скинул первый, значит ты преследуешь.

- Как тебя зовут?

- Это дурацкий способ подкатить. Поэтому я пойду.

- Почему дурацкий? Я просто хочу познакомиться с красивой девушкой. Нельзя?

- Ага. - Девушка отвернулась и пошла к бару, но щеки немного порозовели от слов парня.

Она ждала свое кофе и в кафе началась какая-то возня, и вдруг рядом с ней на стол падает кусок пончика. Наташа поворачивает голову и вокруг начинает летать разная еда и бегают охранники пытаются остановить беспорядок. Вдруг ее за руку хватается тот парень и выводит из кафе:

- Ты что делаешь?

- Ты хочешь быть заброшенной едой? Или чтоб в твоих волосах запутался кусок пиццы или еще чего-то?

- Нет, но как же мой кофе. Я деньги отдала.

- Куплю я тебе кофе, им сейчас все равно не до тебя. Я знаю одно крутое и очень красивое место. Пойдешь со мной?

- Я тебя даже не знаю.

- Я Вадим. А свое имя ты мне так и не сказала.

- Наташа.

- Так теперь, ты пойдешь со мной?

- Да, пойду.

- Отлично, идем быстрее.

Они пришли в ресторан он был расположен недалеко от берега и по форме напоминал корабль. С их столика был очень красивый вид на море, девушка все время любовалась на эту красоту.

- Нравится?

Да, очень красиво. Это самое лучшее, что я видела.

- Я рад. Чем ты занимаешься? На кого учишься или работаешь?

- Я в медицинском колледже учусь. А ты чем занимаешься?

- В этом году закончил колледж по гостиничному бизнесу.

- Нравится будущая профессия?

- Вполне.

- Здорово.

Весь вечер они без умолку болтали и много смеялись, так что на них все гости смотрели. После ресторана он проводил ее до отеля:

- Спасибо за прекрасный вечер.

- Это тебе спасибо. Мне было очень весело.

- Встретимся завтра?

- Да, давай.

- Тогда завтра вечером, на этом месте. Пока.

- Пока.

Всю неделю они очень много гуляли, посещали разные места им было очень хорошо вместе, но один вечер они провели лучше всех, по среди ночи Вадим позвал девушку встретить рассвет возле моря. Она тихо прошла мимо родителей выскочила из номера и спустилась к нему.

- Если родители узнают, то мне конец.
- Не узнают, я тебя во время привезу обратно.
- Привезешь?
- Да, я взял машину на прокат.
- Ого.
- Поехали, а то все пропустим.

Парень с девушкой сидели на пляже и любовались рассветом.

- Я всегда хотела увидеть океан.
- Я тебя туда отвезу.
- Серьезно? - Улыбнулась девушка.
- Конечно, когда-нибудь отвезу.

Она лишь улыбнулась в ответ.

Наташе рядом с ним было очень хорошо, ей казалось, что это никогда не закончится. Девушка чувствовала, что Вадим начинает ей нравится, но она не знала чувствует он тоже самое или нет, а признаться ему у нее не хватало смелости. Времени оставалось мало, отпуск подходил к концу, Наташа очень переживала из-за этого. Сегодня был последний день их пребывания в Испании. Родители собирали вещи, а она сидела и задумчиво смотрела в окно. Вдруг от мыслей ее отвлекло уведомление на телефоне, это было сообщение от Вадима:

- Встретимся сейчас возле бассейна, мне надо тебе кое-что сказать. Жду, Вадим.

- Мам, мне надо кое-куда сходить. Я быстро.
- Хорошо, только не долго.

- Ага. - Она выбежала из номера и поспешила к Вадиму, она собралась признаться в том что он ей нравится.

- Вадим.
- О, привет.
- Привет, о чем ты хотел поговорить?

- Наташ, понимаешь. Я не знаю взаимно это или нет, но я понял что ты мне очень сильно нравишься. Я безумно в тебя влюблен. - Он положил ей руки на плечи.

- Я пойму если это не взаимно.

- Вадим, это взаимно. Ты мне тоже очень нравишься. Он наклонился к ней и поцеловал. Этот поцелуй был первый в ее жизни, это было очень нежно и в тоже время страстно.

- Я так рад.

- Я тоже, но я завтра улетаю обратно в Москву. А ты когда прилетишь?

- Дело в том, что я.

- Что?

- Я не полечу обратно. Этот отель моего отца и я останусь тут помогать ему.

- Но почему ты не говорил? То есть ты здесь навсегда? Смысл тогда признаваться в чувствах? Если все равно я уеду, а ты здесь. Зачем так жестоко? Ты же знал, что я уеду потом и все равно это закончится. Мы не сможем быть вместе.

- Прости меня.

- Знаешь что, я ухожу, можешь не провожать меня. В пять утра Наташа с родителями сели в самолет. Она сидела возле окна слушала музыку и смотрела за облаками. Стюардесса как всегда объясняла правила безопасности и все остальное, но ей так было все равно, ведь в голове у нее был только Вадим, по которому она уже начала скучать. Ей не хватало его, словно он был для нее воздухом или глотком воды для умирающего от жажды. Когда они приземлились, и ждали багаж, девушка услышала знакомый голос:

- Наташа!

- Вадим?- Обернулась девушка.

Парень подбежал к ней:

- Ты что здесь делаешь? Как же отель? А отец?

- Да не нужен мне этот отель. Отец все поймет. Главное быть рядом с тобой. - Он обнял ее.

- Я рада, что ты тут. Но теперь нам придется объясняться с родителями.

- Ха-Ха. Думаю они все поймут. Ты же будешь моей девушкой?

- Да.

Парень обнял ее еще крепче и поцеловал, так осторожно, нежно. Вкладывая в этот поцелуй все свои чувства. Родители все приняли с радостью им очень нравился Вадим, они еще много раз ездили все вместе в тот отель. А следующим летом Вадим отвез Наташу к океану как и обещал когда-то в Испании. Там они отметили год их отношений.

Посвящается, любимой подруге Наталье Фомичёвой

DZUDZO

Лариса

Жила – была ручка Лариса. Только родившись, она чрезвычайно гордилась собой. Еще бы! Молоденькая, блестящая, с гладким корпусом и аккуратным колпачком, она смотрелась очень мило. Но главное – её стержень был полон чернил, и ей казалось, что этот запас бесконечен, что чернила были и будут в ней всегда. Поэтому она так обрадовалась, когда усталая женщина наконец ткнула пальцем на витрину: «Вот эту, по 13.50».

«Уж теперь-то я смогу быть полезной! Мои чернила оставят след, тысячи следов! Я буду следовать своему предназначению, ура!», – радовалась ручка Лариса.

Поначалу она была полна энтузиазма: усталая женщина целыми днями сидела за столом, не выпуская Ларису из напряженных пальцев, оставляя чернилами следы. Цифры, буквы, значки... Лариса каждый день болтала с надменными белыми листами, с тетрадью Антуанеттой в синюю клеточку, с кучей забавных маленьких листочков, похожих на птичек. Это было так увлекательно, она чувствовала себя живой!

А потом что-то произошло. Собственно, у обитателей стола были разные версии того, что случилось.

«Износилась на работе, профессиональное выгорание», – авторитетно рассудили белые листы.

«Бедняжка, она ведь так старалась! Надо было побольше отдышаться!» – причитала тетрадь Антуанетта.

Маленькие листочки растерянно молчали.

А ручка Лариса лежала в мусорной корзине и смотрела в потолок. Она не понимала, почему усталая женщина ее выкинула, но одно понимала точно – её чернил, того, что делало её такой полезной, почему-то больше нет.

Её стержень пуст. Она больше не оставит следов.

Хочу верить

Что случилось с Шариком.

Его звали Шарик. Или Джек. Хотя нет, не так. На самом деле он не знал, как его зовут, ведь каждая человеческая семья звала его по-разному.

«Эй, Шарик, ути боже мой, какой милашка!»

«Джек, сидеть! К ноге! Молодееец, хороший мальчик!»

«Сабаааатька! Мама, купи мне сабаааатьку!»

По большому счету, ему было плевать, потому что все эти сюсюканья заканчивались одинаково – люди его бросали. Он больше не верил лживым двуногим, их лицемерным теплым прикосновениям и обманчивым ароматам еды. Рыская вокруг мусорного бака в поисках хоть чего-то съедобного, попутно одним глазом отслеживая слабое шевеление теней вечернего двора, он вспоминал самое первое предательство.

Тогда он был еще сопливым щенком, не нюхавшим жизни. Они с братьями весело возились, окруженные ласковыми материнскими запахами, когда пришли какие-то люди. Маленькая девочка, прижав его к груди, заявила: «Мама, хочу эту!» Так он и поселился в человеческом доме, став Шариком ровно на месяц. Девчонка оказалась стервозной и противной, она дергала его за уши и хвост, везде таскала за собой и больно била, когда ей что-то не нравилось. Он терпел, ведь это были его люди и его дом, он верил им. Но однажды его терпению пришел конец.

«Аааааа, маааааа, он меня укусил! Бешеный какой-то!»

Так Шарик стал жить на улице, добывая пропитание на свалках и в мусорках, огрызаясь на сородичей и сторонясь всех, у кого было меньше четырех ног.

«Люди опасны».

Отогнав неприятные воспоминания, он продолжил исследовать содержимое бака, когда услышал шаги и почуял странно знакомый запах. Молодой парень, присев на корточки, улыбался и протягивал ему кусок колбасы. От парня исходили запахи дома, тепла и чего-то еще. Чего-то мирного и спокойного. Твердо решив не доверять двуногим, Шарик, тем не менее, осторожно приблизился, уж очень влекла к себе колбаса. Парень не двигался. Резким рывком цапнув кусочек, пёс тут же отскочил назад, спеша проглотить. Парень кивнул чему-то и ушел.

Потом он приходил много раз, всё время к одной и той же мусорке, будто знал, что Шарик тоже придет сюда. Постепенно пёс учился доверять, ел теперь с рук, даже пару раз дал себя погладить. А потом, несмотря на всю свою настороженность, все прошлые предательства, просто пошел следом за этим человеком. Потому что надеялся. Потому что снова хотел верить.

- Знакомься, это Катька, это Иннокентий, - парень указал на пушистую кошку и желтого попугая, - а ты... Как же тебя назвать... Пусть будет Шарик!

Засыпая в тепле, купаясь в аппетитных и новых запахах, он лениво думал о том, что, возможно, в этот раз всё будет иначе.

Что он об этом думал.

У меня нет имени. Шарик или Джек... Какая разница? Я просто пёс, один из многих. Бродячий. Плевать, как назовут. Бросят потом и всё. Так было раньше, так будет и сейчас.

Есть охота, блин... О, мусорка! Воняет, но съедобно. Щас чего-нибудь найдем. Надо следить за другими. Придут ведь и отберут, и кличку не спросят. Сволочи! Одни враги кругом, никому верить нельзя.

Раньше молодой был, глупый. Верил, надеялся. Ждал тепла. Терпел, когда били и за хвост дергали. Ну и что, что дергают? Зато дома, зато с людьми! Один раз только не стерпел, огрызнулся. И полетело всё к чертям. Нет у меня больше дома. И людей нет. Гады двуногие есть, а людей нет. А, пофиг, жрать охота! Мусорка, мусорка...

Так, а это кто еще? Чё за хрен тут присел? Улыбается еще... Охxxx, колбаса! Колбаасочка! Как же жрать охота! Так, опасно. Быстро, цап и назад. Фух, вроде пронесло. Надо же, сидит, улыбается. Может, еще придет?

А ведь приходит, зараза! Кормит, улыбается опять. Гладит даже. Мелочь, а приятно... Пойти за ним, что ли? А, была не была! Хуже всё равно не будет. Может, хоть этот сволочью не окажется?

Тепло. Пахнет едой. Да Шарик я, Шарик. Называй, как хочешь. Только не выгоняй. Спать охота... Кошка эта еще, Катька... Никогда не жил с кошками... Может, в этот раз не бросят...

Ромашка

Жила — была Ромашка. Простая, с тоненьким стебельком и нежными белыми лепестками. Она очень любила поле, где родилась и выросла. Каждое утро приветствовала она своих многочисленных сестер, легонько касаясь их листочками. Приветливо улыбалась солнцу, дарившему жизнь её семье. Умиротворенно подставляла головку нежным струям дождя.

Ромашка была очень добрым цветком и хотела дарить свою скромную красоту всем, кто на неё посмотрит. Поэтому она, конечно же, обрадовалась при виде молодой пары, шагающей по полю. Девушка, смеясь, бегала вокруг парня, дергая его за волосы и спрашивая: «Ты меня любишь?».

«Конечно, любит, даже не сомневайся!» - безмолвно уверяла её Ромашка. Ей хотелось, чтобы они стали еще счастливее, взглянув на ее красоту. Она не обращала внимания ни на ворчание старого дядьки-чертополоха, ни на сплетни полевых бабушек-букашек. Все соседи, как один, уверяли, что добром это не кончится и вообще лучше бы цветочку

не попадаться людям на глаза. Но Ромашка только сильнее поворачивала головку навстречу улыбающейся девушке.

Дальнейшее она помнила смутно.

- Я же говорил! Ох, дура-дурочка! – охнул чертополох.

- Бедняжка, еще одной не повезло! – причитали букашки.

Кажется, была резкая боль. И чувство одиночества, будто навеки оторвали от семьи, от корней. И лепестки, такие красивые лепестки, за что же?..

- Любит, не любит. Любит, не любит. Любит! – девушка, отбросив ободранный стебелек, радостно поцеловала парня.

Снегурочка

Темно. Холодно. Так холодно, что нос и уши болят. Руки онемели. Айн старается не кричать. Ей страшно.

Сегодня Зимнее солнцестояние. Самая длинная ночь в году. Для племени это праздник, день Великого бога.

- Бог разгневается, если не служить ему, - учил жрец, - он придет в ваши дома и заберет ваши души!

Хотя его никто не видел, божьи следы повсюду: оледеневшие птицы, скорчившиеся дети и старики. Как старик Хальм, например. Говорили, он болел, потому что поскупился на жертву богу. Прошлой зимой его нашли в лесу, почерневшего от холода.

- Великий бог всё равно возьмет свою жертву! – кричал тогда жрец, потрясая посохом.

Сегодня жертвой была Айн. На закате отец молча привязал её к дереву под бдительным взглядом жреца. Женщины затянули Зимнюю песнь. Мать пела громче всех. С последними лучами солнца они ушли.

Айн не слышала ничего, кроме своего дыхания. Тело заполнял холод. Он пробирался через платье в кожу, а через кожу к костям. Рук и ног уже нет. Сердце бьется все медленнее... Медленнее... Нельзя засыпать! Вздрагнув, Айн подняла глаза к небу. Красивое, звёздное. На фоне алмазного полотна верхушки деревьев кажутся угольно – черными. Как смерть.

Глаза щиплет? А, это слезы... Не хочется умирать. Не так, не здесь, не...

Прямо перед ней стоял старик Хальм. Айн поняла, что кричит.

- Ты же мертв! Тебя забрал бог!

Стоит, склонив седую голову набок. Улыбается беззубо и страшно. Кожа трупно – черная. Тянет руку с отвалившимися пальцами:

- И тебя заберет, доченька! И тебяааааа!

Айн рычит и рвется из пут, сдирая кожу. Хорошо, что боли нет. Есть ярость. Она не умрёт!

- Я не умру! - кричит она Хальму, но на поляне никого нет.

Стало темнее. И тише... А потом она услышала.

Хрусть-хрусть.

Замерла. Теперь ближе.

Хрусть-хрусть.

- Отец! Мама! Кто-нибудь, помогитеееее!

Надо кричать громче. Её спасут! Окрыленная надеждой, она снова рвет веревку, обдирая кожу. Щурясь, всматривается в тропинку между деревьями. Скоро покажутся факелы, вот-вот...

Там никого нет.

Хрусть-хрусть.

Айн до крови кусает губу. Хочется не кричать – выть. Наконец, веревка ослабевает. Выдрала клочки волос и куски платья, но свободна. Теперь бежать. Прочь от тьмы и шагов! Домой! Так, где же тропинка? Айн мечется между елями. Где-то здесь есть следы.

Следов нет.

Хрусть-хрусть, - почти за спиной.

Айн рванула в темноту, не разбирая дороги. Увязла в снегу, завывала. С боем вырывает у леса каждый шаг. Но идет. Если не можешь бежать, иди. Так учил отец. Сугробы всё глубже. Теперь ползет. Кожа сдирается о кромку льда. Снег налип на волосы, лицо, губы. Пар с хрипом вылетает изо рта.

Хрусть-хрусть, - гонит невидимая смерть.

Кто-то молча смотрит в спину. Не оборачиваться!

Впереди просвет. Река! Речка, родная! Здесь легче бежать. На правом берегу огни. Деревня, дом! Спотыкается о платье, падает лицом в снег. Тело наливается свинцом. Айн закрывает глаза. Надо перевести дух. Потом бежать дальше. Опять тихо. Так тепло... Хочется спать... Ничего уже не болит. Спать...

Наутро люди молча стояли вокруг ритуальной ели. Печень, кишки, желудок, - жрец достал из почерневшего тела Айн и аккуратно развесил всё.

- Великий бог принял жертву, - довольно кивает он, вынимая и сердце, - племя переживет эту зиму.

Мария Сотникова***Две параллели одной судьбы***

20 декабря 2017 год.

Регина проснулась от странного звука, на кухне что-то упало. Девушка неохотно сползла с кровати, её ноги коснулись мягкого, идеально белого ковра. Она надела шёлковый халат, посмотрела на своё отражение в зеркале, вздохнула и спустилась вниз. Кухня была смежная с гостиной. Она казалась, огромной, мрачной, бессмысленной, как и всё в этом доме. Рядом с барным столиком, в одной футболке стояла девушка на вид не больше двадцати пяти лет, блондинка с идеальной фигурой и длинными ровными волосами. Незнакомка налиwała в бокалы вино. Как кошка выгнув спину она закрывала шкафчик, футболка задралась и оголила её нижнюю часть тела.

– Ой, – красотка отхлебнула вина, – ты наверно Регина, да? Мне Димусик рассказывал о тебе.

От такого вида и немыслимого хамства гости Регина впала в ярость:

– Где Дмитрий Владиславович?

– Кто? А так он в спальне, – блондинка продолжала пить вино при этом пошло пританцовывая.

«Похоже у этой девицы вообще отсутствует чувство стыда», – мысленно проговорила Регина.

– Может красненького, – девушка протянула Регине бокал.

– Нет, спасибо, я не пью.

– Как, вообще?! А, ну Дима говорил, что ты немного странная.

Последняя фраза задела Регину: «Он меня ещё со своими бабами обсуждает». Ей хотелось поскорее закончить этот разговор и покинуть этот, оскверненный бесконечными утехами дом.

«Доброе утро, солнце!» – Мужчина спускался по лестнице. Оголенный пресс и спущенные брюки, говорили о многом. Он не был молодым парнем, но его тело, изнурённое тренировками доказывало, что он в полном расцвете сил.

– Вот Региска, познакомься, – Дима задумался, – Кристина.

– Карина, барсучок, – блондинка страстно поцеловала мужчину.

«Какой ужас, позор, и это мой отец, который должен воспитывать во мне моральные принципы и нравственные устои человека. И вот он

стоит, притягивает эту даму к себе и без всякого стеснения засовывает руку ей под футболку», – Регину перекосило.

– Похотливое ты животное, как тебе не стыдно, она же практически моя ровесница, – Регина почувствовала, какой-то прилив сил. Она могла кричать без остановки.

– Что ты орёшь, и так голова раскалывается, – Дима лениво потёр себе лоб.

– Ненавижу тебя и баб твоих ненавижу, я устала от этого, не могу больше, – Регина мчалась по лестнице в свою комнату.

– Регина, стой, не преувеличивай ты, – Дима не успел договорить, на втором этаже хлопнула дверь.

Каждый понедельник начинался примерно одинаково. Регина выгоняла очередную папину подружку, проклиная при этом жизнь и с неохотой ехала в университет. Девушку отвозил водитель, иногда, когда отец был в хорошем расположении духа, он подвозил дочь сам. Это были, пожалуй, единственные их встречи, не считая конечно, скандалов по поводу сомнительных женщин в доме. Семья Белозёровых жила на окраине Москвы, огромный особняк в стиле «лофт» выделялся от остальных своим могуществом. Всё это охранял забор такой же статный, как и таинственный дом. Из-за забора была видна только верхняя часть особняка. На третьем этаже находились комнаты для гостей в которых последнее лет пятнадцать никто не жил.

– Понятие и признаки преступления. Это заголовок? – бедная женщина рылась в бумагах с конспектами для презентации.

– Да, заголовок, давайте дальше, Нина Михайловна, домой охота, – выкрикнул пацан с последнего ряда.

– А вам лишь бы не учиться, бездельники. Я в ваши годы не о тусовках думала, – женщина задёрнула плечами передразнивая молодежь на дискотеках, – и не о всяких пакостях.

– Всё, понесло старушку, раньше теперь точно не отпустит, – прошептал Регине на ухо её одноклассник.

– Рот закрыли, галёрка сейчас вы у меня стоя записывать будете, – Нина Михайловна ехидно улыбнулась и поправляя очки прошипела, – где тут у меня определения, а вот нашла.

Дальше в полной тишине все записывали определения в тетрадь, хотя смысла в этом никто из студентов не видел. «Деяние, противоправность, виновность. Когда закончится этот бред. Почему время так медленно идёт, с ума можно сойти. Ещё и записывать это надо», – Регина лежала на парте и считала минуты до конца пары.

Наконец-то на проекторе был последний слайд, и преподаватель стала считать присутствующих: «С каждым разом всё меньше и меньше, безобразие. Докладную надо писать». Весёлая толпа стала выбегать из аудитории номер сто шестьдесят шесть. Но кто-то из шутников давно уже исправил единицу на шестёрку. И кабинет прозвали логовом дьявола. После посещения лекции действительно все умирали, одна только Нина Михайловна Звонарёва здравствовала. Поэтому проклятые три шестёрки никто не исправлял.

После окончания пар Регина отпустила своего водителя и поехала на городском автобусе. Ей нравились общественные места, там было много людей, и она не чувствовала себя так одиноко. «Вот и моя остановка, пора выходить», – Регина ещё раз посмотрела на молодую семью, которая всю дорогу приковывала взгляды всех пассажиров. Маленькая девочка, сидевшая на руках мамы улыбнулась Регине на прощание, тем самым благословляя её на долгий путь. Очутившись на свежем воздухе, Регине стало холодно, хотя на улице было плюс пять градусов. Укутавшись в теплое, бежевое пальто с меховым белым воротником теплее не стало, она очень пожалела, что забыла кожаные перчатки с ними было бы лучше. Холодный пронизывающий ветер проникал, казалось бы, под кожу и сковывал девушку. По дороге Регина зашла в цветочную лавку и купила огромный букет, и теперь счастливая шагала на встречу с прошлым.

Молодая девушка стояла напротив оградки, в руках она держала георгины любимые цветы Ирины. Живое, полное энергии и сил лицо молодой женщины смотрело на дочь с чёрно-белого памятника. Регина ждала, она верила, что её отец не забыл про этот день и непременно приедет. Но уже стало совсем темно, фонари со своим ярко-жёлтым искусственным светом дополняли картину передававшую ужас, отчаянье, горе. Регина попрощалась с мамой, поцеловав холодный мраморный её облик. Девушка посмотрела на часы, половина девятого, он не придёт. Приближалась ночь, грязное месиво из песка и земли не давало быстро идти, а чёрные кресты вокруг напоминали Регине непролазный лес. И всё казалось очень огромным, страшным, мистическим. Наконец она вышла на асфальтированную дорогу. Позади медленно шла пожилая женщина, она что-то бормотала себе под нос, ругая судьбу, себя и ещё каких-то людей. Обходя Регину, старушка посмотрела ей прямо в глаза. У девушки остановилось дыхание, ей показалось что какая-то сверхъестественная сила прошла сквозь её промёрзшее тело. Регина стояла в ступоре, не зная, что делать дальше. Мир перевернулся, вся жизнь рухнула не тогда пятнадцать лет назад, а сейчас, когда ты никому не нужен. И впереди

ничего не будет. Достав, кое-как телефон из кармана, и выбрав контакт с именем «папа», она нажала на вызов.

– Алло, – это был его голос, который по всей видимости ни о чём не переживал, – доча это ты?

– Представь себе, я.

– Дочур, что ты хочешь? – из трубки доносилось тяжелое женское дыхание и смех. – Я тут немного занят.

– Ты помнишь, какой сегодня день? – Регина не могла долго говорить её предательски выдавал дрожащий голос.

– Число какое, сегодня?

– Двадцатое, – всхлипывая она медленно повторила, – двадцатое декабря.

– Чёрт, я думал сегодня девятнадцатое, трудное заседание было, совсем замотался.

– Знаешь, пап, я привыкла к тому, что в твоей жизни меня не существует, но мама, – Регина оборвала речь и зарыдала в трубку.

– Зайка, прошу тебя, успокойся, хочешь я приеду к тебе. Ты сейчас где находишься?

Регина молчала, мимо неё проносились машины, проходили люди. Всё было как в замедленном действии.

– Я хочу, очень хочу, чтобы тогда в машине, вместе с мамой была я. Тогда ты был бы полностью свободен.

– Не смей так говорить, ты единственное, что есть в моей жизни. Да, я постоянно работаю, не уделяю тебе должного внимания, но всё что я делаю, это ради тебя. Чтобы у тебя всё было.

– Мне ничего не надо, только чтобы у меня была семья, любящая семья. Всё больше ничего.

– Регина, тебе двадцать лет, ты взрослый человек. Заведешь свою семью...

– Прощай! – не дослушав, прокричала Регина в трубку.

Она долго стояла и смотрела на свой телефон, потом с ненавистью ко всей этой дороговизне Регина выкинула свой «Apple iPhone X». Ударившись, возможно о дерево, он скрылся в темноте. «Как дальше жить, что делать? Если бы ты была рядом, всё было по-другому», – простонала девушка глядя на небо, чёрное от туч. Регина поймала машину, назвав адрес своего дома, машина поехала. За рулем «шестёрки» сидел мужчина лет пятидесяти. По нему было видно, что работа таксиста отравляла ему всю его жизнь. «Неужели нет счастливых людей», – думала Регина. Рядом с бардачком были приклеены иконы. «Он верующий, не похоже на этого сурового мужчину», – Регина

вздохнула, – интересно у него есть дети, жена». Пока девушка общалась мысленно сама с собой, мимо них с бешеной скоростью промчался «седан». «Твою м..., – водитель явно хотел выругаться, но посмотрев на совсем юную девушку только закатил глаза, – накупают же прав, уроды». Пошёл сильный дождь, погода в Москве совсем не была новогодней, скорее она напоминала серую невзрачную осень. Жители столицы давно ждали снега, мороза, чтобы была настоящая русская зимушка.

Регина смотрела в окно, кроме как пролетавших мимо неё огней прожекторов ничего не было видно. Радио шумело и невнятно повторяло, что до нового года осталось меньше двух недель: «Загадай желание, и оно обязательно сбудется», – уверял слушателей ведущий программы.

Водитель усмехнулся так, что Регине показалось, что он готов вырвать тот поганый язык, который осмелился заявить про чудеса. Из-за поворота вынырнул огромный грузовик, осветив всю машину ярким светом и чудом не врезавшись, проехал мимо. Водитель резко повернул руль и затормозил, у Регины выпрыгивало сердце, она уже не понимала, что происходит. Мужик, ругаясь матом, кричал вслед фуру. Потом вышел из машины и обтер лицо водой, капавший с небес с чудовищной силой.

«Как страшно умирать, что чувствовала мама, то же самое, что я сейчас или нет», – Регина испуганно смотрела на водителя, он как ни в чём не бывало сел за руль.

Дома Регину встречала только Раиса Ивановна, экономка:

– Добрый вечер, Регина Дмитриевна, ужинать будете? Какой у вас вид, вы вся бледная, промокли, у вас всё в порядке?

– Да, есть я не буду, вы свободны на сегодня. Завтра, когда придете не будите меня, хочу выспаться.

– Хорошо, до свиданья. Но лучше бы всё-таки покушали, – женщина покачала головой и стала уходить.

«Вот и всё, я одна», – Регина переоделась в свою любимую пижаму, растекшуюся тушь, после слез она не стёрла, а зачем, у неё не было на это сил и желания. Забравшись под одеяло, Регина стала прокручивать сегодняшний день. «Хочу, чтобы всё изменилось, – девушка подняла глаза к потолку и как заклинания проговорила, – пусть у меня будет всё хорошо, счастливая дружная семья. Помоги мне мама». Регина улыбнулась и засмеялась над собственной глупостью. Закрыв глаза, она вспомнила Ирину: её нежные руки гладили дочь по голове, она пела колыбельную и желала Регине спокойной ночи.

Декабрь 1976 год.

– Не размазывай кашу по тарелке, ешь, – женщина сидела с ложкой каши и изображая, что это вертолёт пыталась накормить сына.

– Не хочу, мам, – маленький мальчик лет пяти отодвинул летающий аппарат.

– А чего хочешь?

– Конфюшки, – смеявшись проговорил ребёнок при этом хитро потирая ладошки.

В кухню зашёл мужчина с идеально выбритым лицом и строго посмотрел на сына:

– Семён, сколько раз повторять, от сладкого зубы портятся.

– У меня не порятся, – запротестовал малыш.

– Это физиология человека, от чрезмерного употребления сахара, а в конфетах много сахара, – отец малыша отхлебнул чая и уставился в свежий выпуск газеты, совершенно забыв, что говорил до этого, – ты же не хочешь в свои пять лет ходить с вставной челюстью, как у бабы Зои.

– Не пугай ребёнка, Серёжа, – заступилась жена за сына.

Хозяйка нежно вытерла остатки каши с маленького личика:

– Пошли колготки одевать, Сёма?

– Они колючатся, – мальчик недовольно фыркнул.

– Не выдумывай, с голой попой ты же не пойдёшь в сад, – ухватив ребёнка подмышку женщина понесла сына в комнату одеваться.

Светлана натягивала колготки на сына, бедный мальчик то и дело вскрикивал, когда непутёвая мать вместе с колготками оттягивала и кожу, проще говоря щипала. Натянув до талии мама схватила резинку на колготках и приподняв сына, стала его трясти. Со стороны это выглядело как будто в мешок положили старое тряпье, и чтобы оно всё поместилось надо его хорошенько встряхнуть.

Высвободившись из цепких рук матери, мальчик выбежал в коридор маленькой квартиры и в знак протеста толкнул свой трёхколёсный велосипед.

– Тише, что ты делаешь, сестру разбудишь, ей ко второй сегодня.

– Ей всю жизнь ко второй, – проворчал отец, – сколько можно Света, прогуливает опять. Смотри, выгонят, я за неё просить не буду.

– Ладно, тебе, и так бедную всю уже замордовал, свободного времени нет.

– У меня его никогда не было. Я в её годы, и учился и город восстанавливал после разрухи.

«Боже ты мой, как голова болит. Где я?» – Регина медленно открыла глаза, она пыталась вспомнить, что было накануне.

«А что на мне одето, какая-то тряпка годов шестидесятых. Что за, чёрт, – девушка лежала на кровати, скрипучей от каждого движения, – белые простыни, я, наверное, в больнице. Почему, собственно в больнице, я же не болею. Какие-то книги, старый шкаф, стол с клеёнкой. Глобус пыльный».

Регина посмотрела на своё отражение в зеркале: «Ничего не изменилось, только вот я же не пользовалась мицеллярной водой, а кожа вся чистая. Что происходит, розыгрыш какой-то. Ковер с оленями висит, как у моей бабушки». Регина посмотрела на окна, они не были пластиковыми. Деревянные ставни, выкрашенные в белый цвет привели девушку в ужас. Шторы с грязными разводами, за окном Регина увидела людей одеты, как в старых советских фильмах, и снег, сугробы были почти выше скамеек. «Как за одну ночь могло выпасть столько осадков и почему так мало машин во дворе. Маскарад какой-то, что за чушь», – календарь за семьдесят шестой год приковал взгляд Регины. По двухкомнатной Московской квартирке пронёсся пронзительный крик.

Регина кричала, закрывая уши руками. В комнату ворвалась её семья, мать с Сёмой и отцом в старом костюме, доношенном до дыр.

– Что с тобой, кошмар приснился, не кричи, – женщина наклонилась, пытаясь дотронуться до дочери.

– Кто вы, где я? – Регина, посмотрела на чужих людей, её сознание помутилось, и она упала.

– Довёл, всё-таки ребёнка, смотри что.

– Я довёл? – Сергей водил ватой с нашатырным спиртом возле носа Регины. – Давай дочка приходи в себя ну, молодец, дыши. Я тебе еще давление измерю на всякий случай.

– Как себя чувствуешь, получше, – какая-то женщина махала заштопанным полотенцем возле лица бедной девушки.

– Какая я дочь, вы не мои родители, что происходит, где я?

Несчастные папа с мамой смотрели на свою дочь, как на сумасшедшую.

– Давление в норме, нервное перенапряжение, ну ка посмотри на меня, ты ничего вчера не пила?

– Серёжа, сколько можно уже, со своими подозрениями, бедная девочка моя.

– Я не ваша дочь, – у Регины не было сил больше доказывать, кто она на самом деле.

– Ух ты, почти восемь утра, я так и на работу опоздаю. У меня операция плановая сегодня. Так Свет, пусть чай с мятой попьёт и выпится.

– Может врача вызовем?

– А я кто, по-твоему, ничего серьёзного. Воспаление хитрости у этой молодой леди, да? – Сергей приложил руку ко лбу Регины, – Температуры нету, всё я уехал.

– Бутерброды возьми с собой и борщ, Света протянула мужу банку из-под майонеза и свёрток.

– Лежи не вставай, я чай принесу. Повезло и тебе, в садик похоже мы не попадём.

– Ура, ура, – мальчик запрыгал возле Регины и показал язык уходящему на работу отцу.

– Кто ты? – Регина пощупала маленькую ручку своего псевдо брата.

– Мам, – мальчик осторожно вытянул свою руку.

– Не мешай, маме, – донесся голос с кухни.

«Ага, понятно, – Регина начала смеяться, – я сплю, надо себя ущипнуть».

– Мам, она бьет себя, – мальчик побежал за мамой на кухню.

С огромным подносом в руках в комнату вбежала женщина. Только сейчас Регина хорошо её рассмотрела, на вид ей было около сорока лет, может чуть постарше, белые волнистые волосы были аккуратно заколоты крабиком. Телосложение средние, глаза зеленые, симпатичная, между прочим.

– Ты чего, ну-ка быстренько пей, – женщина насилу стала поить ребенка.

– Я не, не хочу, – Регина всячески пыталась отвернуться от белой чашки в красный горошек.

– Вот пирожок кушай.

– Я не ем мучное, это для фигуры вредно.

– Что за глупости, женщина должна быть в теле, – мама гордо расправила плечи, тем самым показывая, что у неё огромный бюст, – чтобы мужчине было за что поддержать, Сёма не слушай, возьми конфетку.

– Простите, а как ваше имя и отчество?

– Температуры точно нет, – Света ещё раз пощупала лоб дочери, – холодный.

– Тут произошла ошибка, дело в том, что я не ваша, как бы дочь. Я живу с отцом, в загородном доме. У меня нет родственников кроме него и бабушки.

– Ну хватит, это уже не остроумно. Если ты хотела остаться дома, то у тебя это получилось, отдыхай. Отец уехал, передо мной то, что комедию ломать?

– Это правда.

– Даже слушать не буду, – мама пододвинула тарелку с пирожками, и ждала, пока дочь съест хоть один.

Регина осторожно откусила пирожок:

– Умм, вкусно.

– Конечно, глупышка, твои любимые, – Света улыбнулась и поправила Регине волосы.

– Правда?

– Нет, ну право, как будто подменили.

«А может и правда, я же загадала обрести семью и вот, пожалуйста. Бред какой, но выглядит всё натурально. Папа, мама, младший братик, как во сне», – Регина ещё раз хотела себя ущипнуть, чтобы удостоверится, но не успела. Теперешняя мать с грохотом достала из ящика, что-то в виде шлема. Это был пылесос.

– Ну если сегодня ты не учишься, поможешь мне по хозяйству.

– Я ничего не умею, у нас всё прислуга делала.

– Здравствуйте, «Войну и мир» начиталась. Давай дворянка с небес на землю спускайся.

Июнь 2017 год.

Двухэтажный деревянный домик стоял на возвышенности. Могущественные деревья охраняли его от неприятелей, средиземная флора создавала домашний уют. От домика тянулись каменные ступеньки к морю. По пустому галечному пляжу важно ходили чайки, говоря друг с дружкой на своём непонятном, птичьем языке.

– Хорошо, что мы всё-таки сюда приехали, – Дима обратился к девушке, которая медленно шла к нему навстречу.

– Да, чудесный, морской городок, – ответила Лиза, – мне, кажется твоей дочери здесь нравится?

– Не знаю, она немногословна со мной, – Дима налил себе виски.

– Все подростки в её возрасте такие, – Лиза оперлась на краешек веранды.

– Регину трудно назвать подростком, даже в пять лет она задавала мне такие вопросы, – Дима усмехнулся, – мне такое никогда бы на ум не пришло.

– А ты был хорошим отцом? – Лиза пристально смотрела на Диму.

– Наверное нет. После гибели Ирины, она очень изменилась, из весёлого ребёнка превратилась в умудрённого жизнью человека. Кроме меня она никого к себе не подпускала, ни с кем не разговаривала. Потом и от меня отдалилась.

– Бедная девочка, – Лиза понимающе положила руку на плечо Димы.

– Время лечит, как не банально это звучит, сколько врачей, психологов, каких-то тренингов я не оплачивал всё бесполезно. Она сама справилась, я её за это очень уважаю.

– Ты никогда не был женат, Дим, это из-за Ирины?

– Из-за дочери, своей женитьбой на другой, я бы предал Регину.

– Ты никогда не думал, что ребёнку нужна была мать? Может поэтому она выросла такая.

– Ирину никто ей не заменит.

– А тебе? Дим, извини, я никогда не спрашивала, что произошло в твоей семье. Понимаю, как тяжело тебе было, да и Регине тоже. Мы вместе уже больше года, а ты за это время даже ни разу не сказал, что я значу для тебя.

– Я любил её, пятнадцать лет уже прошло как нет Иры. Что теперь говорить.

– Отчего она умерла?

– Какой-то вечер раскаянья у нас. Лиза ты спрашивала, как я к тебе отношусь. Так вот знай, ты одна из немногих женщин с которыми мне хорошо. Понимаешь, я отдыхаю душой, когда ты рядом.

– Да, Димуль, ты всегда умел делать девушкам комплименты, – Лиза засмеялась.

Солнце садилось, красивый багровый закат окутывал морской берег. Воздух по-прежнему оставался теплым, а музыка волн тихо играла ударяясь о камни.

Дмитрий смотрел вдаль, на морской воде солнце прочертило своими лучами дорожку. Он вспомнил, что первая поездка на море была свадебным подарком для Ирины. Тогда он только закончил юридический факультет, работы не было, но с ним была та, ради которой хочется идти на подвиги, сворачивать горы. Ирина была моложе его, красивые русые волосы касались её тонкой талии. Голубое, короткое платье подчеркивало её грациозность. Они собирали ракушки на побережье чёрного моря, шутили, дурачились. Она улыбалась одними глазами, озаряя при этом всё вокруг. Когда Регина повзрослела, Дима стал замечать в ней повадки своей жены, от этого ему становилось дурно. Во взгляде своей дочери он видел её, она смотрела на него осуждающе и как будто просила о помощи. Дмитрий, проклинал себя, единственное что он мог сделать, так это обеспечить свою дочь. В свои сорок четыре года он многого достиг, один из лучших адвокатов Москвы. Каждая минута расписана, бесконечные заседания, постоянные командировки. Ему приходилось общаться с уголовниками, чиновниками, депутатами, хотя большой разницы между ними Дима не видел. Также он работал и с

простыми людьми, которые по своей доверчивости терпели поражения в руках хитроумных мошенников. Он часами слушал истории своих подзащитных, разбирал их жизнь до мельчайших подробностей. И в который раз убеждался, что профессия адвокат – это тот же священник. Встреча с доверителями, проведение устных консультаций, составление документов, – так проходил обычный рабочий день Дмитрия Владиславовича Белозёрова.

В жизнь дочери он старался не вмешиваться, своим советом или приказом боялся разрушить хрупкий мир, так страдавшего ребёнка. У него было всё: дом, машина, успешная карьера, связи с нужными людьми. Но счастья это не приносило. Красивую жизнь он запивал крепким виски и утопал в ласках разных женщин.

«Она погибла в автомобильной катастрофе», – вдруг заговорил Дима и тут же замолчал.

Все пятнадцать лет, он носил маску идеального адвоката. В безупречном костюме, он выигрывал судебные процессы. Ни жалости, ни скорби ничего не отражалось на его улыбчивом лице. Всю свою боль он скрывал в своей душе. «Моя дочь не должна видеть меня слабым», – так всегда считал Дмитрий.

Декабрь 1976 год.

«Один день прошёл, как я устала, маникюр весь испортила от этих домашних работ. Сейчас я усну и проснусь в двадцать первом веке. Аминь», – Регина не верила в Бога, а как верить в того, кто забрал самого важного для неё человека. Но на всякий случай она перекрестилась, вдруг поможет.

На другой день ничего не изменилось, Регина опять проснулась в советском гостеприимном доме. На этот раз испытание было хуже, чем ведение домашнего хозяйства, надо было ехать в институт. «Где хоть я учусь?» – Регина стала рыться на столе, на нём лежали книги, связанные с разными профессиями. «И как мне быть, куда идти, ладно посижу во дворе на скамейке пару часов и обратно вернусь», – девушка закрыла пустой ранец и подошла к зеркалу. В нём отражалась совсем другая Регина, она была одета в белую блузку с какой-то непонятной брошкой, длинная серая клетчатая юбка почти что касалась пола. Этот прекрасный наряд дополнял красный пояс, ещё Регине пришлось одеть колготки, которые мама грела на батарее целую ночь, чтобы дочь не мёрзла. Они были хлопковые, их коричневый цвет и покроя, напоминал Регине вафлю.

«Иди завтракать, Региша, остынет всё», – прокричала Света на всю квартиру.

– Какое я чувело, другой одежды не было?

– Что ты говоришь, – Света разливала кашу по тарелкам, – очень красивая девочка.

– Да, была когда-то.

– Не ворчи, кушай.

– Простите, а, – Регина замялась, – в каком университете я учусь?

– Что? Вот зараза, опять протекает, – Света презрительно рассматривала дырку в кастрюле. – Надо отцу отдать, пусть запаяет.

– А новую купить разве нельзя?

– Можно, а денег где взять? Сёме ботинки новые нужны, тебе пальто демисезонное.

Регина размешивала кашу, она привыкла есть по утрам сэндвичи с курицей, иногда шоколадные хлопья и конечно смузи – это был залог здоровья и благополучия. Теперь перед Региной лежала овсянка, бутерброды с сыром и чай, налитый в огромный гранёный стакан с подставкой. Пока Регина завтракала, её мама включила магнитофон. Там играла песня бодрящая и призывающая к действиям:

Волны,
Катятся волны.
Бьются
В кромку земли.
Как наша любовь, эти волны
Полынною горечью полны,
И жажды счастливыми быть
Не утолить, не утолить!

– А кто исполнитель этой песни? – поинтересовалась Регина.

– Сергей Захаров, – Света странно посмотрела на дочь, – очень популярный певец, ты же сама кассеты с его песнями принесла. Говорила он очень талантливый.

– Я забыла, – Регина чуть не подавилась, – мой любимый певец, да. В дверь позвонили.

– Иди открывай, Татьяна твоя пришла, – Света пыталась оттереть содой кухонную плиту.

– Кто?

– Подруга, говорю твоя пришла, оглохла?

Регина долго не могла открыть дверь, там висел замок с цепочкой. Провозившись минуты три, она всё-таки открыла. На пороге стояла девушка в чёрненьком пальто, шапке-ушанке и вязаном шарфе.

– Сколько можно ждать? На улице дубак такой, а ты всё телишься, – начала девушка, отряхивая снег.

– Да я тут вот – Регина не знала, что сказать, – я готова.

– Здравствуйте, Светлана Афанасьевна.

«Вот как её зовут, надо запомнить», – Регина одевала вещи, которые на её взгляд казались ей по размеру.

– Здравствуй, Таточка, может позавтракаешь с нами?

– Нет, большое спасибо, мы опаздываем уже, – Таша одёрнула руку Регины.

– Да, да, опаздываем, – не зная зачем, подыграла Регина.

– Вот я тебе тут покушать положила, – Света передала аккуратный свёрток в руки дочери и поцеловала.

– Спасибо, – Регина была ошеломлена её никто так не провожал в университет.

По дороге до метро, Таша рассказывала Регине о предстоящих планах, а именно о походе в кино. Это была премьера и на показе фильма должны быть сами актёры и режиссёр. Регина не могла нормально говорить, ей мешал шарф, закрывавший ей пол лица. На улице не спешили люди, они не были похожи на москвичей. Здесь была какая-то спокойная аура, никто не кричал, не ругался, всё было иначе.

– Что это за киоск? – Спросила Регина указывая на телефонную будку.

– Это, чтобы звонить, – Таша внимательно посмотрела на свою подругу, – как будто сама не знаешь.

Регина послушно следовала за Ташей, перейдя на другую сторону проспекта, они спустились в метро. Регина схватилась за руку подруги, ей было очень страшно.

– У тебя пяточок есть?

– Что есть? – Регина стояла абсолютно не понимая, что происходит.

– Ну на проезд, ладно давай я сегодня за тебя заплачу, а завтра ты.

– Хорошо, – Регина кивнула и внимательно наблюдала, что будет дальше.

Таня бросила монетку в турникет и пропихнула Регину вперёд. На эскалаторе люди ехали в полной тишине. В подземных переходах не было огромных плакатов с назойливой рекламой. Это Регине очень понравилось, в поезде практически все пассажиры читали. Таня тоже достала книжку и теперь отвлечь её было невозможно.

Теперь Регина знала, где она учится, медицинский институт, как это гордо звучит. Сказав в каком кабинете лекция, Таня зачем-то побежала на кафедру. Регина осталась одна. «Вот чёрт, угораздило меня сюда попасть. Это просто невыносимо, я ничего не знаю, тут даже Wi Fi нет.

Вообще зачем он, смартфоны то ещё не придумали», – Регина спросила у девушки, как пройти в триста пятнадцатый кабинет. Та, указала на огромную дубовую дверь, затем надо подняться по лестнице и уже через два поворота должна быть нужная аудитория. Коридор в институте был деревянный, грязно-коричневого цвета, в середине был стёрт до бежевого оттенка. Пожилая женщина мыла полы, она была среднего телосложения. На ней была синяя роба и белая косынка, из-под которой виднелись седые волосы.

Регина не могла найти кабинет, вокруг было много студентов, одетых в медицинские белые халаты. Они что-то громко обсуждали, спорили. Эти разговоры не были похожи на те, к каким привыкла девушка в своё время. Ребята обсуждали книги, премьеры кинокартин, новые постановки спектаклей. Регина посмотрела на огромную дверь: «Вроде этот, ладно зайду спрошу, а там видно будет». Регина с легкостью нажала на ручку и уже собиралась войти, но её ноги заскользили на только что вымытом полу. Пытаясь удержаться и не упасть Регина стала хвататься за дверь, тем самым спровоцировала удар головой. Моментальная боль сковала её движения, держа ушибленное место, она стала кричать на дверь совсем нелитературными фразами. Вся группа смотрела на неё, как на пришельца. Даже самые испорченные студенты не могли так ругаться, как эта хрупкая девушка. Позади Регины стояла Людмила Савельевна преподаватель философии. По рассказам подруги Таши, она была слегка со странностями, любила порядок и полное подчинение студентов. «Есть два мнения, одно моё, другое неправильное», – любимая её поговорка.

Последние часы студенческого дня прошли куда хуже, чем само пребывание в СССР. Обсуждать недостойный поступок комсомолки Кузнецовой собрался весь актовый зал. Называлось это – товарищеский суд. Когда-то Регину не с кем было оставить, и отец взял её с собой на судебный процесс. Но по сравнению с этим судом, народу там было куда меньше. Регина стояла перед огромным количеством людей и от скуки разглядывала их. Самая активная в высказываниях, была полная девушка лет двадцати. Всё её лицо было увешено прыщами. Сальные волосы были зачесаны в тугий пучок, кроме как отвращения у Регины она ничего не вызвала. «Как можно так не ухаживать за собой, – думала Регина, – должно быть она очень умная, иначе зачем существовать на этом свете». Остальные присутствующие вообще не были заинтересованы в том, чтобы как-то прокомментировать поступок Регины. Скорее они были только для видимости. Потом стали высказывать свою точку зрения преподаватели, во всяком случае так показалось Регине. Стены были

зелёные, ужасно не красивые, совсем не такие к каким привыкла девушка. «Обстановка должна располагать, мотивировать студентов к получению знаний», – так говорили психологи в будущем веке. Регина сначала слушала, что говорили. Это было новым для неё, потому что в своей жизни ей ничего не запрещали, но после получаса нотаций она совсем устала. На стенах висели портреты героев советского союза, которые окончили этот институт. Только сейчас Регина обратила внимание на портрет Ленина. Он статно висел посередине этого зала, огромная деревянная рамка подчёркивала важность вождя. По стоявшему на столе графину с водой и стаканами, Регина поняла, что это надолго. «Интересно моего отца тоже прорабатывали, он то точно аморальная личность, – Регина обвела зал глазами, – блин я уже все лозунги их прочитала». Её мысли прервал мужчина сидевший во главе стола:

– Кузнецова, что вы можете сказать в своё оправдание?

– Я очень сильно ударилась головой, какие ещё могут быть оправдания, – Регина закатила глаза.

В зале недовольно заспорили. «А ещё комсомолка!» – выкрикнул кто-то из зала.

– Кузнецова, у вас уже был выговор, и вы обещались исправиться, – начал опять всё тот же мужчина, – что ж вы не держите слово.

– А что я натворила, напомните-ка? – Развеселилась Регина.

– Какая невоспитанность, – вставила старушка.

– Значит вы не желаете исправляться, – мужчина протёр лоб платком, – в таком случае мы вынуждены исключить вас из членов ВЛКСМ. Кто за?

– Очень хорошо, спасибо, – Регина вздохнула с облегчением. Скоро это закончится.

– Нет, ну вы посмотрите на неё, товарищи, – затараторила женщина лет сорока пяти, – она стоит и наглым образом издевается над преподавателями.

Все сидевшие и стоявшие стали опять спорить.

«Когда же это кончится, – в толпе людей Регина увидела парня, который стоял возле стенки и внимательно смотрел на неё, – что он уставился на меня, наверно тоже осуждает».

– Тише, тише, товарищи, – мужчина замахал руками, – Кузнецова Регина Сергеевна, вам грозит выговор с занесением в личное дело, а также исключение. Я вас предупреждал, надеюсь после этого вы всё-таки извлечете урок и впредь не будете заниматься таким непристойными вещами.

– Ладно, – Регина согласилась, хотя в душе она ненавидела этих идеалистов.

– А также вы не будете позорить наш институт, и педагогов, которые кровью и потом, из кожи вон лезут, чтобы вас лоботрясов, – тут он закашлял и стал жадно пить воду, – чтобы вы стали настоящими людьми, готовыми постоять за свою Родину.

Какая-то женщина стала вытирать слёзы платком. На столько сильно её проняла речь. Остальные в такт кивали головами и повторяли: «Правильно, так и должно быть. Молодец, Ефим Сергеевич».

Это была последняя капля, Регине так и хотелось засмеяться, но она вовремя остановилась. На выходе из зала, Регину подхватила подруга Таша:

– Ты что не могла соглашаться с ними и молчать? Такой концерт учудила.

– Я вообще не понимаю, начерта это надо.

– Тсс, – Таша приложила указательный палец к губам, – совсем уже, не ругайся, а то и из института выгнать могут.

По дороге домой, Таша рассказала, как она стояла в очереди три с половиной часа, но всё же ей удалось взять два билета на фильм «Последняя встреча».

– Там сами актёры будут на премьере представляешь, вот удача, да? – Таша посмотрела на подругу.

Регина молча шла, смотря себе под ноги.

– Ты чего из-за собрания расстроилась, да брось ты, всё обойдётся.

– Да мне вообще фиолетово, – зло ответила Регина.

– Что? – Таша растеряно смотрела на Регину.

– Ничего, давай дальше рассказывай.

– Так вот, надо с тобой пораньше выйти, а то знаешь сколько там народу, потом не пробиться.

– Мы что вместе идём? – Регина остановилась.

– Конечно, я про лучшую подругу никогда не забуду, – Таша гордо подняла голову и ждала извинения.

– Ну ладно, давай сходим, всё равно делать нечего.

– Жалко, что Александр Абдулов не приедет.

– Кто?

– Вот, – Таня достала брошюру с актёром советского кино.

– Да это тебе не Данила Козловский.

– А он где снимался?

– Он ещё, наверное, и не родился, – засмеялась Регина.

– А что ты наденешь? – Не унималась Таша.

– Да хрен знает, в моём нынешнем шкафу висит какое-то тряпье, ужин для моли.

– Ты ругаешься, как мужик, который на грудь лишнего принял, – Таня осуждающе покачала головой, – так нельзя, ты же девушка.

Тяжело с ней будет, подумала Регина, но тут же добавила: «Знаешь, мне плевать на ваши правила, как хочу, так и выражаюсь, а если что не нравится, тогда проваливай».

Таня стояла, как приведение:

– Мы с тобой столько лет общаемся, – со слезами проговорила она, – я тебя не узнаю, как будто и не ты вовсе.

– А это и не я, меня тут вообще не должно быть, если хочешь знать, я даже не родилась ещё.

– Как это? – Таша утёрла слёзы.

– Да вот так.

Татьяна Синицына, выслушав свою подругу, долго не могла прийти в себя. Потом она вспомнила, что недавно читала фантастическую историю про инопланетян и жизнь на Марсе. Таша поверила своей собеседнице, тем более прошлая Регина, точно не могла придумать такое, у неё всегда по сочинениям были двойки.

Регина выкидывала из шкафа вещи на пол.

– А у вас там, ну в две тысячи семнадцатом году, так принято вещи кидать? – спросила Таня.

– Ну в общем, да, блин, что за ужас? В чём идти в этом или этом? – На одной руке у Регины висело платье в горох с рюшками, на другой рыжее, – ткань такая, как из занавесок шили.

– Так мы из занавесок и шили, ты что забыла, как у Софи Лорен, вставила мама и добавила, – ты что тут натворила, убирай всё на место.

Таня смеялась:

– У меня будет синее платье, такое вот приталенное и с белым пояском, оно велико мне, потому что мамино, – Таша мечтательно подняла руки вверх, – но я надену комбинацию и как по мне шили.

Регина вспомнила только группу из девяностых «Комбинация».

– А можно мне это платье померить? – Таша достала из шкафа бордовое платье.

– Да, пожалуйста.

Таня строго посмотрела на себя в зеркале:

– Нет, слишком вырез большой, я такое не одену.

– Да, очень вызывающе, – согласилась Регина и стала хихикать.

– Что ты смеёшься всё, сама посмотри.

Если считать от ярёмной ямки вниз, это сантиметров пять и прорез в виде цветка был в ширину не больше указательного пальца.

– Ладно, Регин, тогда встречаемся у моего дома в шесть.

– Давай лучше у моего, я не знаю где ты живёшь.

Таша понимающе кивнула.

После ухода подруги, Регина стала одеваться, достав джинсы, они были огромные и расклешенные внизу. Она стала обрезать их ножницами и всё по моде двадцать первого века, и теперь они были по лодыжку. Сверху была красная рубашка в клетку, она Регине очень понравилась, приталенная, мягкая, удобная. «У нас такие не шьют», – вздохнула Регина.

– Мам, а у меня где косметичка лежит, не помнишь?

– Не твоя, а наша в шкафу в ящичке.

В косметичке была тушь, пудра, карандаш, тени и помада с ужасным запахом и неестественным красным цветом. Регина села напротив зеркального столика: «Сейчас проверим качество косметики». Сёма стоял в двух шагах и наблюдал за каждым движением сестры. Идеальные стрелки были быстро нарисованы, а вот с ресницами пришлось повозиться. «Хорошо, что есть мама», – думала Регина. Света с помощью иголки распрямляла каждую ресничку. Ювелирная работа, да и только. Помадой сделали розовенькие щечки. «Как в сказе», – сказал Сёма и стал умолять сделать ему усы.

Как отказать ребёнку, Регина нарисовала братику бороду.

И теперь бегая по дому в папиной шапке и с тапком в руке, воображая, что это меч, Сёма кричал на всю квартиру: «Богатыррр!».

– Мам, а духи у нас есть?

– А как же, – вся в рыбьей чешуе, мама стояла на кухне.

Света держала в руках флакон с надписью «КРАСНАЯ МОСКВА»:

– Отец твой подарил, – мама ещё несколько секунд держала бутылёк рядом с сердцем. Видимо вспоминая, как торжественно и приятно дарил ей Сергей заветную коробочку.

– Только вот разочек пшикнуть и всё, – Света направила флакончик на шею дочери.

– Ну и вонь, – Регина заткнула нос, – какой у вас специфический вкус был.

– Хватить тут нос воротить иди уже. Стой, ты что в брюках пойдёшь?

– А что?

– Почему такие короткие, ты что их порвала, давай я на машинке быстро прострочу?

– Так модно сейчас, всё опаздываю, – Регина помахала рукой и побежала навстречу приключениям.

Фильм Регине понравился, качество, конечно не «3D», но сюжет интересный и актёрская игра, потрясающая. Действия в фильме разворачивались в годы великой отечественной войны. Любовь солдата и медицинской сестры, обернулась для двух молодых людей страшной трагедией. Она погибла от бомбёжки, а он выжил после ожесточённых боёв под Сталинградом. Вернулся к ней, и теперь – один. В зале многие плакали, некоторые стеснялись этого, но тоже плакали. «Странная концовка, – думала Регина, – вот воевал этот парень и всё ради чего, чтобы оплакивать её?». После фильма, как и обещала Таша, было что-то вроде конференции. Люди задавали вопросы актёрам, спрашивали о съёмках фильма. Таня была огорчена, что ей так и не удалось поговорить с творцами кино. На улице уже стемнело. Шёл снег, освещенный светом фонарей, и всё больше напоминал сказку. Регине стало жаль свою подругу, она хотела её поддержать и развеселить:

– Таш, да не парься ты, всё хорошо.

– Конечно тебе легко говорить, я знаешь сколько эту премьеру ждала.

– Вот заладила, это же не последний фильм в твоей жизни, – Регина набрала снега в руки и подбросила у себя над головой, – смотри какая красота вокруг.

Таня улыбнулась:

– Знаешь, если бы не ты, я была бы самым несчастным человеком.

– Ты мне тоже понравилась, у меня никогда не было такой подруги как ты.

Регина разбежалась и покатилась по ледяной дорожке:

– Таша, иди сюда, тут так здорово!

– Ты как маленькая, – всё ещё грустная, сказала Таня.

Счастливая Регина каталась по небольшому участку расчищенной дороги, махая руками, как птица она взлетала и приземлялась на снег. Таня молча стояла позади и наблюдала за подругой. Регина сильно оттолкнулась ногами и полетела куда-то вниз. Но к большому удивлению она не упала, что-то большое подхватило её. Регина обернулась, перед ней стоял тот самый мужчина, который только что участвовал в битве за Сталинград. Без грима он выглядел намного моложе, чем в фильме.

– Ты в порядке, не ушиблась? – спросил герой советского союза по фильму.

– Ага, – растерянно проговорила Регина.

К ним подбежала Таша:

– Здравствуйте, меня зовут Таня Синицына, мы с Региной учимся в медицинском, правда здорово?

– Да, это самая нужная и благородная профессия.

– Вы правда так считаете? – Таша смотрела на актёра влюблёнными глазами.

– Конечно, разрешите представиться, Николай Николаевич Вертинский, – мужчина приятно улыбнулся.

– А мы знаем, – смущенно произнесла Таша.

Вертинский рассказывал, что прототипом героя фильма, стал его отец. Николай Петрович Вертинский фронтовик, всю войну прошёл от первого до последнего дня. По его рассказам, воспоминаниям, собственной боли был создан фильм.

– Я на собственной шкуре выстрадал ту жизнь, – говорил актёр.

– Тяжело было? – Спросила Таша.

– Им тяжелей было, дружок, поэтому мы не должны забывать, каким трудом далась нам победа. Эта земля, небо, воздух.

– Все вокруг только и говорят, что о войне. Может лучше забыть этот ужас и жить дальше, – Регина молча ждала ответа.

Вертинский подошёл в Регине: её лицо было в объятьях его рук.

– Милая вы моя, – прошептал он, – тридцать лет назад уже одни забыли, самое главное забыли, что они люди. Если помнить, то никогда не будет такого бесчеловечного времени.

Актёр подвез их до дому. Регина всю дорогу думала о том, что есть и чего уже никогда не будет. Таня расспрашивала Николая о спектаклях, фильмах, вообще о такой чудесной профессии.

– Это такое счастье, вы же можете и в восемнадцатом веке пожить и в нашем, – Таша хитро улыбнулась, – в будущем тоже и кучу разных жизней прожить.

– Да, но, как и в любой профессии есть и свои трудности.

– А какие трудности? – Таня явно решила разузнать все секреты актёрского мастерства.

– Например на улице стоит зима, а по фильму лето, вот и бегаешь в одних трусах на морозе и кричишь, как тебе жарко, – совершенно серьезно заявил Вертинский.

– Так и пневмонию можно заработать, – заявила Таня.

– Вот поэтому, нам врачи и нужны, – актёр засмеялся.

Выходя из машины, Вертинский пригласил девушек к себе на спектакль:

– Вы в кассе скажите, чтобы меня позвали, и я вас проведу.

– Спасибо, огромное, теперь нам все обзавидуются, – кричала от радости Таня.

– Всех благ, до свиданья, – Николай пожал руки девушкам и уехал на своей «Волге».

«Как хорошо, что мы не в двадцать первом веке, – вертелось в голове у Регины, – современные актеры подвозят девушек совсем не для разговоров».

Регина вернулась поздно, открыв дверь своим ключом, она зашла в тихую, сонную квартиру. В комнате родителей включился свет.

– Сергей, прошу тебя держи себя в руках, – взмолилась Света.

– Я сам знаю, не лезь, – на пороге стоял грозный отец Регины.

«Опять жизни учить будут, – подумала Регина, – достали».

– Что ты себе позволяешь? – обратился Сергей к дочери.

– Я в кино была, что такого, – девушка закатила глаза, – законом запрещено?

– Пойдём на кухню поговорим.

Регина последовала за ним, теперешний её отец стоял мрачный, нервно теребя сигарету в руках.

– Вырастили вас, – начал он, – поколение, ты зачем брата разрисовала?

– Ему понравилось, и потом что вы злитесь?

– Ты очень изменилась, к сожалению, не в лучшую сторону, – Сергей посмотрел укоризненно на дочь, – врач – это же не профессия, а призвание, понимаешь?

– Нет, мне сложно судить об этом.

– Вот именно, – Сергей зажёг сигарету, – присядь.

Регина послушно села на табуретку, за окном медленно падал снег: «Почему всё так, я думала, когда у меня будет семья, значит это счастье. А теперь ещё хуже стало».

– Я всю свою жизнь посвятил профессии, я знал, чего хочу добиться. А ты, какие у вас проблемы?

– Не знаю, – Регина почувствовала себя маленьким ребёнком, которого поставили в угол.

– У нас другая жизнь была, война, не дай Бог никому узнать, что это, – у Сергея глаза были наполнены слезами.

– Вы воевали?

– Я тебе никогда не рассказывал, да и не к чему это.

– Расскажите, – Регина вспомнила, что вообще-то является дочерью этого человека, – расскажи, пожалуйста.

– Мой отец воевал, дед твой, а я так на последнем году склады охранял, там кстати и подорвался, немцы проволоку натянули с минами, – Сергей махнул рукой.

– А дедушка, он кем был?

Отец налил воду в гранёный стакан и стал рассказывать. Он останавливался пил воду, молчал, потом опять начинал говорить и снова замолкал. Воспоминания его душили, мучили, с каждым словом он проживал те далёкие годы снова и снова.

– Я расскажу тебе про Ивана Федоровича, моего отца:

«Жаркое июльское утро, горячий воздух не давал нам уснуть. Скучный завтрак который нам давали, мы съедали за пять минут. А потом топтали русские земли бесконечными марш-бросками. После этого вытягивали ноги вверх, облокотив их на дерево и лежали на привале, который длился от силы минут двадцать. Дойдя до населенного пункта, которой нам необходимо было защищать, мы рыли окопы всю ночь, плохо окопаешься всё, война ошибок не прощает. После тяжелого боя, в живых осталось только десять человек. Приказ был таков, что мы оставшиеся, должны перейти на другую сторону реки и присоединиться к тридцать второй стрелковой дивизии. Я был ранен в ногу, а идти приходилось долго. Пока мои товарищи отдыхали на привале, я всё еще шёл за ними по следам, а когда доходил они уже трогались вперёд. Не знаю, что со мной тогда произошло, но я почувствовал всю никчёмность своего существования. Страха перед смертью у меня не было, был страх остаться ненужным, стать обузой для своих однополчан. Нога ныла и болела, не давала мне идти. После трехчасового хождения, я упал и заплакал. Я посмотрел на небо, на необъятный простор своей Родины, красивые могучие деревья качались на ветру. Птицы пели, вокруг меня росла прекрасная, красивая зелёная трава. Меня подхватили и попытались поставить на ноги. Тогда я взмолился и просил меня расстрелять, мои товарищи смотрели на меня, как на умалишённого. Никто из них не лишил меня жизни, они подняли меня и потащили дальше. Ничего постыдного я в этом не вижу, рассказываю, всё как есть. У каждого человека есть свой предел, и как знать, если бы ни мои товарищи, я бы не смог достойно пройти всю войну. Когда мне тяжело в жизни, я вспоминаю этих людей: честных, добрых, смелых, сильных, способных защищать, поддерживать, а не убивать и расстреливать. Если бы не эти святые люди победу над германским фашизмом нам бы не удалось одержать», – эту историю дедушка рассказал, когда меня отправляли на фронт и вот теперь его слова передаю тебе.

У Сергея выкатилась слеза, он резко смахнул её рукой.

«Я видела этого мужчину второй раз в своей жизни, но его слова тронули меня до глубины души. Благодаря этим людям, мы правда не знаем, что такое война. Они подарили нам жизнь, а мы вспоминаем об этом только девятого мая», – Регина закрыла глаза, чтобы не заплакать настолько сильно она прочувствовала всю душевную боль отца.

– Трудно было, невыносимо трудно, больно и страшно, но всё-таки мы сумели и войну выиграть и город из руин собрать. А вы, какие у вас ценности?

Регина пожала плечами, она не знала, что ответить.

Тишину нарушил отец: «Вот как оно бывает, иди спать, поздно уже», – Сергей погладил дочь по плечу и ушёл в свою комнату.

«Станный жест, никогда бы не подумала, что он сможет вызвать такую бурю эмоций, – Регина зарыдала, так она просидела минут десять. Потом умылась, переоделась и легла, спать ей совсем не хотелось. Она лежала и думала о людях, которые теперь её окружают, – какие они всё-таки необычные, им не наплевать, они готовы пожертвовать всем ради другого человека».

В комнату Регины на цыпочках, как мышка зашла мама:

– Дочка, не спишь?

– Нет.

Света села на кровать дочери, она нежно стала гладить Регину по голове. «От мамы пахло каким-то кремом, мылом, как не странно этот запах показался мне знакомым и приятным», – Регина прижалась к маме.

– Ты на него не сердись, у папы сложная операция была, – Света поцеловала дочь, – пациента спасти, так и не удалось. Поэтому он такой сегодня, на себя злится понимаешь?

– Да, – Регина кивнула.

– Его вины нет, он один из лучших специалистов, но как объяснить это человеку, – Света тяжело вздохнула, – так казнит себя, так переживает.

– Ты напоминаешь мне одного человека.

– Кого? – Света улыбнулась.

– Я не могу сказать, её уже нет на этом свете.

– Господи, ерунду городишь всякую, – мама обняла дочь ещё крепче.

«Так проговорили мы с ней до раннего утра, мне было так хорошо, впервые за долгое время, рядом со мной была мама», – незаметно для себя Регина уснула.

20 Декабря 2017 год.

Обычная городская больница, по длинному коридору в операционную бегут медсестры, врачи, они о чём-то спорят, переговариваются:

- Какая у неё группа крови?
- Вторая положительная, резус-отрицательный.
- Где анестезиолог?
- Сейчас уже идёт.
- Быстрее ну, счёт на минуты пошёл.

В операционной лежит девушка. Одна на холодном, жёстком столе. Её руки и ноги зафиксированы тугими повязками. Вся в трубках и подключённая к разным приборам. Её обнаженное тело прикрыто лишь простыней. На потолке висят большие операционные светильники, их круглые четыре лампы похоже на жёлтые глаза дракона. Огромное количество хирургических инструментов находятся рядом с операционным столом, уже от одного вида можно сойти с ума, если представить, что будет делать врач этими приборами. Но девушка спокойно лежит, она не чувствует боли, страха, холода. Вокруг неё стоят врачи, именно от них зависит жизнь пациента, который только вступил во взрослую самостоятельную жизнь.

– Можно начинать? Помогите мне, Саша, – врач повернулся спиной к медсестре, она завязала хирургу халат, одела на него перчатки.

– Какая молодая, девочка совсем.

– Хватит причитать, делай своё дело, – строго сказал хирург, – может всё и обойдется.

Регина была бледная, как и всё, что находится в больнице, её красивое выражение лица выражало спокойствие.

«Давайте коллеги с Богом», – напутственно сказал хирург, и операция началась.

Дмитрий примчался в больницу, как только ему сообщили о страшном ДТП. Ещё долго он не мог прийти в себя от случившегося. В ушах до сих пор, стоял голос Регины: «Хочу, чтобы тогда в машине, вместе с мамой была я. Прощай». Дима бегал по всей больнице требуя лучших врачей: «Любые деньги, прошу вас, только спасите её». На что главврач, сидя в кожаном кресле, отвечал спокойным сухим голосом: «Мы сделаем всё, что в наших силах». Отца бедной девушки отвели к кабинету, где за дверью сейчас проводили операцию его дочери. Дима мысленно обращался к Богу: «Только не она, пожалуйста, не забирай её, какая же я сволочь, из-за меня она сейчас умирает. Господи помоги ей, прошу тебя». Почти всю ночь шла операция, Дима нервно подходил то к двери, то

обратно сажился на скамейку. К нему подошла женщина, она была явно уставшей после ночных дежурств. У неё было доброе лицо, она не была красавицей к каким привык Дмитрий. Но что-то всё-таки в ней было такое, что немного отвлекло Диму от постоянных раздумий.

– Всё будет хорошо, с вашей дочкой, вот увидите. Самый лучший нейрохирург, рядом с ней. Вы знаете, какие у него руки, скольких он спас. А отец его какой был! Вот знаете, про них можно смело сказать: врачи от Бога.

– Это я виноват, она из-за меня страдает. Боже ну за что, сначала Ира, сейчас...

– Вы не вините себя. Всё в жизни бывает, – медсестра протянула пластиковый стаканчик, – вот выпейте успокоительное, легче станет.

Дима послушно выполнил указание милой медсестры. Прошёл час, потом другой. Секунды, минуты казались вечностью. Время остановилось. За эту ночь он прожил жизнь: огромную, многострадальную, долгую и непонятную. Надпись над дверью: «Не входить. Идёт операция» всё также горела красным, на часах было уже пять утра. Из операционной вышел, врач. Он медленно снял перчатки и подозревая медсестру, что-то шепнул ей на ухо. Диму сковал холод, сердце остановилось. «Вот сейчас я всё узнаю и всё закончится», – пронеслось в голове Димы. Врач снял шапочку, подошёл к мужчине и посмотрел ему прямо в глаза:

– Здравствуйте, это я оперировал вашу дочь. Мы сделали ей трепанацию черепа, у неё перелом грудной клетки. Был сильный удар, полученный из-за столкновения машин, и повлекший за собой серьёзную травму головы.

– Она что?

– Она жива, это главное. Можно диагностировать кому второй степени. Вы слышите меня, она молодая, всё выдержит. Сейчас ей нужен уход, поддержка.

– Она, мне, – Дима еле дышал, – я должен её увидеть.

– Сейчас это невозможно, в реанимацию никого не пускают.

– А что делать, мне то что делать, теперь? – Дима практически ничего не слышал, единственное что он хотел, это увидеть Регину.

– Успокойтесь, самое страшное уже позади. Ваша дочь в рубашке родилась. Но должен предупредить вас, что кома такой степени может пройти, для человеческого организма, не принося никого вреда, но в то же время могут возникнуть необратимые последствия.

– Что вы имеете в виду? – Дима стоял ужасно бледный, руки его были влажные, во рту пересохло.

– Выведение из комы. Реабилитационный период, вот о чём надо сейчас думать.

– Да, конечно, – затараторил Дима, не веря, что это происходит наяву, – я всё сделаю что нужно.

– Не переживайте, – хирург положил руку на плечо Дмитрия, чтобы хоть как-то его успокоить, – она сейчас под хорошим наблюдением врачей двадцать четыре часа в сутки.

Диме ещё долго объясняли, что нужно набраться терпения. Шансы на полное выздоровление есть. Но есть также и ряд осложнений. А также было не известно, очнётся она или нет. Но это было не важно, она жива.

Декабрь 1976 год.

«Прошла неделя моего пребывания в советском союзе, понемногу я привыкла к очередям, талонам. К людям, к жизни в целом. Оказывается, можно жить и без интернета, планшета и телефона. Общение «ВКонтакте» заменило мне живое общение, это куда более приятно. Я не засыпала на лекциях и предметы мне не казались бестолковыми. Самое главное у меня была семья, конечно не родная, но кто об этом знает. Я читала книги, потом обсуждала их с друзьями. После учёбы вместе с Таней мы ходили по выставкам, музеям, она мне показывала старую Москву. А я ей рассказывала про недалекое будущее. Она с интересом слушала всё, что я ей говорю. Больше всего её поразила сотовая связь, а про общение по скайпу она не верила», – Регина с Ташей сидели на лавочке в парке Горького и ели мороженное.

– Прямо так сидишь и видишь через телефон человека из другого города? – Не верила Таня.

– Даже из другой страны.

– Ого, ничего себе, вот это жизнь будет!

– Плохая жизнь.

– Столько всего у тебя есть, и ты не была рада этому, – Таша презрительно фыркнула.

– Тебе не понять.

– Разве? Учусь я лучше тебя вообще-то, – Таша обидно закусил губу.

– Ты один, один в огромном мире. Никому нет дела до того, что ты делаешь, о чём мечтаешь. Никого нет рядом, когда тебе плохо, тебя никто не успокоит, когда ты плачешь. Это не означает, что когда ты живёшь в четырёхэтажном доме ты не одинок. Ты по-прежнему чувствуешь себя ненужным.

Подруга крепко обняла Регину: «Теперь ты не одна, у тебя мы есть».

На перерыве между лекциями к Регине подошёл, тот самый молодой человек. Которого она видела в актовом зале на собрании. На нем была надета рубашка, поверх вязаная кофта и пиджак коричневого цвета размера на два больше. Брюки тоже болтались.

– А как тебя зовут, – начала разговор Регина, видя, что он стесняется.

– Кирилл.

– Патриарх?

– Что? – Не понял юноша.

– Ничего всё время забываю где я.

Кирилл поправил свои очки и вопросительно смотрел на Регину:

– Ты такая странная стала, совсем забыла своего верного друга.

– Мы что с тобой, друзья?

– Я так и знал, что после моей глупой выходки ты не станешь со мной говорить.

Регине уже стало интересно что же произошло, тем более на лицо он был симпатичный:

– Что было, я не помню, расскажи.

Кирилл явно был озадачен, а Таша, которая вернулась из столовой, вообще заставила его уйти.

– Помирились? – спросила Таня, кусая коржик.

– А кто это?

Таша подробно рассказала, как долго добивался её Кирилл: он признался в любви и думал, что это взаимно. А после поцелуя, прежняя Регина дала ему пощечину и не общалась с ним, всячески избегая с ним встреч, а бедный Кирилл ходил как в воду опущенный.

– А он мне понравился, дура эта Регина.

– Ещё бы, – Таня засмеялась, – за ним пол института девчонок бегают, а он тебя выбрал.

По словам Таши, он был очень воспитанный, умный и семья у него была очень хорошая. Кирилл был знаменитостью в институте. Выигрывал олимпиады, ездил на конференции, его многие уважали и любили. Он был знаком с множеством известных людей, что ещё больше привлекало ровесниц Регины.

– Нельзя упускать своё счастье.

– Подожди, – Таня удерживала Регину за руку, – только не говори ему, что ты не та Регина.

– Разберёмся, – Регина подбежала к юноше, который всё ещё наблюдал за ней влюблёнными глазами.

– А пойдём сегодня на каток, у нас на озере снег расчистили, ёлка большая красивая стоит.

– Конечно, только вот, – Кирилл стал заикаться при виде своей единственной, – я кататься не умею.

– Научим, – Регина поцеловала Кирилла в щеку.

Бедный парень, чуть не упал от такого решительного поступка девушки.

«Нельзя, влюбится за такой короткий срок, – уговаривала себя Регина, – ну он такой хороший, моя вторая половинка». Все последующие дни Регина провела с Кириллом, про Ташу, конечно, она не забыла. Это девушка была зажигалочкой номер один. В новой семье тоже было всё благополучно, Сёма выиграл конкурс на «лучший рисунок» и его поздравляла вся детсадовская группа.

На дворе стоял 1976 год 30 декабря.

В гости к Кузнецовым приехала бабушка. Сёма её очень ждал, да и вообще с приездом Зинаиды Александровны в доме стало веселее.

– Ну-ка подь сюда.

– Куда? – Регине, казалось, что бабушка говорит вроде и на русском, но в то же время понять это было не возможно.

– Сюда, – баба Зина протянула внучке красную сетку, – на ка вот, авоську тебе, пойдёте сейчас со Светой в гастроном.

– Может она одна ходит?

– Как это она ходит, если в одни руки только четыре банки майонеза выдают.

– Почему?

– Дефицит потому что, – в разговор подключилась мама.

– Вот тебе ещё, – бабушка передала Регине пустые стеклянные бутылки.

– А это то зачем?

– В пункт приёма сдашь, а на вырученные копейки мороженое купишь, – бабушка похлопала Регину по щеке, – всё иди, следовай.

Регина с мамой стояли с кучей сумок и бутылок уже целый час на морозе.

– Давай чайку попьём, согреемся? – Предложила мама.

– Какого чайку?

– Так вон из термоса, – Света открутила чашечку и налила горячего черного чая и протянула дочери.

– Спасибо, – Регина сделала один глоток сладкого напитка, – даже легче стало, и настроение такое боевое.

– Смешная ты у меня, – мама одела поверх шапки капюшон и повязала шарф, теперь её дочь была похоже на чукчу. На очень счастливую чукчу.

Тридцать первого декабря Регина с братом украшали ёлку. Долгожданную красавицу леса, Сёма ждал с самого утра. Весь в нетерпении он носился по квартире и всё смотрел на дверь, из-за которой вот-вот должен был появиться отец с праздничной хвоей. Ёлочные игрушки были на прищепках в виде зайчиков, попугайчиков, белочек, шишечек. Таких украшений Регина никогда не видела. Она аккуратно доставала по одной игрушке и долго их разглядывала. Сергей поднял сына на вытянутых руках и светящийся от счастья Сёма повесил макушку на ёлочку. Сверху на веточки насыпали зубной порошок, что-то вроде искусственного снега. Выглядело это волшебно. Мама с бабушкой готовили праздничный стол. Помогать заставили и Регину обосновав это, так: «Не научишься готовить, не выйдешь замуж». Целый день в кастрюле варились говяжьи ноги на холодец. Все ингредиенты на салат Регина резала на маленькой тёрке. Руки у неё были красные от свеклы, а вот душа? В ней таилась гармония и спокойствие. Этот новый год, она встречает с семьёй.

В маленьком чёрно-белом телевизоре шла передача «Голубой огонёк», бабушка очень любила этот концерт. Сидя в кресле и не отрывая взгляд от телевизора, она продолжала готовить салат. Стол был покрыт белоснежной белой скатертью, мама расставляла салаты в какой-то непонятной последовательности, а Сёмка потихоньку таскал конфеты из вазы. Сервиз в этом доме был настоящим антиквариатом, но так думала только Регина. А для советский людей обычная фарфоровая посуда. На ней были расписаны красивые цветы сирени, тоненький золотой ободок подчеркивал и украшал каждую тарелочку. Никогда в жизни Регина столько не готовила, теперь оглядев стол она поняла, что домашняя пища ни за что не заменит ресторанный. Оливье, курица фаршированная, салат мимоза, заливная рыба (да вы не ослышались, блюдо из известного советского фильма), селёдка под шубой. Шпроты, как ни странно, но с хлебом, самое то. Торт наполеон, бабушка точно знает тайный рецепт, потому что вкуснее кондитерской выпечки вы не найдёте. Советское шампанское, коньяк с глупым названием «Белый лис», мандарины, всё это было, как в кино. И конечно, главным на новогоднем столе были бутерброды с красной икрой. Скоро уже должен был прийти Кирилл, Регина его очень ждала. Таша тоже обещалась зайти поздравить, только уже в семьдесят седьмом. Новгодним подарком для дочери было платье, сшитое руками мамы.

– Королева, – мама расправляла складки длинной юбки.

– Мне таких дорогих подарков никто не дарил, спасибо, – Регина поцеловала Свету.

– Не зря мы тебя называли в честь советской манекенщицы Регины Збарской, ты такая же красивая.

– Говорят судьба у неё не счастливая, – смазывая салат майонезом произнесла бабушка.

– Но у тебя другая будет, – ещё раз, поцеловавшись, сказала мама дочери.

– Правильно, чужую судьбу копировать не след, – помогла с советом бабушка.

В квартире раздался звонок.

– Это Кирилл, мам, ба, откройте же кто-нибудь, – Регина спряталась за дверцей шкафа.

– Ой, никак не сладишь с вами, пойду отомкну, – бабушка не спеша прошла в коридор.

Регина плохо слышала о чём говорят её представители с парнем, мешала прочная стена. Немного подождав, Регина вышла из своего убежища. Кирилл стоял на пороге с конфетами, какими-то фруктами и цветами, гвоздиками.

– Башковитый он у тебя, – кивнула бабушка Регине.

– Очень хороший, у тебя молодой человек, – улыбнулась мама.

– Ну проходи в комнату, не будем же мы новый год на пороге встречать? – Сергей пожал руку Кириллу.

Вся семья в сборе, бой курантов, выстрел пробки от шампанского, каждый загадывает желание, за окнами раздаются громкие звуки салютов. Регине не хотелось что-то загадывать, она хотела обратиться к этим родным людям: «Не знаю, почему я здесь, как моя настоящая семья связана с этими людьми? Но я очень благодарна судьбе за этот новогодний подарок. Вы научили меня радоваться мелочам. Много изменилось в моей жизни, я уже не чувствую себя одинокой. Меня окружают люди, которым я нужна, они подарили мне любовь и веру, веру в то, что жизнь продолжается не смотря ни на что». Кирилл обнял Регину за талию и тихо прошептал:

– Надеюсь мы больше никогда не будем ссориться, и ты всегда будешь рядом.

– Куда я денусь, Кирюша, – Регина взъерошила волосы на голове у парня.

Все искренне желали друг другу счастья, здоровья. Обменивались подарками, обнимались, целовались. «Не хочу, чтобы эта сказочная ночь

заканчивалась, – Регина допила бокал шампанского, – почему нет ничего вечного?».

Январь 2018 год.

Больничная палата, вся белая и чистая. На тумбочке рядом с кроватью, расставлены фотографии, книги. Медсестра Вера дочитала главу «Человек, который смеётся» Виктора Гюго, тяжело вздохнув она сняла очки и долго смотрела на девушку. Её смена заканчивалась и на её место должен прийти другой медработник.

Пациентке было не больше двадцати лет, для её выздоровления были созданы все условия. Теперь всё зависело от неё, если она будет бороться, то вскоре пойдет на поправку.

Регина очнулась в больнице, её тяжелые веки не давали открыть глаза. Вокруг плыл туман, она тяжело дышала, ей мешала какая-то трубка. Кучу приборов, подключенных к ней глушили её сознание. Какой-то силуэт наклонился над ней. В палату забежал врач, он был невысокого роста, темные короткие волосы были аккуратно уложены. Его лицо, что-то напоминало Регине.

– Регина, ты меня слышишь? Успокойся, всё хорошо, ты находишься в больнице. Сейчас я отключу аппарат искусственного дыхания. И ты будешь дышать сама, хорошо? Давай попробуем на раз, два.

Огромный поток воздуха вонзился в грудь девушки. Она задышалась, кашляла.

– Тихо, тихо, спокойно дыши, вдох выдох. Вот так хорошо, ты молодец.

– Наверно надо сообщить её отцу, – обратилась медсестра к врачу.

– Да, конечно, Вер позвони ему, пусть приедет.

Дима бежал по лестнице, в последние время он так бегал, ещё в институте. Перед палатой своей дочери, он остановился. Отдышавшись и немного успокоившись, Дима открыл дверь. Регина лежала бледная, она внимательно слушала, что говорил ей врач.

– Папа?

– Девочка моя, прости меня, – Дима крепко обнял и поцеловал дочь, – все хорошо будет.

– Всё пропало, – Регина заплакала на плече своего отца, – я обратно хочу.

– Ты жива, это главное, теперь всё по-другому будет, – уверял Дима.

– Что произошло? – Регина до сих пор не верит, что находится в двадцать первом веке.

– Авария, ты чудом осталась жива, две недели в коме, – Дима погладил дочь по голове, – сложная операция, я уже и не верил, что снова смогу с тобой разговаривать.

– Тебе что-нибудь нужно? – Обратилась медсестра к Регине.

– Нет, спасибо, – Регина рассматривала отца и женщину.

– Спасибо, Верунь, ничего не надо, – поэтому обращению Регина поняла, что этих двух людей связывает не только больной ребёнок.

Вера сложила все медицинские приспособления и вышла из платы.

– Она мне нравится, – прошептала Регина отцу.

– Правда? – Дима расплылся в улыбке. – Она потрясающая женщина!

В палату зашёл врач, он наклонился к Регине, сделал осмотр и присел на краешек кровати:

– Ну если и дальше дело так пойдёт, то скоро выпишем.

Регина никак не могла вспомнить, где она видела этого человека:

– А как вас зовут, простите?

– Кузнецов Семён Сергеевич, самый лучший нейрохирург в мире, – счастливо произнес отец, – если бы не он...

– Ладно, не преувеличивайте, – скромно произнес врач.

– Сёмка! – крикнула Регина. – Неужели это ты?!

– Да, меня так сестра называет, её тоже Регина зовут, – погладил по голове Регину врач.

– Вот какие совпадения бывают, – заверил Дима.

«Вот это да! Это тот самый малыш, не может быть, он спас мне жизнь. А что теперь, как жить?», – спрашивала себя Регина.

– А где она сейчас, ваша сестра?

– Она живёт за городом, у неё прекрасная семья, трое детей.

– Не может быть, трое детей?!

– Ну почему не может, – Сёма засмеялся, – жизнь продолжается, у тебя теперь тоже всё будет. Ладно я пошёл, мне ещё обход делать.

Дима благодарственно пожал руку врачу и стал протягивать конверт, от которого Сёма категорически отказался.

– Так странно, я даже не скучала по тебе папа Дима, – обратилась Регина к отцу.

– Ты была в коме, это всё объясняет, – Дима смотрел на свою дочь, которая ещё больше повзрослела.

– Прости меня, пап, – Регина обняла своего единственного отца.

– Ты меня тоже, пожалуйста прости, дочка.

Вот и настал тот долгожданный день выписки, Регину окружали теперь два человека, которые её любили это Дима и Вера. «Наверное –

это настоящая семья, Вера заботливая, любящая женщина, – Регина сидела на заднем сиденье машины и рассматривала своих родителей, – о такой жене мечтал всегда папа, и вот наконец нашёл своё счастье».

В машине зазвучала песня:

Мой адрес не дом и не улица –

Мой адрес - Советский Союз.

Регина засмеялась и от смеха у неё покатались слёзы.

– Давай переключу радиостанцию, – предложил Дима.

– Нет, пап, эта теперь моя любимая песня будет.

Всё действительно изменилось, папа уже не был таким гулякой, как раньше. Теперь он был верным мужем и заботливым отцом. Желание Регины бросить юридический факультет и быть врачом, Дима не то чтобы поддержал, но понял её решение.

Прошла неделя, потом ещё одна и наступила весна. На улице расцветали деревья, распускались первые цветы. Солнце светило по-весеннему тепло и радостно. На прогулке в парке Регина наблюдала за людьми, как когда-то это делала в советском союзе. Девушка поправила лёгкую шапочку, которую связала ей Вера. После операции волосы не скоро отрастут.

Регина открыла сумку и достала хлеб. Она стала бросать кусочки уткам, которые плавали по кругу в ожидании лакомства. «Это конец, всё пропало, я только обрела счастье и вот опять я здесь. Кончилось это необыкновенное время», – Регина посмотрела на себя в отражении воды. Теперь она стала копией своей мамы.

– Девушка у вас сумка открыта и вот тут упало, – незнакомец поднял пудру и протянул её Регине.

– Спасибо, – она поблагодарила парня, он был очень похож на её Кирилла. Только очки он не носил, и причёска была другая.

– Что стоишь грустишь, пошли научу на скейтборде кататься? – Парень оттолкнулся ногой об асфальт и встал на доску с четырьмя колесами. Делая при этом невероятные движения, он покатился вперёд.

Солнце светило Регине прямо в лицо, она улыбнулась. Вечер был тёплый.

«Дай мне какой-нибудь совет, мама» – прошептала Регина и бросила остатки хлеба в воду, брызги размывали отражение её лица.

Парень смотрел на Регину, как на чужестранку. Но это притягивает, они остались вдвоём в парке, весь мир для них не существовал. Им было хорошо вместе, свободно и легко. Какой бы совет дала ей сейчас Ирина? Такой же, как и любая другая мама своему ребенку: «Это не конец, это начало твоей новой счастливой жизни Регина. Будь счастлива дочка и знай, я рядом».

Светлана Солнцева

Полотняная мебель

Жарко. Заходящими мессерами тяжело гудят слепни. Воздух стоит вязким студнем. Вздрагивает от проходящих по Большой дороге машин. Яркие глаза летних георгинов наполняются пылью.

Лисенка с Волченкой сидят в тени. Шьют мебель. Сгибают в каркас мягкую алюминиевую проволоку. К ней крепят ткань. Дети ровно и мерно кладут стежки, обшивают разноцветными лоскутами серебристые проволочные изгибы.

Лисенке скучно. Она откладывает надоевший кукольный стульчик в сторону и задумывается. Впрочем, это скорее видимость задумчивости. Так, разморённость жарой. Хитрые георгины подмигивают, заговорщески.

- Я попить.

Алюминиевый ковшик лязгает по зубам. Капли коридорным холодом текут по шее. Девочка, уволенная из мебельного производства, ложится в кровать, под прохладный полог.

Невидима и свободна...

Сине-зелёные стрекозы

Синие, зелёные стрекозы. Сбежавшие от Альфонса Мухи. Их эльфийские, осыпанные самоцветной крошкой крылья просто скреплены, как маленький веер, узким суставчатым тельцем-палочкой. Лисенка наблюдает над осокой их неспешный танец, хочет поймать.

Плюсса - река холодная, с омутами, лозами. А летнее солнце нещадно печёт Волченку, что собирает на песчаном косогоре малиновые свечки смолянок.

Он склеивает и расклеивает чёрные пальцы, сжимает угольный букет с огненными прострелами цветов и думает:

- Если она оборвёт им крылья, мы их приклеим смолой и поставим на растяжку.

Коллекции, гербарии. Убитая красота. Когда ты перестанешь их собирать, милая Лисенка? Когда?

Купание коня

Зелёный велосипед, красные шины. Лисенка разгоняет его пробегом, вспрыгивает на ходу.

Далеко впереди полощется надутая ветром рубаха брата.

- Волченкааааааа.....

Свистящий ветер сносит голос назад. Придорожная трава хлещет по лодыжкам, колёса идут юзом в песке.

Вперёд, вперед, пригибаясь к рулю, насилуя педали. Нет, не догнать...

Только у реки они снова рядом, заведя велики по втулки в воду, моют пучками травы блестящие серебристые спицы. Смеются.

Колышут в воде отражение солнечной колесницы, и смущенный Феб останавливается протереть золотые спицы ватой облаков.

Время застывает, удлиняя и так бесконечный день детства.

Сирень на Пажинской

За деревней синий вечер. Прохладно. Две огромных сирени осыпаны росой и лунным пеплом. Глубокие тени прячутся между оливковыми сердцами листьев.

Завернутые в махровые полотенца кустов, дети прижимают с пузам влажные лиловые пучки. Их рОсный бархат нежит запахом мокрые носы, холодит лица.

Художники разводят жирное масло, красят голубой краской мятый жестяной кувшин.

Взошедшее солнце упирётся в него янтарным глазом.

Раскроет этюдник.

Звездный август

Лисенка и Волченка на гладкой тарелке поля, уставив носы в огромный, блистающий купол-крышку.

Кажется, миг и Божественный людоед снимет ее, чтобы стало очевидным, как дети вкусны и воспитаны.

Проносятся корпускулы времени, купол вращается, серебристые спутники играют в pinball, обрушивая быстрые звезды желаний, а дети?

Дети замирают сладким десертом, облитые звездным молоком.

Гыса

Белая, ладная, в больших чёрных пятнах. Дикой прибилась, знатный мышелов.

Даётся только кормить, и только бабушке:

- Матрёна, Матрёша, кис-кис...

Лисенке с Волченкой обидно:

- Гыс-гыс...Гыса...

Дети лежат на полу с кочергой, загонщики. Гыса шипит из-под шкафа. Тигры и джунгли.

Вбегает бабушка с мокрой тряпкой, спасти любимицу.

В сентябре уезжают в город, кошку оставляют в соседском доме. Она бежит за машиной, доколе хватает сил, и орёт, надрывая сердце.

В дом входит осень и сворачивается на любимом кошачьем месте.

У соседки бабы Нади тепло, налито молоко, в углу огромная голубая икона "Крещение Христа". Золочёные виноградные лозы оклада. Заянский поп сколько лет для церкви просит, не отдаёт.

Матрёна столбиком садится на лавку.

У бабы Нади лучистые, голубые глаза, цвета воды в Иордане. От них лучатся морщинки.

- Ты потерпи, Матрёша, потерпи, отпустит, - тихо говорит она.

Поправляет лампадку и крестится:

- Вот зима пройдёт, и отпустит.

От печки волнами накатывает жар. Поворот к холоду.

Ноябрь. Ностальгия

Хмурый ноябрь - месяц моего рождения. Затаптанная прихожая зимы. Длинные холодные ночи, тёмные, узкие, как коридоры коммуналки, дни. Лучшее время для депрессий.

«Я ушла тебя рожать в демисезонном пальто, вернулась - в зимнем», - говорит мне мама. «Пальто было приталенным», - добавляет она с видимым удовольствием.

Она рассказывает про бараний вес, 42 кг, и я понимаю, что вытащить из них мои четыре с половиной было настоящим подвигом, и говорю о том, как её люблю.

На подоконнике комнаты – глоксинии, с бордовым бархатом внутри и беззащитной розоватой кожицей снаружи. За стеклом – кроны кленов, а где-то внизу – огромный сук. Он торчал над оградой клиники нервных болезней, что против нашего дома, прямо перпендикулярно 14-ой линии. В него-то я и въехала головой, сидя на папиной шее, вертась по сторонам, чем обеспечила себе повод для разного рода юмора на всю оставшуюся жизнь.

В клинике бабушка Клава работала санитаркой в блокаду. Дед Вася умер в другом районе. Разбомбили госпиталь с ранеными. Бабушка выжила. Уже не вставала. Родственник навестил, вошли корабли в Неву: дрова в буржуйку, чай горячий, паёк.

На кухне – чёрный ход, с невероятным, на полдвери крюкОм, окно над петербургским колодцем, разномастные проржавевшие крыши и купол Исакия вдалеке. В огромной ванной – голландка и везде крюки, крючки, крючочки. У соседки – канарейки и юбочки фуксий на окошке.

Переехали. 1-ый трамвай с 8-ой линии идёт прямёхонько до нас, только долго. Серые и синие билетки. 3-хкопеечные монеты под плексигласом кассы.

С филфака мимо Кадетского корпуса, мимо Меншиковского дворца, криво гуляя через Соловьёвский сад, мимо Академии художеств, дома академиков, моей 31-ой школы, за училищем Фрунзе – к бабушке кушать. Летом хождение по парапетам, зимой – под мостами. Тогда можно было лежать на воздухе, были открыты все порталы.

Зеленое буклированное пальто с воротником-стойкой. Вокруг шеи цветная косынка, как в «Мёртвых душах». Моя голубая махновская, каракулевая папаха, Андрюхина голубая скромненькая Лада.

А на улице снЕги
вновь асфальт замели.
Сквозь смежённые вЕки
вновь твои «Жигули».
В стылом воздухе, в солнце,
в голых ветках, в снегу
я в зелёном на белом
к голубому бегу.

Белые шары хризантем. В день рождения. Огромные, снежные, с желтизной в стиснутой упругими изгибами макушке. На высоких матово-

бирюзовых стЕблях, с гофрОй резных мощных листьев, дурманящих полынным ароматом. Они стряхивают оцепенение и медленно раскрываются, отходя от стебля. Так расправляются новогодние ёлки, когда их освобождают от пут.

Хризантемы – ёлки осени.

Я вернулась в свой город...

... довольно пошло; не - «нахлынуло», не - «рыбий жир глотать» ... а по делу, в командировку. Правда, командировка - творческая, это меня костыльно реабилитировало.

... неприятное слово - «реабilitировало», неприятное во всех отношениях...

... писала книгу об одном профессоре... Требовалось согласовать некоторые вопросы, связанные с написанием и публикацией.

Супруга профессора – милый, интеллигентный человек, но 9 часов утра – время не для визитов, малоподходящее, скажем себе честно, время. Погода пасмурная, дождя нет... от Московского вокзала на Петроградскую, аккуратно рядом с особняком Кшесинской, можно и пешком... Пройдусь, думаю, по Невскому, сверну на Садовую, там мимо Михайловского, Летнего, по Троицкому... и... и на улицу Куйбышева....

Пошла... изучаю витрины... останавливаюсь у каждого столба... Кофе хочется... кофейни не нравятся... Уже на Аничковом методику остановки коней на скаку освежила, и в Елисеевский заглянула – вдруг кафе сделали - а всё не подберу ничего подходящего...

С Невского свернула на Садовую, и вот, ресторан "Царь"... это мой размерчик... Перед отъездом не гуглила, надеялась на духовную связь, чутьё. Что-то почуяла, как выяснилось позже традиционные блюда царской кухни, и прямо с ранья отправилась в кулинарное путешествие в XIX-XX века, забыв про жену профессора и про то, что денег хватало разве на «Шоколадницу».

Слава богу, на шикарных императорских приемах цесарок с белыми грибами и оленей с брусникой с утра не подавали. Зато заведение предлагало завтраки, которыми не гнушались цари. Интерьер прекрасный: портреты маслом, антикварная мебель, посуда. Главное, я одна оказалась ранней пташкой, долго клювом в стекло стучала, спали ещё все - суббота, поэтому я почувствовала себя истинно по-царски. После поезда голова у меня убрана – не айс, но я ее немного подрихтовала перед трюмо из парижского салона.

Выбор по меню - ;ufs brouill;s au saumon. Омлет с лососем сонные повара готовили долго и определенно из Кощеева яйца. Гигантские размеры и многослойность были удивительны! Когда прорезАлся очередной пласт, изнутри что-нибудь выскакивало или вываливалось. Я, как Иван-цесаревич, реально чувствовала, что мышцы группируй – не группируй, а кого-нибудь обязательно упустишь.

Когда все омлетные беглецы были пойманы, настало время расплаты. Кредитка мужа была с собой, резервная, данная им на случай неуда по ресторанной арифметике; не единственного на сегодня. Двойки в этот пасмурный день преследовали меня.

Выйдя на Садовую, я обнаружила, что начался дождь. Прошла чуть-чуть вперёд и встала под козырёк у парадного, напротив комендатуры, ждать второй трамвай. Желтая табличка остановки привычно плясала на натянутом тросике. Достала смартфон... Минут через двадцать меня стало беспокоить, что двойки нет и нет. Она всегда ходила плохо, но пора бы... Несмотря на мелкий дождичек я стала расхаживать взад-вперед, изредка останавливаясь под козырьком в классической позе киношных проституток: плечи и подошва согнутой в колене ноги прилеплены к стене...Двойка не шла, зато объявился какой-то мужчина, поинтересоваться целью моего пребывания в родном городе.

- А двойка ходит? – решила я осведомиться у подошедшего, начиная смутно догадываться, что причины для беспокойства есть.

- Что Вы, на Сенной все рельсы позастроили давно, какие трамваи!

- А как же добраться на Петроградскую?!

- Автобус ходит, но очень редко, лучше маршруткой.

Потратив полчаса на ожидание заветной маршрутки, я приехала на встречу мокрая, раздраженная, с неприличным опозданием.

Хоть кофе – не водка, а с ним надо поаккуратнее. Особенно с утра!

Господь

Она подъехала к колледжу, и Жэка с Таней стали выгружать из машины инструменты.

Госэкзамен – ансамбль. С трудом вытащив сумку с пирожками, накрывать стол преподам, Она вздохнула, тяжело хлопнула дверью, умиряя вещи в руках.

- Господи!

- Кто сказал, Господи?! Вот он я! – послышался веселый голос, и из-за микрика почти выпрыгнул, только что не сказав «ап!», веселый старичок, своим видом весьма и весьма походивший на Саваофа. Аккуратная прегустая борода, мягкие усы, а- ля физиолог Павлов, белый одуванчик волос. Одет был незатейливо, по - бомжацки, подпоясан чем-то, не успела заметить, чем, и на ременном поводке - внушительный Барбос.

Она уставилась на босые грязные ноги Господа, а он продолжал щебетать веселым Папагено, дОбро усмехаясь в усы:

- Хорошего Вам дня, деточки, чтоб все ладилось да сбывалось! Хорошего дня!

Все механически продолжали двигаться от машины к колледжу, и Господь остался позади, бубня им вслед: «деточки – деточки».

Задним числом Она пожалела: не оглянулась, не узнала, свернул он за угол или бесследно растворился в воздухе вместе с незатейливым своим псом?

- Высшего класса бомж, - обронил Жэка, - ему б в метро зарабатывать!

- Аккуратнее в выражениях, дорогой! Боги имеют свойство - являться людям! А вдруг?!

В тот день экзамен был сдан на безукоризненное «отлично».

- Спасибо, Господи!

Контактная информация авторов

<i>Сотникова Мария Алексеевна</i>	<i>m.cotnikova@mail.ru</i>
<i>Москвина Ксения Владимировна</i>	<i>twlifebyksuscha@mail.ru</i>
<i>Тверитинов Алексей Дмитриевич</i>	<i>atveritinow@mail.ru</i>
<i>Попель Юрий Андреевич</i>	<i>ecefan@icloud.com</i>
<i>Капасакалиди Алики Янисовна «Alik Wonder»</i>	<i>aliki02.kapasakalidi@mail.ru</i>
<i>Муравьева Мария Владимировна «DZUDZO»</i>	<i>mashka.17v@yandex.ru</i>
<i>Трихина Светлана Игоревна «Светлана Солнцева»</i>	<i>trikhina@gmail.com</i>
<i>Ананич Илья Сергеевич</i>	<i>ilya.ananich.00@mail.ru</i>
<i>Зеленевская Елена Анатольевна «Лесана Зеленевская»</i>	<i>lesanaveles@tut.by</i>
<i>Ипатов Александр Александрович</i>	<i>ipatow@list.ru</i>
<i>Трушкова Анна Ивановна</i>	<i>truann13406@mail.ru</i>
<i>Виктор Нойбергер «Вито Бжицкий»</i>	<i>v.neuberger@yahoo.de</i>
<i>Назарова Светлана Яковлевна</i>	<i>svetlanapoe@mail.ru</i>

Сборник прозы

«Сокровенные мысли»

Выпуск 11

Все права на произведения принадлежат
исключительно их авторам.

Составитель-редактор:

Независимое Издательство «Первая Книга»

www.перваякнига.рф